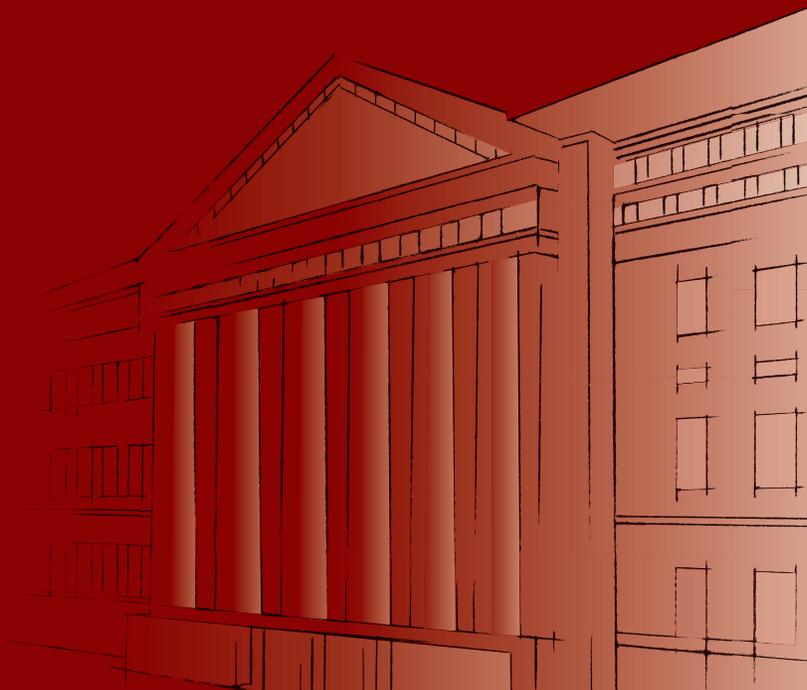

ЛАРИСА МУКОВСКАЯ

Выражение количественности в имени
в русском и эстонском языках

ЛАРИСА МУКОВСКАЯ

Выражение количественности в имени
в русском и эстонском языках

Отделение славистики колледжа иностранных языков и культур
Тартуского университета

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии по русскому языку 26 августа 2021 г. решением совета по защите докторских диссертаций по программам германо-романской филологии и русской и славянской филологии Тартуского университета.

Научные руководители: Ирина Кюльмоя, кандидат филологических наук, профессор-эмеритус Тартуского университета
Бируте Клаас-Ланг, кандидат филологических наук, профессор Тартуского университета

Оппоненты: Ханну Томмола, PhD, профессор-эмеритус университета Тампере (Финляндия)
Елена Каллас, PhD, старший компьютерный лексикограф Института эстонского языка (Эстония)

Защита состоится 22 октября 2021 года в 12.00 в зале Сената главного здания Тартуского университета (Ülikooli 18–204).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Европейского фонда регионального развития (DORA PLUS Programme, Тартуский университет).

European Union
European Regional
Development Fund

Investing
in your future

ISSN 1406-0809
ISBN 978-9949-03-715-5 (print)
ISBN 978-9949-03-716-2 (pdf)

Copyright: Larisa Mukovskaya, 2021

University of Tartu Press
www.tyk.ee

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список сокращений.....	7
Введение	8
1. Квантитативность в языке	15
1.1. Понятийная категория vs языковая категория.....	15
1.1.1. Дискретность / недискретность как понятийная основа квантитативности	15
1.2. Теория множества в языке	17
1.3. Лексико-грамматическое поле множественности	19
1.4. Функционально-семантическое макрополе количественности	20
1.4.1. Полицентризм функционально-семантического поля количественности	24
1.4.2. Функционально-семантическая категория квантитативности (М. В. Всеволодова) и функционально-семантическое поле количественности	27
1.5. Конституенты поля количественности	28
1.6. Квантитативность и определенность / неопределенность.....	31
Выводы	32
2. Категория числа	34
2.1. Число и предметность	34
2.2. Число и исчисляемость имени	35
2.3. Конституенты категории числа в русском и эстонском языках, их системное представление (парадигма числа)	39
2.4. Число и лексико-грамматические разряды слов	45
2.4.1. Конкретные имена	45
2.4.2. Имена собственные	46
2.4.3. Имена собирательные	51
2.4.4. Имена вещественные	58
2.4.5. Имена отвлеченные	62
2.5. Формы единственного числа	63
2.6. Формы множественного числа	66
2.7. Имена с неполной парадигмой форм числа	70
2.7.1. Имена <i>singularia tantum</i>	70
2.7.2. Имена <i>pluralia tantum</i>	72
2.8. Имена <i>quasi-tantum</i>	91
2.9. Имена с неустойчивым оформлением числовых форм.....	96
2.10. Сложные слова <i>pluralia tantum</i>	98
Выводы	99

3. Число и падеж	104
3.1. Падеж и формы единственного числа	104
3.2. Падеж и формы множественного числа	106
Выводы	109
4. Квантитативность в квантитативной и именной группах	111
4.1. Квантитативность в квантитативной группе	112
4.2. Квантитативность в именной группе с прилагательным.....	121
Выводы	126
5. Квантитативность и дистрибутивный контекст	129
Выводы	139
Заключение	141
Литература	148
Основные источники	158
Kokkuvõte	160
Summary	169
Curriculum vitae	179
Elulookirjeldus	180
Публикации по теме диссертации	181

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2род.	второй родительный падеж
англ.	английский
букв.	буквальный перевод
венг.	венгерский
вин.	винительный падеж
дат.	дательный падеж
ед. ч.	единственное число
им.	именительный падеж
ИС	имя собственное
мн. ч.	множественное число
нем.	немецкий
перен.	переносное употребление
пред.	предложный падеж
род.	родительный падеж
рус.	русский
собр.	собирательное имя
твор.	творительный падеж
тур.	турецкий
фр.	французский
ФСК	функционально-семантическая категория
ФСП	функционально-семантическое поле
эст.	эстонский

ADE	adessive
ADV	adverb
ALL	allative
ASSOC	associative
COM	comitative
COMP	comparative
COMP ^{sup}	superlative
EL	elative
GEN	genitive
ILL	illative
IN	inessive
N	noun
NOM	nominative
NP	noun phrase
NUM	numeral
param	parametric
PART	partitive
PL	plural
pl.tt	pluralia tantum
SG	singular
sg.tt	singularia tantum
TERM	terminative
V	verb

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы количественность и проблемы выражения количественных значений в языке привлекают все большее внимание исследователей, работающих в разных направлениях современной лингвистики. Большинство современных исследователей относят количественность (количественность) к области когнитивных исследований и семантики [Арутюнова 2005; Wierzbicka 1988; Ляшевская 2004; Числовой код 2014], Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев рассматривают количественность в рамках референциальной теории языка [Булыгина, Шмелев 1988; Шмелев 2002]. С другой стороны, многие исследователи рассматривают количественность в рамках функционального [Акуленко 1990; ТФГ 1996] и типологического [Corbett 2004] подходов. Современные подходы к описанию количественности на разных уровнях языковой системы и в когнитивной лингвистике формировались в русском языкознании под влиянием таких фундаментальных исследований, как «Русская грамматика» [РГ 80], работа А. А. Реформатского «Число и грамматика» [Реформатский 1960], исследования И. А. Мельчука [Мельчук 1985, 1995], М. А. Шелякина [Шелякин 2001], А. А. Зализняка, Е. В. Падучевой [Зализняк, Падучева 1997], А. А. Холодовича [Холодович 1946]; в эстонском языкознании — «Грамматика эстонского языка» [EKG 1995, 1993], работы М. Эрелта [Erelt 1997], Р. Паюсалу, И. Трагел, А. Вейсманн, М. Вийа [Pajusalu et al. 2004], Л. Палдре [Paldre 1997], Х. Метсланг [EKS 2017], в уралолингвистике — работы А. И. Кузнецовой, Марты Х. Варга [Кузнецова 1998; Varga 2012]. В истории исследования количественности в мировой лингвистике большое значение имели работы О. Есперсена, Дж. Гринберга, М. Драйера [Jespersen 1924; Greenberg 1972; Dryer 1989].

Настоящее исследование посвящено способам выражения количественности в русском и эстонском языках и представляет попытку описать грамматические средства актуализации количественных значений, а также числовое поведение имен. Основное внимание уделено грамматическим аспектам, ведь именно грамматика представляет наибольший научный интерес с точки зрения контрастивного описания языковой системы. Проблематика количественности, однако, неизбежно оказывается связанной и с особенностями лексических единиц, поэтому материалы лексикографических описаний и семантического анализа в большом объеме оказались востребованы в работе.

Количественность понимается нами как семантическая категория, актуализирующая представления о комплексе понятий количественного содержания: количество, множество, число. Количественность — это количественная мерность предметов, признаков, действий, ситуаций. Категория количественности в языке понимается как «совокупность языковых средств, предназначенных для выражения количественных значений, характеризуется следующими двумя свойствами: универсальностью, т. е.

принадлежностью всем языкам мира, и тотальностью, т. е. принадлежностью всем сторонам знаковой системы языка. Поскольку количественная характеристика есть одна из обязательных форм существования субстанции, то количественные отношения находят то или иное выражение во всех языках и составляют универсалию» [Гак, Кузнецов 1985: 114]. Квантитативность охватывает все компоненты языковой структуры. Можно говорить о количественных характеристиках звуков, о количественных проявлениях признаков, о количественных характеристиках действия (например, длительности его протекания, повторяемости), о количественных характеристиках, которые находят выражение в синтаксисе (например, ряд однородных членов), о количественности, выраженной словообразовательными средствами.

Эмпирическая и теоретическая многогранность темы предполагает как большой массив самих данных, так и необходимость располагать достаточным объемом для представления результатов исследования. Нами было принято решение сосредоточить основное внимание на наиболее актуальных проблемах категории квантитативности имени. **Предметом** нашего исследования стали средства выражения квантитативности в грамматике существительных, а также прилагательных и числительных на материале русского и эстонского языков в аспекте представления предметной квантитативности, а такие вопросы грамматики, как категория градуальности признака, выраженная в системе степеней сравнения прилагательных, проблемы субстантивации числительных, проблемы связи и соотношения числовых форм имен и глаголов, квантитативность и анафорические элементы текста в настоящую работу не включены (в дальнейшем они могут и должны стать объектом дополнительного рассмотрения). В целях настоящего исследования под предметной квантитативностью нами понимается квантитативность, связанная с предметной сегментацией, количественностью предметов и множеств предметов. В результате такого подхода выражение предметной квантитативности в грамматике числительных и прилагательных раскрывается, в основном, на примерах квантитативно-именных и атрибутивно-именных групп таким образом, что аспекты грамматического соглашения исключены из приводимого в работе анализа. В сопоставительном описании материала двух языков предметная квантитативность вызывает, с нашей точки зрения, наибольшее количество вопросов. Современные возможности корпусной лингвистики и программной обработки больших текстовых данных дают новый материал и предоставляют новые возможности для проведения его всестороннего анализа. **Объектом** исследования стали средства актуализации квантитативных значений в грамматической структуре русского и эстонского языков, в том числе контексты нейтрализации количественных значений.

Актуальность темы объясняется отсутствием системного сопоставительного описания функциональной категории квантитативности на материале эстонского и русского языков. Попытку описать существительные *pluralia tantum* и *singularia tantum*, а также отдельные классы имен

существительных в русском и эстонском языках в сопоставительном аспекте сделала Х. Пярн [Пярн 1984, 1985, 1987, 1989а, 1989б], однако предлагаемое исследование значительно выходит за рамки предпринятого Х. Пярн анализа. **Научная новизна** исследования состоит в применении к рассматриваемому материалу новых методов сбора и обработки данных. Задействуются новые теоретических подходы к описанию рассматриваемых вопросов. Кроме того, в рамках исследования были получены новые данные о функционировании числовых форм в эстонском и русском языках.

Степень разработанности проблемы. Для рассматриваемых языков это явление изучено недостаточно. Во-первых, исследований на материале корпусных данных очень немного. Во-вторых, на материале эстонского и русского языков нет работ, в которых рассматривался бы весь комплекс средств выражения количественности.

Теоретической и методологической базой исследования стали труды, посвященные выражению количественности в языке, квантификации объектов действительности, особенностям референции при сегментации предметов, теории множества [Акуленко 1990; Квантификативный аспект языка 2005; Числовой код 2014; Wierzbicka 1988; ТФГ 1996; Бодуэн де Куртенэ 1963; Есперсен 1958; Реформатский 1960; Холодович 1979; Панфилов 1977; Арутюнова 2005; Булыгина, Шмелев 1988; Шмелев 2002; Ляшевская 2004; Мельчук 1985, 1995; Крылов 2005; Исаченко 1965; Кортъевскаја-Тамм 2001; Пете 1981; ЕКС 2017; Гак, Кузнецов 1985; Тураева, Биренбаум 1986, 1985]. Теоретической базой для анализа функционирования числовых форм имени и числовых значений стали следующие работы: [РГ 80; Зализняк 2002, 1977; Шелякин 2001, 1989, 1985; Шахматов 1941; Успенский 2004; Wierzbicka 1988; Ляшевская 2004; Мельчук 1985, 1995; Corbett 2004; Поливанова 2008; Бурас 2008; Шмелев 2002; ЕКС 2017; Рахилина 2008; Виноградов 1972; Tauli 1980; Tiits 1983; Кудрявцев 2001; Õim, Õim 2015; Alvre 1962]. К указанным выше работам следует добавить такие фундаментальные исследования, посвященные числительным, как [Степанов 1989; Супрун 1963; Чеснокова 1992; Шмелев 2014].

Специальными теоретическими источниками для нашего исследования стали работы, посвященные контрастивному описанию, в которых освещаются как отдельные аспекты количественности и числа [Исаченко 1965; Гак 1977; Категория количества 1990; Соболев 2007, 2005; Горшкова 1977; Телегина 2014; Игнатченко, Тихомирова 2017; Лазарева 2009, 2010; Семенова 2007], так и контрастивные описания эстонского и русского языкового материала в аспекте нашего исследования [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003; Кюльмоя 1973; Пярн 1984, 1985, 1989; Пялль, Тотсель, Тукумцев 1962], а также контрастивное описание на материале языков балтийского ареала атрибутивных и количественных конструкций [Klaas 1994], синтаксиса тотального и парциального субъекта [Klaas-Lang, Norvik 2014] и плюративов [Томмола 2018; Кортъевскаја-Тамм, Wälchli 2001].

Целью исследования стало теоретическое описание категории количественности и описание форм выражения количественных значений в имени

в эстонском и русском языках. Названные цели предполагали решение следующих задач:

- 1) сравнение концепций в описании квантитативности и множественности;
- 2) выявление и классификация признаков для выделения классов имен, противопоставленных по числовому поведению;
- 3) выявление грамматических средств обозначения предметной квантитативности в русском и эстонском языках;
- 4) сопоставительное описание грамматического выражения числового противопоставления в эстонском и русском языках;
- 5) выявление механизмов взаимодействия лексики и грамматики при выражении квантитативности в эстонском и русском языках;
- 6) выявление механизма взаимодействия грамматических средств актуализации квантитативных значений в имени в названных языках.

Материалом для исследования послужила сплошная выборка из следующих печатных словарей: Словарь русского языка в 4-х томах (Малый академический словарь, МАС), Большой толковый словарь русского языка (гл. ред. С. А. Кузнецов), *Eesti keele seletav sõnaraamat* (Толковый словарь эстонского языка, в 6-и томах, EKSS 2009), *Eesti keele põhisõnavara sõnastik* (PSV), *Eesti-vene sõnaraamat* (Эстонско-русский словарь, в 5-и томах), девятое исправленное издание *Eesti-vene sõnaraamat* (Эстонско-русский словарь) И. Тамма; из имеющихся онлайн-версий названных словарей; из Национального корпуса русского языка, Russian Web 2017 (ruTenTen17), из корпусов эстонского языка: Estonian National Corpus 2019 (Estonian NC 2019), *Tasakaalus korpus* (Сбалансированный корпус эстонского языка), *etTenTen* (The Estonian Web Corpus – Интернет-корпус эстонского языка), *Eesti keele koondkorpus* (Estonian Reference Corpus), а также архивные материалы газет «Postimees», «Eesti Ekspress», «Maaleht» на эстонском языке; тексты сайтов государственных органов РФ и ЭР, тексты рекламных и торговых материалов на эстонском и русском языках. Для сбора и анализа материала использовались ресурсы: Sketch Engine [Kilgarriff et al. 2004], keeleveeb, KORP, Sõnaveeb. В процессе исследования была собрана значительная коллекция примеров (более 3 тыс. единиц) по разным аспектам заявленной темы (например, коллекция имен *pluralia tantum* из словарных и текстовых источников; имен в дистрибутивном употреблении; имен-названий частей тела в дистрибутивном употреблении; дериватов с суффиксом *-kond* в эстонских словарях и корпусах; примеры употребления имен собственных в форме мн. ч.; имен, обозначающих пространства; имен-названий плодов и растений; примеры форм мн. ч. в спорных употреблениях). Примеры употребления имен в формах ед. и мн. ч. и их синтаксическая сочетаемость (например, в числовых и счетных контекстах или в контекстах, передающих значение «часть от целого») частично собирались в полуавтоматическом режиме с использованием возможностей корпусного менеджера Sketch Engine [Там же], ставшего серьезным вспомогательным ресурсом лексикографов (см., например, о его

применении для решения похожих задач в [Kallas, Koppel, Tuulik 2015; Langemets et al. 2018]), основная часть примеров была выявлена автором самостоятельно (вручную).

В исследовании использовались следующие **методы**:

- 1) сопоставительный анализ существующих теоретических описаний и фактов эстонского и русского языков,
- 2) анализ лексикографического материала (включает анализ лексического материала и грамматических комментариев по данным словарей),
- 3) семантический анализ лексем и контекстно-текстологический анализ употребления словоформ (установление связи семантики слова, функции формы и контекста; анализ числового поведения имен разных лексико-грамматических классов слов),
- 4) структурно-семантический анализ количественных грамматических конструкций в именной группе и в простом предложении (включает анализ употребления числовых форм в именных группах с числительными и прилагательными, в экзистенциальных предложениях),
- 5) семантико-синтаксический анализ грамматических конструкций и их возможных трансформаций (анализ актуализации количественных признаков в зависимости от синтаксической реализации имени).

В исследовании применяется как анализ от формы к значению, так и от значения к форме.

Большой интерес представляют попытки статистического анализа функционирования числовых форм на материале больших корпусных данных. Современные корпусные менеджеры (в особенности формально-морфологический принцип, применяемый в них) позволяют обрабатывать огромные массивы текстов для построения теоретических моделей и статистических исследований, но именно «размеченный таким образом корпус будет малопригоден для использования в качестве экспертной системы» [Ляшевская 2016: 20]. Исследователь неизбежно будет сталкиваться с необходимостью углубленной работы, предполагающей семантический подход к анализу текста; этим целям служит наше исследование.¹

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) Предметная количественность, выраженная в русском и эстонском языках, включает такие оппозиции, как множественность — единичность и определенная — неопределенная количественность. Тип и характер предметной количественности зависят от семантики и грамматики ее

¹ Статистический анализ был применен для попытки представить грамматический профиль числа имен существительных. Наиболее эффективным оказался анализ, проведенный для отдельных лексических групп имен Дж. Гринбергом [Greenberg 1974/1990] и О. Н. Ляшевской [Ляшевская 2016: 320–336]). В итоге результаты статистического анализа корпусных данных на материале русского языка потребовали «сильного огрубления» данных для того, чтобы показать, что «показатель %PL в каждом лексическом классе имеет достаточно большой разброс и классы перекрываются» [Там же: 337].

конституентов, при этом семантика единиц, передающих квантитативные отношения, зависит от их «прототипического» значения, фиксируемого в словаре, и от контекста, который может корректировать это «прототипическое» значение.

2) Грамматические средства выражения предметной квантитативности в русском и эстонском языках включают не только категорию числа, но и охватывают взаимодействие грамматического числа с категорией падежа и с синтаксическими конструкциями разных типов. Синтаксические связи числовой формы могут выходить за пределы квантитативно-именной и атрибутивно-именной групп и задаваться структурой всего предложения. Квантитативное значение возникает в результате взаимодействия числовой формы и структуры предложения.

3) В русском и эстонском языках тип референции имени влияет на особенность его употребления в количественных контекстах. Имена, тип референции которых указывает на единичность референта, могут изменять свой референциальный тип и вместе с этим свое числовое поведение. Тип референции влияет на выбор числовой формы имени в дистрибутивном употреблении.

4) В русском и эстонском языках выбор числовой формы имени в дистрибутивном употреблении может зависеть как от структуры его именной группы, так и от структуры кореферентной именной группы, а также от характера квантитативных отношений в контексте.

5) В современных русском и эстонском языках нестандартное употребление числовых форм имени свидетельствует о развитии новой прагматической функции числа, прежде всего в рекламных, политических текстах и в дискурсе массовой культуры. На выбор числовой формы может влиять интенция автора текста, при этом выбранная форма может противоречить принятому языковому стандарту.

Содержательная часть работы имеет следующую **структуру**: во Введении формулируется тема исследования, заявляется его актуальность и научная новизна, определяются объект и предмет исследования, приводятся теоретические и методологические предпосылки исследования, определяется метод и раскрывается структура диссертационного сочинения. В первой главе «Квантитативность в языке» определяется различие между понятийной категорией количественности и квантитативностью в языке, раскрываются различные теоретические подходы в изучении квантитативности в языке: теория множества, теория лексико-грамматического поля множественности, теория функционально-семантического поля и ФСП количественности; рассматриваются структура семантической категории квантитативности и ее конституенты. Вторая глава «Категория числа» посвящена категории числа существительного: взаимосвязи категории числа и предметности, числа и предметной сегментации; выявляется взаимосвязь лексического значения имени и его числового поведения, описываются основные лексико-грамматические разряды имен в аспекте их числового поведения, устанавливаются значения форм единственного

и множественного числа имени, выявляются общие закономерности числового поведения имен с дефектной парадигмой в русском и эстонском языках. В третьей главе «Число и падеж» выявляется взаимодействие категорий числа и падежа в аспекте реализации специфических количественных значений. В четвертой главе «Количественность в количественной именной группе» рассматриваются особенности актуализации предметной количественности в сочетании с числительными и с прилагательными. В пятой главе «Количественность и дистрибутивный контекст» исследуется специфика числового поведения имен в дистрибутивном контексте. В Заключении формулируются результаты проведенного исследования и обозначаются некоторые возможные направления дальнейшего изучения семантики и синтаксиса числа.

1. КВАНТИТАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

1.1. Понятийная категория vs языковая категория

Квантитативность — универсальная понятийная категория, которая выражает идею количества. Общее содержание понятия количества дано в широко известном определении Аристотеля: «Количеством называется то, что делимо на составные части, каждая из которых, будет ли их две или больше, есть по природе что-то одно и определенно нечто. Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина — если измеримо» [Аристотель 1976: 164]. Осмысление категории количественности в философии, логике, математике и языкознании прошло сложный путь (подробнее см. [Лазарева 2010б]). Категории в общепhilософском, логическом, гносеологическом понимании классифицируют предметы и понятия, не принимая во внимание факты языка. К языковой количественности (квантитативности) вполне применимы слова О. Есперсена, сказанные про грамматические категории: «Не раз нам придется констатировать, что грамматические категории представляют собой в лучшем случае симптомы, или тени, отбрасываемые понятийными категориями; иногда «понятие», стоящее за грамматическим явлением, оказывается таким же неуловимым, как кантовская вещь в себе» [Есперсен 1958: 60]. Математическое представление количества осуществляется формулами и выражается цифрами и символами.² Математическое представление стремится к точности и однозначности, «но как только манипулировать количествами начинает естественный язык, как только объектом количественных оценок становится мир предметов и событий, идей и концептов, свойств и качеств, чувств и мыслей человека, впечатлений и прогнозов, поступков и проступков, система точных измерений расшатывается» [Арутюнова 2005: 20]. В языковой картине мира отражаются бытовые представления о количестве и «человек хочет взвесить и измерить не только то, что поддается измерению и взвешиванию» [Там же].

1.1.1. Дискретность / недискретность как понятийная основа квантитативности

Понятийную основу квантитативности составляет понятие дискретности / недискретности субстанции [Акимова 2015: 11], «число возникло как следствие счетности предметов» [Тураева, Биренбаум 1986: 110]. Дискретные субстанции можно считать (исчислять), они могут быть представлены в единичном «экземпляре» или могут быть представлены во множестве. Множество может быть определенным (конкретным) или неопределенным,

² Об особенностях «языковой» и «математической» количественности см. [Бодуэн де Куртенэ 1963].

неопределенное множество может оцениваться как малое или большое. За единицу количества могут быть взяты:

- 1) единичный дискретный объект (*стол*);
- 2) неопределенное количество, представленное как неделимая совокупность (*молодежь, стая птиц*);
- 3) очерченные в человеческом сознании абстрактные понятия, характеристики, ситуации (*красотища; длина, глубина; бег, радость, молитва*);
- 4) условный квант вещества, пространства, времени (*литр, час, верста*);
- 5) единичное действие или явление: (*один раз съездил – пять раз в год ездит; пошел дождь – полили дожди; солнечный день – солнечные дни*);
- 6) представление о норме: (*чуть-чуть опоздал; много повидал*)³;
- 7) условный градус интенсивности измеряемого физически или наблюдаемого, данного в ощущении свойства, позволяющий проводить сопоставление (*сила ветра, скорость*) [Акимова 2015: 11–12].

Недискретные субстанции можно оценивать (измерять), они могут переосмысливаться как дискретные. «Все, что является недискретным, также может быть подвергнуто измерению в дискретных мерах. Представления об очерченности ментальных границ абстракции, лежащие в основе счетности понятий и категорий, положены в основу счетности недискретных абстрактно-предметных сущностей, например: *Каждый его приезд был праздником для ребятшек... У меня пять плаваний в неделю*» [Там же: 12].

В. Г. Гак и С. Н. Кузнецов связывают дискретное представление денотата и сегментацию в процессе формирования связанного с денотатом понятия [Гак, Кузнецов 1985: 113]. Языковая сегментация прослеживается в двух аспектах: качественном и количественном. Качественный аспект проявляется в процессе установления дистинктивных и интегральных признаков понятий, которые ложатся в основу языковой номинации. «При определении понятий в лингвистическом (а не логическом) смысле не меньшее значение имеет и учет их *количественной* специфики, локализуемой денотат понятия в пространственно-временных координатах» [Там же]. Например, при формировании понятия «информация» указываются отличительные признаки, которые помогают вычленить данное понятие из общего поля «ЗНАНИЕ» и отграничить его от связанных понятий «знание», «сообщение», «знак», но для адекватного представления понятия «информация» существенно то, что, например, русское слово *информация* может обозначать дискретный (сегментированный) объект и поэтому допускает образование формы мн. ч., а английское *information* обозначает недискретный (непрерывный) объект — «совокупность знаний или

³ Например, представления «о норме размеров положены в основе шкалирования величин в категории мезуратива: *ручонка, озерцо, книжонка, домишко; ножницы, ступица, плечищи, ручищи; домина, лошадина* (о человеке перен.), *слон* (о человеке перен.)» [Акимова 2015: 12].

сообщений» — и не употребляется в форме мн. ч., т. е. в языках возможна различная количественная сегментация объектов при близкой качественной сегментации (ср. [Там же: 113–114]). Количественная сегментация приложима ко множеству объектов, обладающих качественной однородностью.

1.2. Теория множества в языке

Существуют разные схемы логического представления выражения количественных отношений в языке. Центральным местом в таксономии количественных признаков и отношений, эксплицированных в языке, является противопоставление множеств и единичностей.

А. А. Холодович в работе «Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке» (1946) определяет категорию множества как содержательную **количественную** категорию, имеющую разные формы выражения. Множество может выражаться в формах грамматического числа (единственного и множественного), а может содержаться в **превратной** форме: «Так, например, *белье, листья* или *малина, калина* или *дворянство, крестьянство* явно не имеют **формы** множественности, и все же множественность здесь налицо и отрицать ее, апеллируя к форме, было бы по меньшей мере неразумно» [Холодович 1979: 173]. Возможные в языке типы множеств представлены автором в виде шести антитез:

- 1) множество определенное — множество неопределенное, где первое имеет предел, является конечным рядом, второе не имеет предела, границы, является бесконечным рядом (*сани, горох – руки, столы*);
- 2) множество предметов — множество предметное, где первое — соединение однородных предметов, второе — множество одинаковых, тождественных друг другу частей, создающих один предмет (*рука / руки – грабли, деньги, каникулы, роды, городки*);
- 3) множество конкретное — множество дискретное, где первое — <...> сплошное, непрерывное, второе — прерывное (*зверье, солдатъе, гнилье* — япон. редуцированные формы *хитобито* 'каждый человек ⇒ люди');
- 4) множество однородное — множество неоднородное (*рука / руки – лес и вода* в «*лес и вода обнялись*»). Промежуточное положение занимает родо-видовое множество (*масло ⇒ масла, жир ⇒ жиры, растительные жиры*);
- 5) множество арифметическое как сумма — множество алгебраическое как совокупность слагаемых (*земляника, клубника – ножницы, лыжи, бакенбарды*);
- 6) множество тотальное — множество партитивное, где первое представляет собой совокупность предметов, причем ни один член этой совокупности не изъят из нее, второе представляет собой совокупность, из которой изъято некоторое количество частей (*столы – шесть столов*) [Там же: 174–179].

А. А. Холодович использует предложенную им схему оппозиций для анализа форм числа существительных и существительных, в значении которых можно усмотреть количественные характеристики. Автор пишет также о существовании надязыковых множеств, которые становятся предметом рассмотрения математики [Там же: 179].

Если А. А. Холодович, выделяя типы множеств в языке, прежде всего уделял внимание рассмотрению вопросов, как в имени может выражаться множественность и как отличаются (1) множественность, выраженная формой грамматического числа, (2) множественность, выраженная в сочетании числительного с последующим существительным, (3) множественность, выраженная в некоторых семантических группах имен (например, собирательных, вещественных) и (4) множественность, выраженная синтаксически (сочинительный ряд: *лес и вода*), то совершенно иначе представлено множество и его структура в работе Т. П. Ломтева [Ломтев 1971]. Идея классификации представления количественных отношений в языке в этой работе связана с понятием кванторов в логике. «В живом языке существуют некоторые соответствия кванторам, но так как полного тождества между логическими кванторами и соответствующими явлениями в языке нет», то автор вводит понятие квантитатив, «отделяя таким образом понятие квантитатива в языке от понятия квантора в логике. Квантитативы определяют количественную характеристику отдельных предметов, отдельных множеств предметов или отдельных действий» [Там же: 107]. Т. П. Ломтев выделяет два типа множеств: разделительное и собирательное. «Разделительное множество характеризуется тем, что каждый его член специфическим образом отличается от каждого другого члена того же множества», а «собирательное множество характеризуется тем, что любой его данный элемент равен любому другому элементу того же множества и, следовательно, специфическим способом не отличается от каждого другого элемента» [Там же: 108]. Раздельное и собирательное множество предметов может быть представлено разными типами квантитативов:

- 1) квантитатив всеобщности (выражается квантитативными формами: *каждый, всегда, никто, ничто, никакой, любой, всякий, (кому) угодно, (кто) хочешь* и т. п.) и квантитатив невсеобщности (*не каждый, кто-нибудь* и др.);
- 2) квантитатив единственности (*только, именно*) и квантитатив неединственности (*тоже, не только*);
- 3) квантитатив полной (*все*) и неполной мощности (*не все, некоторые*);
- 4) квантитатив точной (*два (человека)*) и приближенной мощности множества (*около (двух человек)*);
- 5) квантитатив порядка (*первый, пятый*) [Там же].

Выделение и классификация квантитативов у Т. П. Ломтева строятся на традиции представления кванторов всеобщности и существования в логике. И, если сравнить со множествами в работе А. А. Холодовича, то понятно, что авторы описывают разные явления, которые лишь частично

совпадают. Совпадение это можно наблюдать только в зоне, которая представлена группой «числительное + существительное».

Свое представление структуры семантической категории количества в русском языке предлагает А. Н. Полянский [Полянский 1980]. План содержания категории количества прежде всего включает категории единичности и множества. Множество подразделяется на следующие классы:

- 1) определенное множество (включает такие примеры, как *семь яблок; два в квадрате, три в кубе*),
- 2) неопределенное множество, которое представляют:
 - нерасчлененное множество (грамматическое мн. ч.: *горы, люди*),
 - неопределенное множество, дифференцирующееся ситуативно при помощи языковой меры (*много, мало, немного* чего-либо),
 - неопределенное множество, измеряемое единицами совокупности чего-либо (*табун, косяк, толпа, рой, аудитория*),
 - приблизительное множество (*человек десять, около шестидесяти вагонов, ему за сорок*),
 - неопределенное множество, имеющее верхний количественный предел (*отделение, взвод, рота, ведро*).

А. Н. Полянский представляет названные выше классы как замкнутую цепь множеств, противопоставленную единичности. Излагая свою концепцию категории количества, автор пишет, что дальнейшее рассмотрение этой категории должно изучать средства выражения количества в языке, но, как нам кажется, именно для этой цели классификация плана содержания количества А. Н. Полянского не вполне применима. Теоретическое осмысление количественности в более поздних работах, например, не предполагает, что грамматическое мн. ч. всегда выражает нерасчлененное множество, что единицы совокупностей *табун* и *толпа* составляют один класс и имеют похожее числовое поведение (см. п. 2.4.2.). Тем не менее, работа А. Н. Полянского представляет важный этап в истории осмысления категории квантитативности и развитии категории множественности, выделенной в трудах А. А. Холодовича.

1.3. Лексико-грамматическое поле множественности

Если «множество» применялось А. А. Холодовичем для описания количества, выраженного в именах существительных и в группе «числительное + существительное», то для охвата более широкого спектра средств выражения квантитативности Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс применяют теорию лексико-грамматических полей. Лексико-грамматическое поле имеет набор средств разных уровней, конститuentы поля связаны между собой системными отношениями и имеют общее значение, которое присуще всем конститuentам. Общее значение распадается минимум на два значения, каждое из которых создает свое микрополе. Поле образует неоднородную и сложную структуру. Поле характеризуется как лексико-

грамматическое, поскольку его семантическую структуру создают семы лексико-грамматических средств, которые в той или иной степени связаны с лексическим значением слов и в то же время близки грамматическим значениям [Гулыга, Шендельс 1969: 5–17]. Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс выделяют поле множественности. Поле множественности представляет собой микрополе, которое вместе с микрополем единичности входит в общее макрополе числа. Поле множественности выражается:

- 1) формами мн. ч. имен существительных;
- 2) формами мн. ч. согласующихся с существительными прилагательных и причастий;
- 3) формами мн. ч. спрягаемого глагола, соотносящегося с существительными (или местоимением) в функции подлежащего;
- 4) числительными;
- 5) количественными местоимениями;
- 6) личными местоимениями мн. ч.;
- 7) именами собирательными.

«Центр поля занимают формы множественного числа существительных, а все остальные средства взаимодействуют с ними, подчинены им или репрезентируют» их [Там же: 19]. Формы мн. ч. существительных признаются доминантой поля, по отношению к ним формы мн. ч. прилагательных, причастий и глаголов трактуются как формы, несущие избыточную грамматическую информацию. Формы мн. ч. выражают чистую множественность, числительные — определенную множественность, количественные местоимения — неопределенную множественность, некоторые наречия — приблизительную множественность, имена собирательные — совокупную множественность [Там же: 21]. Совокупная множественность может в особых случаях передаваться формами мн. ч. существительных [Там же: 37]. Авторы выделяют на материале немецкого языка имплицитное множество для случаев, «когда, несмотря на отсутствие формальных признаков этого значения, оно все же возникает в нашем сознании» (названия парных органов человеческого тела в ед. ч. со значением мн. ч.; «местоимение *man* + глагол» в ед. ч. при указании на множество лиц; устойчивые сочетания типа *Meldung um Meldung* 'сообщение за сообщением', *von Tag zu Tag* 'из дня в день'). Такие случаи находятся на периферии поля. В своей работе авторы описывают поля на материале немецкого языка, для нашего исследования методологически релевантным оказывается тот факт, что компаративное поле в этом исследовании представлено отдельно от макрополя числа.

1.4. Функционально-семантическое макрополе количественности

Представление количественности как функционально-семантического макрополя довольно подробно изложено В. В. Акуленко [Акуленко 1990]. Структура поля выводится из языкового материала европейских языков,

и автор стремится предложить максимально универсальную схему для сопоставительного описания. Макрополе количественности составляют два микрополя второго ранга: микрополе определенного количества и микрополе неопределенного количества.

Микрополе определенного количества образуют два микрополя третьего ранга: микрополе нумеральности и микрополе единичности. Микрополе неопределенного количества, в свою очередь, образуют два микрополя третьего ранга: микрополе множественности (плюральности) и оценки неопределенного количества. Микрополе оценки неопределенного количества образуют два микрополя четвертого ранга: поле неопределенно-большого количества (мультиплицистности) и микрополе неопределенно-малого количества (паукальности). Такая структура макрополя не является жесткой. Различные элементы микрополей взаимодействуют и могут образовывать промежуточные сектора, например, в зоне взаимодействия микрополя единичности и множественности возникает микрополе собирательности [Там же: 17–18].

Микрополе нумеральности репрезентируют средства языка, выражающие точные числовые, нумеральные значения. Центром поля являются количественные числительные. На периферии поля помещаются дробные числительные и счетные существительные, а также производные от числительных и счетных существительных прилагательные, наречия, глаголы (такие, например, как *дважды, двойной, вдвоем, по двое, во-вторых, удвоить, удвоение*). В поле нумеральности входят также средства передачи приблизительного количества: группа наречий и предлогов, указывающих на приблизительность количества, которые присоединяются к количественным, дробным числительным и счетным существительным [Там же: 18–21].

Микрополе единичности (сингулярности) репрезентируют лексико-фразеологические и словообразовательные средства (*один, один ум хорошо..., солист; одно-, моно-*). В славянских языках сема единичности содержится в сингулятивах (например, в русском языке *-ин(a), -инк(a)*). Грамматический сектор поля представляет грамматическая категория ед. ч., которая в артиклевых языках взаимодействует с артиклем. Поле единичности активно взаимодействует с категориями определенности / неопределенности, исчисляемости / неисчисляемости, дискретности / недискретности [Там же: 23]. В зоне пересечения поля единичности и множественности оказываются некоторые местоимения (например, *каждый, всякий, любой*) и собирательные существительные. В первом случае имеется «указание на единичность, индивидуальность членов с учетом охватывающего их множества и, напротив, указание на множество через его единичные члены; во втором случае — указание на единство дискретного множества [Там же: 23–24]. Отнесение некоторых конститuentов к микрополю определенного количества (например, выражающих приблизительность; счетных существительных) может вызвать сомнение. В качестве аргумента автор утверждает: «Определенность количества проявляется в прямом выходе на натуральный ряд чисел. Именно таким выходом

характеризуются конститuentы поля нумеральности. Что касается поля единичности, то в нем выходят на единицу как член натурального числового ряда элементы обоих центров и доминанта поля» [Там же: 24].

Микрополе множественности составляют морфологически выраженный центр и сочетание морфологических, синтаксических, лексико-фразеологических и словообразовательных средств на периферии поля. Ядро поля — формы мн. ч. существительных — «основные и регулярные выразители значения поля ‘неединственности’, понимаемой количественно неопределенно» [Там же: 25]. К центральной части микрополя множественности автор относит также синтаксические конструкции N за Nтвор., N и N, V и V, Adv и Adv (*день за днем, мальчик и девочка, он приходит и приходит, снова и снова*), такие морфемы, как *много-, мульти-, поли-*. К периферии поля относятся «избыточные формы выражения множественности»: личные формы глагола во мн. ч. и (для некоторых языков) согласуемые формы прилагательных, причастий, порядковых числительных, притяжательных, вопросительных, относительных местоимений. К периферийному слою множественности автор относит партитивные множества — наименования сложных предметов, обозначаемые именами *pluralia tantum* (*ножницы, брюки*), где единичность предмета выражается особой формой счета (*одна пара брюк*). Имена *singularia tantum*, употребляемые в форме мн. ч. в значении масс вещества на большой площади: *снега, пески* (как в *снега Килиманджаро, пески Сахары, зыбучие пески*) представляют случай перехода в поле неопределенно-большого количества [Там же: 25–26].

Между полями множественности и единичности существует значительная переходная зона, которую формируют (1) со стороны поля множественности: наименования совокупностей (*деньги*), местоимения во мн. ч., которые отсылают к одному лицу в силу разных ассоциаций (авторитетности, уважения или, наоборот скромности, когда говорящий растворяется в инклюзивном *мы*), вежливые обращения (*вы*), подчеркивание своей значимости в речи монархов (*мы*), авторское *мы*; (2) со стороны поля единичности: наименования целого ряда единств (*мебель*), формы ед. ч. в обобщенно-собирательном значении (*Сегодня бизон вымирает в Америке*), формы в ед. ч. при указании «на общность предметов, наличных у многих» (*Они подняли голову*). В зону взаимодействия множественности и нумеральности входят лексикализирующиеся наименования комплектов (*зубы, ноги*) [Там же: 27].

Собирательные существительные образуют особую область, так как присутствующая у них сема ‘совокупность’ сочетается с семой ‘множественность’. В этой зоне центральное место занимают собирательные существительные, имеющие только форму ед. ч. («идеальные *collective nouns*»): *листва, солдатня, студенчество*), второй слой образуют названия совокупностей. У них утрачен формальный признак собирательности, так как они допускают формы обоих чисел (*семья, нация, бригада*). Периферийный слой также включает существительные, обычно употребляемые в конструкциях типа: Nсобр. N₂род.PL (*группа людей, куча камней* и пр.).

В отличие от предыдущих двух групп, эти имена не называют объединяемые в совокупности объекты, а недостающий смысл имплицуруется (*собралась толпа*) [Там же: 28].

Множественность (плюральность) может сочетаться с семой неполной мощности множества ('часть всего возможного') в значениях неопределенно-количественных местоимений и наречий (*несколько, сколько-то, сколько-нибудь, кое-кто, некоторые; кое-где, кое-когда, иногда*). К группе неполной мощности множества примыкают средства обозначения большей или меньшей части по отношению к остальной части множества (*большинство, меньшинство*). А случаи типа *львиная доля* — явный переход в поле неопределенно-большого количества [Там же: 29].

Микрополе третьего ранга оценки неопределенного количества (*много, большое число, в немалом количестве, многочисленный, немного, небольшая доза*), состоящее из поля неопределенно-большого количества и неопределенно-малого количества, не имеет никакой, даже косвенной связи с числом: количество оценивается по отношению к некоторой имплицитной норме. Эти поля самостоятельны, каждое имеет свой центр и периферию. Их доминантные отношения антонимичны ('много' — 'мало'), а градуируемые значения образуют переходную зону [Там же: 30–38]. Примеры, которые репрезентируют поле оценки неопределенного количества (неопределенно-большого количества и неопределенно-малого количества) в формально-структурном плане, мы считаем, плохо поддаются вообще какой-то классификации: *ты ему слово, а он тебе десять; море крови; как сельди в бочке, перечесть по пальцам; неисчислимый; черт знает сколько; опрашивать; осыпать поцелуями; море вина*).

Значительно позднее А. В. Степанова [Степанова 2007: 5] выделяет в своем исследовании микрополя, составляющие ФСП количественности в разноструктурных языках (русский, английский, чувашский). Кроме микрополей, которые выделяет и В. В. Акуленко [Акуленко 1990], А. В. Степанова выделяет в составе ФСП количественности еще два микрополя: микрополе нулевого количества и микрополе тотального множества. Выделение этих микрополей не является новаторским, еще В. В. Акуленко оспаривает необходимость выделения микрополя нулевого количества (отрицания количества) и микрополя тотальности (всеобщности), признавая, что это два логически выделяемые полюса, между которыми располагаются все остальные виды количественности, выражаемые в языке. «Эти два понятия принадлежат логике, где они выступают в виде кванторов существования и всеобщности, а также операции отрицания», «чисто лингвистически они не входят в ФСП количественности, хотя своеобразно взаимодействуют с ним» [Там же: 16]. Выделяемые в логике квантор всеобщности и квантор существования (и операция отрицания) соотносятся с полной мощности множеством и пустым множеством (ср. [Ломтев 1971: 100–111]), однако естественный язык «не трактует всеобщность и отрицание существования чего-либо как количественные отношения», эти кванторы в естественном языке играют роль не квантитативов, а предикатов.

Тем не менее, в словаре языка наблюдаются переходные явления между средствами выражения пустого и полного и неопределенно-малого и неопределенно-большого количества (нем. *Einer ist keiner* 'один — это все равно, что никто'; *целый стакан молока*) [Акуленко 1990: 29–30].

1.4.1. Полицентризм функционально-семантического поля количественности

А. В. Бондарко рассматривает количественность, с одной стороны, как семантическую категорию и, с другой, как «базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле». Семантическая категория представляет собой «языковую интерпретацию мыслительной категории количества», а ФСП количественности рассматривается как группировка «разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе квантитативных функций» [ТФГ 1996]. ФСП количественности имеет сложную структуру и отличается от полей, имеющих только одно ядро и периферию. Количественность во многих языках рассматривается как ФСП полицентрического типа. С одной стороны, оно опирается на грамматическую категорию числа (прежде всего имен существительных), а с другой — на имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели квантитативных отношений; совершенно особый тип количественности представлен в сфере глагольных предикатов [Там же]. Если в [Акуленко 1990] выделяются самостоятельные конstituенты (существительные; местоимения; количественные числительные; сюда же стоит отнести и идиоматические сочетания, примеры которых приведены в работе) и конstituенты с «избыточными формами представления множественности» (согласуемые формы прилагательных, причастий, порядковых числительных, притяжательных, вопросительных, относительных местоимений), то А. В. Бондарко пишет о том, что отношения между конstituентами не всегда столь однозначны. Если, например, количественность выражается в имени существительном (в формах числа), то числовая форма существительного будет определять согласуемые формы глаголов, адъективов (например, местоимений или прилагательных), но направление «существительное командует глаголом или адъективом» может измениться на обратное, например, если глагол или адъектив предполагает множественность, например, субъектов (*разбежались; различные*). В квантитативных группах «числительное + существительное» приходится говорить об особом типе связи элементов и о сложностях выделения главного слова. «Важно подчеркнуть множественность и неоднородность рассматриваемых языковых средств. Они не образуют единого соотношения исходной грамматической подсистемы и ее среды — налицо несколько подсистем при разнообразных комбинациях и пересечениях с элементами среды» [ТФГ 1996: 161]. В ряду средств ФСП количественности А. В. Бондарко выделяет конstituенты, выступающие в роли среды, и конstituенты, которые можно трактовать как исходные системные

объекты. Так, с грамматической категорией числа имен существительных, формы которых реализуют свое системно-категориальное значение, может взаимодействовать целый ряд разнородных элементов. Например, глаголы дистрибутивно-суммарного способа действия (глаголы с показателями дистрибутивно-суммарного способа действия типа *побросать, повыскакивать*, сочетающиеся лишь с мн. ч. объекта — *побросали тетради* — или субъекта — *все повыскакивали*) или числительные могут трактоваться как исходный системный объект. Соответственно меняется состав элементов среды и меняются роли языковых средств. Такие отношения свойственны для полицентрических полей [ТФГ 1996: 161–162]. О сложной природе взаимоотношений внутри категории числа писал А. А. Реформатский: «Число в независимых (подлежащие) или “полузависимых” (дополнения) членах синтагм несинтаксично, а в зависимых — синтаксично (определения, предикаты). И между прилагательными и глаголами в отношении числа нет тождества. Прилагательные примитивнее глаголов в отношении числа, глаголы — шире (*пять студентов пришло / пришли, но много студентов пришло*)» [Реформатский 1960: 385].

Э. Я. Тураева и Я. Г. Биренбаум выделяют семь особенностей функционально-семантической категории количественности.

1) Первая особенность определяется авторами как онтологическая триада. Она разбивает категорию количественности на предмето-количество (мн. ч. имени; *толпа, рой*), процессоколичество (*толпиться, хлынуть, собираться*) и признакоколичество (интенсифицирующие определения: англ. *more terrible snob* ‘более ужасный сноб’; *contributed greatly* ‘способствовали (развитию) в значительной степени’).

2) Вторая особенность проявляется в противопоставлении расчлененности / нерасчлененности. Собираательные существительные (*зверье, жулье*) «передают нерасчлененное количество, хотя это количество складывается из дискретных единиц» [Тураева, Биренбаум 1986: 112]. Примерами могут служить также формы мн. ч. неисчисляемых существительных (англ. *waters* ‘воды’, *sands* ‘пески’, *snows* ‘снега’) для обозначения большого нерасчлененного количества. Употребление форм ед. или мн. числа глагола или анафорических слов при некоторых существительных отражает оценку количества то как нерасчлененного, то как расчлененного. Ср. англ. *this twenty dollars is — these twenty dollars are...* Как переход нерасчлененного количества в расчлененное трактуют авторы употребление вещественных существительных в форме мн. ч. (англ. *wines* ‘вина’, *steels* ‘стали’), случаи конкретизации в речи абстрактных понятий (англ. *many jobs* ‘много работ’), указания порций вещества (англ. *two beers* ‘два пива’), некоторые метонимические употребления (англ. *several businesses* ‘несколько бизнесов’).

3) Третья особенность — кардинальность / ординальность. Это противопоставление отражено в делении числительных на количественные и порядковые.

4) Четвертая особенность разграничивает внешнее количество, когда считаются сами предметы, и внутреннее количество, когда считаются их

части. В качестве примера авторы приводят случаи употребления в английском языке существительных, называющих группы людей, с глаголами в форме ед. или мн. ч.: ...*accidents will happen in the best regulated families* 'несчастные случаи происходят в самых стабильных семьях' – *Dr. O'Donnell, your parents's family are outside* 'Доктор О'Доннелл, семья ваших родителей снаружи' [Там же: 115]. В случае употребления в форме мн. ч. они передают внешнее количество, а когда они употребляются в форме ед. ч. с глаголом-сказуемым в форме мн. ч., то передаваемое количество признается как внутреннее.

5) Пятая особенность — противопоставление определенности и неопределенности количества. Определенность количества выражается в языке числительными, количественными существительными, единственным, двойственным и тройственным числом. Неопределенное количество имеет много разнообразных средств выражения. Неопределенное количество может быть полностью неопределенным и модально-неопределенным. В первом случае оно выражается формами мн. ч. и вопросами (англ. *how much* 'сколько'), во втором — выражается оценка неопределенности (от низшей степени неопределенности: англ. *few* 'мало'; до значительной степени неопределенности: англ. *many* 'много'). Промежуточную зону между определенным и неопределенным количеством образуют еще две разновидности количества — приблизительное (англ. *about* 'примерно, около') и незавершенное количество (англ. *and so on* 'и так далее'). Оценка количества может присутствовать в экспрессивно-неопределенном количестве (англ. *dozens of jars* 'дюжины кувшинов').

6) Шестая особенность — противопоставление дистрибутивности / недистрибутивности (суммарности). Дистрибутивность проявляется как упорядоченное количество (англ. *every other person*) или неупорядоченное количество (англ. *any day of the week* 'любой день недели'). Определение, что считать недистрибутивным количеством, отсутствует, но дается прямая отсылка на работу А. А. Холодовича [Холодович 1979] с указанием, что именно там впервые проводится различие между дистрибутивным и суммарным количеством (у А. А. Холодовича «арифметическим множеством» — уточнение Л. М.). Примером арифметического множества служат собирательные существительные.

7) Седьмая особенность — противопоставление однородного и неоднородного количества. Вслед за А. А. Холодовичем авторы различают однородные и неоднородные количества. Гомогенное количество выражено в собирательных существительных (англ. *flock* 'стадо, толпа, стая'), негомогенное в однородных членах предложения (об этом упоминал А. А. Холодович [Там же]); а также в *pluralis approximationis* (когда в форме мн. ч. есть указание на разнородность) (англ. *the 80ies* 'восемьдесятые'), в местоимении *we* (когда англ. *we = I + somebody else* 'мы = Я + кто-то еще'); в названии семьи по мужу (англ. *the Browns* 'семья Браун').

Если сравнивать параметры, которые приводят Э. Я. Тураева и Я. Г. Биренбаум [Тураева, Биренбаум 1986] с типами множества у А. А. Холодовича,

то получается, что параметры категории количества — кроме параметров 1 и 3 — соотносятся с оппозициями типов множества. Таким образом, можно заключить, что только параметр кардинальность / ординальность и триада предмето-количество, процессоколичество и признакоколичество отличают эти структурные схемы. Отличие это легко объяснить. В работе А. А. Холодовича рассматривается множественность, выражаемая в имени существительном («предметная» в терминах Э. Я. Тураевой и Я. Г. Биренбаума), а признако- и процессоколичество, а также ординальность / кардинальность (выраженные в числительных) остаются за рамками оппозиций множеств. Следовательно, в пределах предметной количественности количественность характеризуется теми же параметрами, что и множество.

1.4.2. Функционально-семантическая категория квантитативности (М. В. Всеволодова) и функционально-семантическое поле количественности

М. В. Всеволодова выделяет функционально-семантическую категорию квантитативности (другими словами, в терминологии М. В. Всеволодовой «кванторности», «нумеративности»). По мнению автора, категория квантитативности является одним из грамматических центров функционально-семантического поля количественности. «Ядром категории количественности в славянских языках — в силу своей эксплицитности — является не категория числа имени существительного, а количественно-именная группа типа *три дома – пять домов*» [Всеволодова 2013б: 67]. М. В. Всеволодова объясняет, что в [ТФГ 1996] эта часть поля не представлена «не потому, что авторы что-то пропустили, а по причине ее отсутствия как объекта изучения в грамматике» [Всеволодова 2013а: 28–29], в частности, как указывает автор, употребление квантитативов в предложных сочетаниях (*с двумя новыми домами; за двух тысяча первый год (sic!)* — последний пример из записи устного доклада лингвиста [Там же: 56]). В поле квантитативности входят квантитативы — «количественно-именные группы, выражающие количество предметов или единиц счета, или число событий, признаков и т. п.». Примеры квантитативов: *два метра, сто километров в час, две большие руки, обе машины*. В своих исследованиях автор привлекает материал «объективной грамматики», которая обнаруживает себя в современной русской речи и именно спорные моменты такого употребления, часто нарушения нормы, дают богатый материал лингвисту для размышлений. Для нашего исследования важно не смешивать по-разному определяемые термины. Для М. В. Всеволодовой квантитативность — это функционально-семантическая категория, которую формируют квантитативы, т. е. количественные именные группы (включающие числительные). ФСП количественности включает функционально-семантическую категорию квантитативности. О различии ФСП и ФСК в поздней концепции М. В. Всеволодовой на примере ФСП темпоральности см. в [Всеволодова 2009].

В более ранней работе М. В. Всеволодова выделяет четыре микрополя, входящих в ФСП количественности:

- 1) микрополе множеств:
 - а) неопределенное множество (*В Хабаровске иностранцы есть*);
 - б) определенное множество с подполями: единичности (*У меня одна собака*) и определенности (*В городе три театра. Театров в городе — три.*);
- 2) микрополе порядка (*второй ребенок, решающий голос, последняя минута, первенец*);
- 3) микрополе величин (*80 метров в высоту / высотой*);
- 4) микрополе пропорций:
 - а) подполе сопоставления разных множеств (*Зарплата повысилась на тридцать процентов. Ветер стихает.*);
 - б) подполе количественной характеристики элементов одного множества (*две трети населения не уверены в завтрашнем дне*) [Всеволодова 2000: 85–86].

1.5. Конституенты поля количественности

ФСП количественности в естественном языке охватывает разнообразные способы и средства квантификации и включает единицы разных уровней языковой системы: лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические. Не всегда исследователи выделяли одинаковый набор языковых средств передачи квантитативных значений. Различия объясняются как разным теоретическим осмыслением количественности, представленной в языке, так и целями исследования.

О выражении количественной семантики средствами просодии см. [Кодзасов 2005; Падучева 2005].

К морфологическим средствам выражения количественности в русском языке относят, в частности:

- 1) грамматическая категория числа существительных;
- 2) грамматическая категория числа местоимений, прилагательных, глаголов;
- 3) категория аспектуальности глагола;
- 4) категория сравнения прилагательных и наречий.

К словообразовательным средствам выражения количественности в русском языке относятся, например:

- 1) суффиксы собирательных существительных (*студенчество, мошкара*);
- 2) суффиксы существительных-сингулятивов (*горошина, жемчужина*)⁴;
- 3) суффиксы со значением уменьшения или увеличения (*столлик, сапожище*);

⁴ Подробно сингулятивы в русском языке описаны В. Н. Мусатовым [Мусатов 2016].

- 4) слова, включающие числительные (*пятибалльная система*) или образованные от числительного (*втроём, утроить*);
- 5) сложные слова с первой частью пол- / полу- (*полдня, полукруг*)⁵, много-, мало-, мульти-;
- 6) глагольные приставки, например, у глаголов дистрибутивно-суммарного способа действия (*пораскидать, накупить*);
- 7) глагольные суффиксы (*мигнуть, стукнуть*).

К лексическим средствам выражения количественности можно отнести, например:

- 1) лексемы с количественной семантикой (*много – мало*);
- 2) отдельную группу составляют слова, называющие совокупности (*стадо; пучок*);
- 3) слова – метрические параметры (*вес, рост*);
- 4) местоимения, указывающие на количество (*несколько, сколько-то, нисколько, ничто, ничего, никого*)⁶;

К синтаксическим средствам выражения количественности относятся, например:

- 1) порядок слов (*человек пять и пять человек*);
- 2) дистрибутивные предложно-падежные конструкции с предлогом *по* (*по яблоку*);
- 3) конструкции со счетными словами (*пять голов скота, пять штук яблок*);
- 4) конструкции со словами, называющими совокупности (*букет цветов, стадо коров*);
- 5) конструкции со словами, называющими количество вещества (*стакан воды*);
- 6) координация по числу между подлежащим и сказуемым;
- 7) дейксис и кореференция по количественному параметру (ср. [Акимова 2015, Кузина 2014: 111–115; Гарбузова, Хлыстова 2016]).

Такое распределение по уровням языковой системы средств выражения количественности достаточно условно. Так, если говорить о категории числа существительных, то числовые формы существительных сильно лексикализованы [Ляшевская 2004]. Сложно отнести к какой-либо группе фразеологизмы и устойчивые сочетания (например, сравнения), передающие количество, так как такие фразеологизмы могут сочетать в себе грамматические и лексические средства (*кот наплакал, по горло, ни капли, ни гроша, ни крошки*). Проблематично отнести только к одной группе (лексические или синтаксические) кванторные местоимения (*каждый, все, любой, всякий, некоторый* и т. п.). Элементы выражения количественности в языке комбинируются, оказываются в отношениях взаимодействия и в редком случае выступают как «чистые» самостоятельные средства.

⁵ См. [Гарбузова, Хлыстова 2016: 29].

⁶ См. [Там же].

В результате средства выражения количественности в языке не классифицируются, а представляются в виде списков элементов, объединенных в группы по самым разным основаниям. См., например, перечень языковых средств выражения количественности в [Акимова 2015], где выделены следующие группы («помимо грамматической категории числа»):

- 1) числительные и слова, содержащие в своем морфологическом составе числительное (*трехэтажный*) или образованные от числительного (*впятером; утроить*);
- 2) существительные, называющие метрические параметры (*вес, рост*) и их производные (*тяжеловесный, низкорослый*);
- 3) словообразовательные категории субстантивной количественности:
 - а) категория собирательности (*горох, детвора*);
 - б) категория дистрибутива (*всем по яблоку*);
 - в) категория мезуратива (*домик; домина*);
- 4) существительные, прилагательные, наречия, предлоги, глаголы, частицы, морфемы (приставки) и части в составе слов со значением:
 - а) размера или изменения размера (*великан – лилипут*);
 - б) числа и количества (*редкий – плотный*);
 - в) расстояния или изменения расстояния (*близко – далеко*);
 - г) времени (*последыш – первенец*);
 - д) силы, скорости, температуры (*тепло – холодно*);
 - е) абстрактного количества (*сложный – простой*)⁷;
- 5) слова, словосочетания и фразеологизмы со значением количественной оценки (*масса, тьма, куры не клюют*), а также соответствующие им синтаксические модели (*Народу тьма!*);
- 6) имена, называющие величины измерения (*аршин, литр*), или предметы, используемые в качестве величин измерения (*ведро, пригорошня, стакан*); а также устойчивые выражения, содержащие названия метрических единиц, в том числе не входящих в международную систему единиц (*в двух шагах, лед в два пальца толщиной*);
- 7) имена – названия множеств объектов (*стадо, стая, дивизия*);
- 8) аналоги «счетных слов» — семантически стертые существительные для обозначения единичных предметов (*штука, вещь*), называющие «вместилища» для некоторого количества вещества (*пакет молока, банка варенья*), или составные предметы (*букет цветов, скирда сена*);
- 9) особые способы квантификации фактов и ситуаций (глагольная количественность) [Акимова 2015: 14–15].

Как видим, в приведенном перечне представлены одновременно и группы слов, классифицируемые по лексическому значению, и семантические группы слов, и грамматические разряды слов, и синтаксические модели.

Другие модели классификации средств языковой количественности строятся на оппозитивном принципе. Выделяются грамматические

⁷ О лексических антонимах количественной семантики и параметрических прилагательных см. [Апресян 1995, I: 295–297].

и лексические средства выражения количественности. К грамматическим относятся средства выражения именной и глагольной количественности⁸. К именным в первую очередь относятся средства выражения субстантивной количественности. В [Акимова 2015: 12] выделяется «атрибутивная количественность»: *юбка в редкий / частый горошек, двухметровый столб*. Эта модель отражает выделение в [Тураева, Биренбаум 1985] онтологической триады: предмето-количество, процессоколичество, признакоколичество.

И. И. Акимова предлагает разделить все средства квантификации объектов на две группы: числовые и нечисловые [Акимова 2015: 18]. Такое распределение вводится для анализа именных групп. Числовая квантификация «предполагает возможность записи с использованием чисел» (*прочитал две книги, приезжали вдвоем; пять раз звонил, пятый раз звонит, ни разу не был, ни один человек (= никто) не пришел*) [Там же]. «Значения «единственное vs множественное число» в прямом употреблении отнесем к числовому способу квантификации», так как мн. ч. «в прямом употреблении указывает на количество предметов более одного» [Там же]. Для нас остается непонятным подход к «записи с использованием чисел» и, к сожалению, автор не раскрыл второй член предлагаемой оппозиции (нечисловая квантификация). Остается только предположить, что числовая и нечисловая квантификации соотносятся как определенное и неопределенное множество в теории, предложенной В. В. Акуленко.

Предлагаемые классификации языковых средств количественности отражают «многоплановость количественных характеристик, с которыми сталкивается исследователь в рамках интегрального описания языковой системы» и «свидетельствуют о том, что язык количеств очень многообразен и противоречив» [Кузина 2014: 115].

1.6. Квантитативность и определенность / неопределенность

Связь категорий квантитативности и определенности / неопределенности отражена в структуре ФСП количественности, а именно в выделении микрополей определенного и неопределенного количества. Определенное количество передается с помощью числительных (*два стола*), неопределенное выражается в именных группах с неопределенно-количественными числительными (*мало, немало, много, немного*) или с местоименными числительными (*несколько, сколько, сколько-нибудь, сколько-то, столько, столько-то*) [РГ 80: 571]. В отличие от количественных числительных, неопределенно-количественные могут сочетаться с именами, обозначающими как дискретные объекты, так и недискретные понятия: *много горя, мало радости*. Значение определенности или неопределенности могут

⁸ Глагольная множественность рассмотрена В. Дресслером. Именная множественность, в отличие от глагольной, оказывается более грамматикализованной, а глагольная, в отличие от именной, характеризуется глобальностью, выходом на смысл целого предложения или даже текста [Dressler 1968: 51–95].

передавать лексемы со значением определенного или неопределенного количества соответственно. Такие существительные, как *пара, десяток, дюжина, сотня* передают значение определенного количества, а такие, как *группа, свора, стадо, толпа, ряд* — значение неопределенного количества. Ср. *десяток добровольцев – толпы повстанцев* [Ларионова 2012: 93–94]. Неопределенно-дробное множество может выражаться при помощи субстантивированного местоимения *некоторые*: *На избирательные участки идут семьями и поодиночке, а некоторые приходят даже строем* [Там же: 93]. Неопределенное значение «большая часть» выражается лексемами *большинство, многие*, а значение «меньшая часть» — *меньшинство, немногие*. Значение неопределенно-большого количества — существительными: *уйма, масса, тьма, тысяча* и др. Существительными выражается и значение неопределенно-малого количества: *малость, капля, крупинка* и др. [Там же: 94].

Определенность / неопределенность может выражаться грамматическими и лексико-грамматическими средствами. Примером грамматических средств может служить грамматическая категория числа существительных. В артиклевых языках формы числа существительных взаимодействуют с определенным и неопределенным артиклем. Отсутствие артикля при именной группе в некоторых артиклевых языках является значимым, также это отсутствие является следствием взаимодействия с числовой формой существительного.

Выводы

1. Квантитативность является универсальной языковой категорией.
2. Существующие теоретические подходы к квантитативности представляют ее как сложное многоаспектное явление, охватывающее многообразные количественные отношения, которые находят репрезентацию в языке. Как следствие, разные теоретические решения не всегда дают четкие и однозначно понимаемые дефиниции терминам «количественность», «квантитативность», «число», «множество», «множественность».
3. Принципиальным для теоретического осмысления материала оказывается структурное представление категории квантитативности. В теоретической концепции А. А. Холодовича грамматическая категория числа является частным случаем категории множественности; в концепции Гулыги – Шендельс множественность включается в лексико-грамматическое поле числа; в теории ФСП количественности В. В. Акуленко множественность входит в микрополе неопределенного количества. При обращении к теоретическим концепциям разных авторов необходимо быть предельно внимательным к терминологическому пониманию количественности, множественности и числа, и, самое главное, к тому, как эти термины соотносятся в рамках одной теоретической концепции. Для целей нашего исследования наиболее продуктивным оказывается представление квантитативности

как ФСП, которое базируется на семантической категории количественности в концепции А. В. Бондарко.

4. В языке представлены различные типы количественности. Типы количественности определяются на основе логической противопоставленности оппозиций в выражении количественных отношений. В одном типе могут быть представлены разные структурные единицы различных уровней языковой системы.

5. Средства передачи количественности и их семантические характеристики представляют количественность а) как предметную количественность, количественность признаков и процессов; б) множественность и единичность; в) определенную и неопределенную количественность (которая включает неопределенно-большую и неопределенно-малую количественность).

6. Языковая количественность является отражением в языке особенностей когнитивной категоризации окружающего мира. Количественность в языке тесно связана с категориями сегментации и дискретности / недискретности, определенности / неопределенности.

2. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Как отмечалось выше (п. 1.5.), выражение количественности в языке широко использует инвентарь и возможности разнообразных средств квантификации и единиц различных уровней языковой системы. При этом грамматическая категория числа является основным грамматическим средством выражения квантитативности; из этого положения мы и будем исходить в наших дальнейших рассуждениях.

2.1. Число и предметность

Категориальная функция числа состоит в передаче количественных отношений. Система противопоставленных форм выражает оппозицию единичность – множественность, однако проявление числа, прежде всего в разных частях речи, сильно отличается. Это различие проявляется в синтаксических формах числа у зависимых членов синтагмы и несинтаксических формах числа у независимых членов синтагмы. А. А. Реформатский вслед за Ф. Ф. Фортунатовым пишет о разном качестве числовых форм. В системе предикативных и атрибутивных синтагм число не самостоятельно, «реляционность его подчеркнута очевидно»: число зависимого члена (атрибута и предиката) — зеркало числа независимого члена. Хотя в таких синтагмах есть и «казусы»: *Пять студентов ушло / ушли, Трое грузчиков захмелело / захмелели*; в диалектах можно встретить и такие случаи, как *Народ ушли*, и в просторечии: *Публика двигались* [Реформатский 1960: 397]. Особую систему представляют формы личных местоимений: *я – мы, ты – вы, он, она, оно – они*. «Собственно чистой числовой формы у личных местоимений не получается. Супплетивизм здесь оправдан, так как между *я* и *мы* и *ты* и *вы* слишком много лексического различия. *Мы* — это не просто *я* + грамматическое значение числа» [Там же: 398]. Числительные для А. А. Реформатского «стоят вне грамматической категории числа» [Там же: 386–391]. Если говорить о числовых формах имен существительных, то здесь позиция А. А. Реформатского отличается от позиции Ф. Ф. Фортунатова. А. А. Реформатский пишет: «Фортунатов решил разорвать падежно-числовую парадигму существительных, объявив формы множественного числа словообразовательными, т. е. квалифицируя формы единственного и множественного числа существительных как разные слова. Это явная логическая ошибка. Справедливо, что формы числа у существительных не синтаксичны <...> Справедливо, что в действительности один стол и множество столов — разная предметность. Но в языке это отражается: 1) не в прямом соответствии с действительностью и 2) не в прямом соответствии с числом в мышлении» [Там же: 398]. А. А. Реформатский, рассматривая способы образования форм числа в разных языках, пишет, что «числовая характеристика существительных не

предметна и не деривативна (особенно это ясно при обозначении форм множественного числа артиклем⁹), а реляционна» [Там же: 399]. «Оппозиция: единственное – множественное — одна из самых реляционных возможностей грамматики» [Там же: 397]. Поэтому, говоря о том, что «морфологические значения единственного и множественного числа отражают внеязыковые различия единичности и неединичности называемых существительными предметов» [РГ 80: 46], необходимо понимать, что отражение в языке единичности и множественности может зависеть от многих факторов.

2.2. Число и исчисляемость имени

В отношении категории числа — противопоставленности по выражению «единичности – множественности» — существительные, прежде всего, делятся на (1) имена, обозначающие предметы, поддающиеся счету (считаемые / исчисляемые), и на (2) имена, чуждые идее счета (несчитаемые / неисчисляемые). Несчитаемые имена включают характерные лексико-семантические группы: вещественные имена (*молоко, сливки*), отвлеченные (*красота, хлопоты*), собирательные (*аппаратура – аппаратуры лабораторий, клавиатура – клавиатуры органа*) (пример из [РГ 80]). Считаемые имена имеют формы ед. и мн. ч., несчитаемые имена (1) имеют ограничения на употребление числовых форм и (2) их лексическое значение может меняться при употреблении нетривиальных числовых форм: *вино – калифорнийские вина, вода – воды Индийского океана, активность – активностей* (ср. [Есперсен 1958: 231–232; Гарбузова, Хлыстова 2016: 29]).

Считаемость имени не вытекает из исчисляемости / неисчисляемости обозначаемого объекта. Человек может по-разному концептуализировать и категоризировать объекты и явления действительности. Объект может восприниматься как дискретный или как недискретный (ср. п. 1.1.1.). О различении считаемых и несчитаемых имен написано достаточно исследований на материале разных языков представителями разных направлений в лингвистике (краткий обзор см. в [McCawley 1975; Corbett 2004: 78–82]). Различие исчисляемости / неисчисляемости возникает в семантике [Jackendoff 1991] и в синтаксисе имени [Allan 1980]. Чтобы провести разграничение считаемых и несчитаемых имен, Р. Джекендофф выделяет две оппозиции: (1) объект концептуализируется как имеющий точные границы в определенный период времени или как не имеющий, (2) объект при делении на части перестает быть объектом или объект при делении не перестает быть объектом. Другими словами, если *книгу* или *машину* разделить на части, то это уже не будут *книга* или *машина*, если от *воды* отделить часть, то *вода* не перестанет быть *водой*. Ср. неделимые

⁹ Нем. *der Arbeiter* ‘рабочий’ – *die Arbeiter* ‘рабочие’; также фр. *le loup* ‘волк’ – *les loups* ‘волки’ [Реформатский 1960: 398].

существительные (*impartitiva*) и делимые существительные (*partitiva*) в классификации А. Нурена [Есперсен 1958: 232–233]. Впрочем, примечательно замечание О. Есперсена: «В целом система Нурейна (Адольфа Нурена — Л. М.) кажется мне в высшей степени искусственной и представляющей мало ценности для лингвиста <...> Для нас важно, какие понятия допускает соотнесение со словами «один» и «два», но не важно, какие понятия и вещи могут быть разделены на однородные части» [Есперсен 1958: 233].

Употребление несчитаемых имен в нехарактерных для них контекстах свидетельствует, что в языке возможна рекатегоризация¹⁰: *I'd like a coffee please*. 'Я бы хотел (один) кофе, пожалуйста' (вещественное существительное употреблено как считаемое), *There was dog (SG) all over the road* 'Вся дорога была заполнена собаками' (считаемое употреблено как несчитаемое) [Corbett 2004: 81]. Рекатегоризация трактуется как результат операции *universal packager* (букв. универсальный упаковщик) и *universal grinder* (букв. универсальный дробильщик) [Там же] (см. также [Jackendoff 1991]).

С критикой О. Есперсеном классификации А. Нурена прямо перекликается утверждение К. Аллана, что исчисляемость — это характеристика именной группы, а не имени. Имя лишь демонстрирует предпочтения в употреблении: одни имена чаще встречаются в исчисляемых именных группах, другие — в неисчисляемых. Исчисляемость представляется К. Алланом как шкала, где исчисляемость и неисчисляемость — это крайние позиции шкалы, а имена располагаются на этой шкале от «более исчисляемых» к «менее исчисляемым». Для английского языка эта шкала может быть представлена следующим рядом [Allan 1980: 566; Corbett 2004: 82]:

car, oak, cattle, scissors, mankind, admiration, equipment, Himalayas
машина, дуб, скот, ножницы, человечество (люди), восхищение, оборудование,
Гималаи

Таким образом, разделение слов на две группы — считаемые (*count*) и несчитаемые (*mass*) — это значительное упрощение. Следствием такого упрощения становится проблема лексикографического представления лексем, занимающих промежуточное положение на шкале исчисляемости, когда лексеме приписывается либо характеристика исчисляемости, либо неисчисляемости. Эта проблема неоднократно поднималась многими лингвистами (см., например [Мельчук 1995, 1985; Allan 1980: 566; Corbett 2004: 82]) на материале разных языков.

¹⁰ Г. Корбетт [Corbett 2004: 81] замечает, что, помимо термина *рекатегоризация* (*re-categorization*), употребляются и другие термины: *вторичная рекатегоризация* (*secondary recategorization*) у [Lyons 1968: 282] и «реклассификация» (*reclassification*) [Quirk et al. 1985: 248].

А. Вежбицкая представляет исчисляемость как прототипическое свойство имени. Она выделяет классы числовой дефектности имен, иллюстрируя их примерами из английского языка:

- 1) только ед. ч.:
 - гомогенные субстанции: *butter* 'масло', *wine* 'вино', *water* 'вода';
 - субстанции из мельчайших компонентов (их так много, они в одном месте, никто не думает, что они считаемы): *rice* 'рис', *sand* 'песок';
 - гетерогенные классы (используются как комплект для одинаковой цели): *furniture* 'мебель', *cutlery* 'столовые приборы';
- 2) преимущественно ед. ч. (большие коллекции маленьких предметов, таких маленьких, что их не считают):
 - класс *hair* 'волосы', *clover* 'клевер';
- 3) только мн. ч.:
 - субстанции *oats* 'овес', *curds* 'творог', *coffee-grounds* 'кофейная гуща';
 - местности: *plains* 'равнины', *steppes* 'степь', *woodlands* 'леса';
 - множественные объекты, зафиксированные в одном месте: *stairs* 'лестница', *catacombs* 'катакомбы', *bleachers* 'дешевые места для зрителей'; *bowels* 'кишечник';
 - парные объекты: *scissors* 'ножницы', *goggles* 'защитные очки';
 - группы объектов и / или «барахло»: *leftovers* 'остатки еды, объедки', *groceries* 'бакалея';
- 4) преимущественно мн. ч.:
 - маленькие «коллекции» мелких предметов: *noodles* 'лапша', *peas* 'горох';
- 5) только счетные:
 - класс неделимых индивидуальных объектов: *bottle* 'бутылка', *chair* 'стул', *book* 'книга';
- 6) преимущественно счетные:
 - класс делимых съедобных индивидуальных объектов: *apples* 'яблоки', *eggs* 'яйца';
- 7) класс имен с двойным статусом:
 - твердые субстанции, которые могут обретать форму индивидуальных объектов: *chocolate* 'шоколад – шоколадка', *cake* 'пирог – пирожное';
- 8) псевдо-счетные:
 - гетерогенные классы субстанций и объектов, которые можно резать: *vegetables* 'овощи', *narcotics* 'наркотики', *cosmetics* 'косметика' [Wierzbicka 1988: 550–560] (см. также [Ляшевская 2004: 41–44]).

Как видно, в приведенных типах классы получают семантическую дефиницию и каждому классу приписывается прототипическая ситуация с характерной числовой формой имени. Если имя употреблено в отличной от прототипической ситуации форме числа, то это «специальный» случай.

Например, *hair* 'волосы' употребляется преимущественно в ед. ч., это объект, состоящий из отдельных предметов, которые выглядят одинаково; если отделить некоторое количество этих предметов, то объект не перестанет быть объектом¹¹; но эти предметы так малы и тонки, их так много в одном месте, что о них нельзя думать, что их можно сосчитать. Когда их немного в одном месте, то можно подумать, что их можно сосчитать: *I found some hairs in my soup* 'Я обнаружил несколько волосинок в своем супе', в этом случае существительное *hair* употребляется не в своем прототипическом значении. Таким образом, А. Вежбицкая выделяет в значении слова прототипическую часть и вариативную, которая возникает от концептуальных установок говорящего.

А. Вежбицкая старается показать, как семантическое устройство имени связано с его числовым поведением. Другая возможная интерпретация: это разные лексемы, с разным числовым поведением. Так, в работе [Мельчук 1995] на примере названий овощей показано, что некоторые имена выступают как разные лексемы, и в этом случае можно говорить об омонимии. Эта омонимия не всегда находит отражение в лексикографических описаниях, хотя омонимичные лексемы не только имеют разные значения, но и разные числовые парадигмы. Например, следует различать *огурец* и *огурцы* [Там же: 127–128]:

(1) **ОГУРЕЦ**

1. ≈ 'Одно растение вида огурцы'

Полей третий огурец в этом ряду

2. ≈ 'Единица съедобного продукта, получаемого с растения ОГУРЦЫ 1'

Я купил пять длинных огурцов

ОГУРЦЫ *plurale tantum*

1. ≈ 'Вид растений ... или совокупность растений такого вида'

Здесь прекрасно растут огурцы.

две грядки огурцов / под огурцами

2. ≈ 'Съедобный продукт, получаемый с ОГУРЦЫ 1'

В картофеле, моркови и огурцах много витаминов.

Таким образом, можно говорить об омонимии форм мн. ч. полной парадигмы от ОГУРЕЦ и форм имени *pluralia tantum* ОГУРЦЫ¹². Эта идея развивалась во многих работах на материале русского языка, см. [Чельцова 1977; Соболева 1979]. Собственно, здесь мы имеем дело с проблемой определения, какие элементы коррелируют с исчисляемостью / неисчисляемостью. Скорее всего, решение проблемы будет зависеть от целей описания. В первом случае концепция А. Вежбицкой нашла эффективное применение в других исследованиях, показывающих различную концептуализацию объектов как дискретных или недискретных в разных языках,

¹¹ Вспомним критику О. Есперсеном классификации А. Нурена (см. в этом разделе выше).

¹² Х. Пярн пишет об омонимии форм *сани, ножницы, часы* [Пярн 1984: 33].

во втором случае — концепция И. А. Мельчука стала теоретической базой для исчисления синтаксических конструкций в русском языке.

Считаемые имена, обозначающие объекты, которые можно сосчитать, и несчитаемые имена, обозначающие объекты, которые можно измерить, употребляются в разных типах именных групп. Например, в русском языке считаемые имена употребляются с кванторами *каждый, несколько*, в конструкциях с предлогом *по (по яблоку)*, с количественными числительными, а несчитаемые имена — в конструкциях с нумеративами и счетными словами.

2.3. Конституенты категории числа в русском и эстонском языках, их системное представление (парадигма числа)

Категория числа существительных как в русском, так и в эстонском языке выражается в системе двух противопоставленных рядов форм — ед. ч. и мн. ч. В обоих языках формы числа признаются облигаторными, т. е. любая форма существительного обязательно относится к ед. или мн. ч. Однако на практике в русском и эстонском языках имеются существительные, которые употребляются только в форме либо ед. ч., либо мн. ч. Именно существительные *singularia tantum* и *pluralia tantum* стали причиной споров о дефектности их парадигмы, как отмечает О. Н. Ляшевская: лингвисты проявляют интерес к внешнему устройству грамматической категории [Ляшевская 2004: 20]. Различается два типа дефектности: формальная и функциональная. Формальная дефектность предполагает, что имена имеют окончания только ед. ч. / только мн. ч. (см. Таблица 1.).

Таблица 1. Формальная дефектность и парадигма имени.

	singularia tantum		pluralia tantum	
	SG	PL	SG	PL
им.	<i>белье</i>	–	–	<i>сани</i>
род.	<i>белья</i>	–	–	<i>саней</i>
дат.	<i>белью</i>	–	–	<i>саням</i>
вин.	<i>белье</i>	–	–	<i>сани</i>
твор.	<i>бельем</i>	–	–	<i>санями</i>
пред.	<i>белье</i>	–	–	<i>санях</i>

Функциональная дефектность предполагает, что имя X допускает употребление только в одном из смыслов: «один X» или «несколько X». В этом смысле существительное *белье* является функционально дефектным, а имя *сани* не является функционально дефектным, так как допускает: *одни сани* и *несколько саней*. При этом формы для обозначения одного объекта и для обозначения нескольких объектов будут совпадать (см. Таблица 2.).

Таблица 2. Функциональная дефектность и парадигма имени.

	«один X»	«несколько X»
им.	<i>сани</i>	<i>сани</i>
род.	<i>саней</i>	<i>саней</i>
дат.	<i>саням</i>	<i>саням</i>
вин.	<i>сани</i>	<i>сани</i>
твор.	<i>санями</i>	<i>санями</i>
пред.	<i>санях</i>	<i>санях</i>

Среди существительных *pluralia tantum* есть имена, которые (в отличие от имен типа *сани*), оказываются функционально дефектными. Невозможно, например, представление как «один X» или «несколько X» для имен *сливки*, *чернила*, как, впрочем, и для имени *белье* [Там же: 20–21]. Таким образом, о функциональной недефектности можно говорить только про счетные имена; и, если формальная дефектность / полнота парадигмы возможна для всех имен, то функциональная дефектность / полнота парадигмы оказывается неприменимой для несчетных имен.

А. А. Реформатский считал, что слова *singularia* и *pluralia tantum* стоят вне грамматической категории числа. «Все дело здесь в том, что нет числового противопоставления двух форм. Если есть *дрова*, *сливки*, *штаны*, *щи*, то нет им противопоставленных грамматически **дрово*, *сливка*, *штана*, *ща*, тем самым у слов *дрова*, *сливки*, *штаны*, *щи* категории числа как несинтаксической категории нет» [Реформатский 1960: 392]. Для А. А. Реформатского о грамматической категории можно говорить в том случае, если имеются противопоставленные ряды форм. Таким образом, вызывает сомнение и сама облигаторность категории числа. На материале тюркских и иранских языков неоднократно высказывалась идея о том, что есть одна маркированная «форма» мн. ч., которая противопоставлена морфеме, нейтральной в плане выражения значения «единичность — множественность» (*general/singular non-marked form*) (тюр. *ev* ‘дом / дома’ ~ *ev-ler* ‘дома’). В таких языках различие «один предмет» – «больше одного предмета» не является для имен автоматическим, оно актуализируется, когда это требуется контекстом (“when it matters”) [Kulikov 2004: 124] (см. также [Гузев, Насилов 1975]).

Другую позицию занимает А. А. Зализняк [Зализняк 2002]: все имена в русском языке имеют противопоставленные формы ед. и мн. числа, просто «в человеческой практике обычно не возникает потребности в обозначении нескольких объектов, называемых по отдельности «лай», или «гордость», или «медь» и т. п.» [Зализняк 2002: 57]. Существительное *pluralia tantum сани* имеет омонимичные формы ед. ч. и мн. ч.: *одни сани* (SG) – *разные сани* (PL). Несчитаемые *pluralia tantum* типа *сливки* имеют потенциально полную парадигму. Тот факт, что в «Грамматическом словаре

русского языка» [Зализняк 1977] слова *pluralia tantum* снабжены пометой «мн.», по словам автора, есть дань грамматической традиции.

Если последовательно применять концепцию А. А. Зализняка, то получится довольно сложная система для описания некоторых собирательных имен и для форм мн. ч. имен, указывающих на комплекты. В качестве иллюстрации можно привести рассуждения С. А. Крылова о том, что описательная модель А. А. Зализняка допускает, что для разных лексических значений существительного ед. ч. «может быть формально различно»: *сапог* (SG) ‘*один из разрозненных предметов*’ ≠ *сапоги* (PL) ‘*одна пара сапог*’ [Крылов 2002: 729].

Другая проблема, которая возникает при описании числовых форм, связана с употреблениями типа *вино – вина, грязь – грязи*. Дело в том, что отношения между *вино* и *вина* отличаются от отношений между *книга* и *книги*. Различие состоит в том, что в первом случае у форм мн. ч. развивается другое лексическое значение, что позволяет говорить о категории числа как о словообразовательной (см. п. 2.1.). Получается своего рода парадокс «отношения между формами *книга – книги, столб – столбы* нельзя признать словоизменительными без того, чтобы не признать отношения между формами *вино – вина, снег – снега* словообразовательными, т. е. связывающими однокоренные слова» [Ляшевская 2004: 24]. Таким образом, число попадает в разряд смешанных категорий.

На материале эстонского языка были предложены две концепции. Первая, представленная в работе Ю. Вика [Viks 1982], совпадает с теоретической позицией А. А. Зализняка [Зализняк 2002, 1977]. Ю. Викс учитывает морфологические возможности эстонских субстантивов: любое существительное потенциально способно образовать и формы ед. ч., и формы мн. ч. Следовательно, в эстонском языке существительные имеют полные парадигмы форм числа [Viks 1982: 5–7]. Вторая концепция, представленная в работе М. Тийтса [Tiits 1983], учитывает изменения в семантической структуре слова. М. Тийтс выделяет пять типов дефектных числовых парадигм в эстонском языке:

Тип 1. Имена, имеющие полную парадигму форм мн. ч. и неполную парадигму форм ед. ч.:

jõulud ‘рождество’, *näärid* ‘новый год’, *rõuged* ‘осна’, *leetrid* ‘копь’, *ristsed* ‘крестины’, *varrud* ‘крестины’, *käärid* ‘ножницы’.

Существительные, входящие в эту группу, могут иметь формы ед. ч. для некоторых падежей. Так, например, некоторые названия болезней, обычно употребляемые в форме мн. ч., могут быть употреблены в ед. ч. в форме локативных падежей: иллатива, инессива и элатива (*rõugesse* (SG.ILL) ‘осна’, *rõuges* (SG.IN), *rõigest* (SG.EL)); вероятность употребления формы номинатива ед. ч. для существительных этой группы уже проблематична (**jõul* (SG.NOM) ‘рождество’, **leeter* (SG.NOM) ‘копь’, **kosi* (SG.NOM) ‘сватовство’, **näär* (SG.NOM) ‘новый год’).

Тип 2. Имена *pluralia tantum*, имеющие полную парадигму форм мн. ч., но не имеющие форм ед. ч.:

veimed 'дары невесты родственникам жениха', *andmed* 'данные', *sademed* 'осадки', *hõdrmed* 'крошки', *puurmed* 'стружки', *otaksed* 'родственники'.

Числовая информация в значении этих имен имеет свою специфику. Термины родства, входящие в эту группу, указывают на множественность обозначаемых объектов, но нет информации о количестве «комплектов» (*otaksed* 'родственники', *põksed* 'двоюродные братья и сестры', *döksed* 'сестры'¹³). В случае имен, обозначающих «остатки», по мнению М. Тийтс, оппозиция «единственное – множественное» нейтрализована (*puurmed* 'стружки', *sõelmed* 'высевки', *viilmed* 'опилки'). Эти имена по своему значению очень близки к названиям веществ и материалов и у них отсутствует необходимость в различении «единственное – множественное», но они (так же, как имена типа *otaksed* 'родственники') обозначают множество, состоящее из частей. Необходимости же указания на одну часть из этого множества не возникает. На материале некоторых языков (например, русского) иногда декларируется, что такие случаи можно рассматривать как омонимию форм ед. ч. и мн. ч. (см. выше пример *одни сани – различные сани*), однако для эстонского языка говорить об омонимии в этом случае не приходится. В качестве аргумента автор приводит сложные существительные, в которых в позиции первого компонента выступает «форма» (sic!) ед. ч.: *veitevakk* 'свадебный короб (подарок родственникам жениха + короб)', *andmetöötlus* 'обработка данных (данное + обработка)', *puurtehnik* 'куча стружки (стружка + куча)'. Очевидно, что в этом случае мы имеем дело с неразличением формы слова и основы или сознательным отождествлением (как понятий, так и единиц)¹⁴.

Тип 3. Имена *singularia tantum*, имеющие полную парадигму форм ед. ч. и обычно не имеющие формы мн. ч.:

ida 'восток', *lääs* 'запад', *ausus* 'честность', *helendavus* 'свечение', *mööbel* 'мебель', *luule* 'поэзия', *inimkond* 'человечество'.

Эту группу образуют имена, называющие абстрактные понятия. При употреблении таких имен обычно нет указания на количество объектов. М. Тийтс оговаривает, что в некоторых случаях возникают контексты, когда возможно употребление как форм ед. ч., так и форм мн. ч. имен, обозначающих качества характера (*ausus* (SG) – *ausused* (PL) 'честность – честность', *uhkus* (SG) – *uhkused* (PL) 'гордость – гордость').

¹³ При том, что в эстонском языке есть и считаемое конкретное имя с полной парадигмой: *dõde* 'сестра' – *dõed* 'сестры'.

¹⁴ Нерешенность этого, на первой взгляд, теоретического вопроса влечет за собой трудности во многих прикладных областях эстонской лингвистики. См., например, о проблемах, возникающих из-за неопределенности статуса языковой единицы в современной эстонской лексикографии в [Langemets et al. 2018: 948].

Тип 4. Имена с относительно дефектной парадигмой (*suhteliselt defekt-
sed sõnad*), у которых значения форм ед. ч. и мн. ч. могут коррелировать
лишь частично. М. Тийтс говорит о «вариантах значения». Возможные
комбинации:

а) в одном варианте значения формы ед. ч. и мн. ч. коррелируют, в дру-
гом употребляются только формы ед. ч. (*õlu* 'пиво' как название вещества
имеет только формы ед. ч., как «сорт пива» — ед. ч. и мн. ч.);

б) в одном варианте значения формы ед. ч. и мн. ч. коррелируют, в дру-
гом употребляются только формы мн. ч. (*mälestus* как «мемуары» имеет
только формы мн. ч., как «картинка воспоминаний» — формы ед. ч. и мн. ч.);

в) в одном варианте значения имя имеет только формы ед. ч., в дру-
гом — только формы мн. ч. (*rahutus*, если обозначает состояние 'беспо-
койство', то имеет только формы ед. ч., если выступает в значении «вол-
нения, беспорядки», то имеет только формы мн. ч.);

г) в одном варианте значения у имени есть формы обоих чисел, в дру-
гом варианте значения имя имеет только формы ед. ч., в третьем варианте
значения — только формы мн. ч. (*raud*, если обозначает материал «желе-
зо», то употребляется только в ед. ч., если обозначает «капкан», то только
во мн. ч., в слове *hobuseraud* 'подкова' употребляется в обоих числах).
Если имя берется во всей совокупности передаваемых вариантов значе-
ний, то оно имеет полную парадигму, если брать только отдельные вари-
анты значений, то имя не имеет полной парадигмы. К этой группе имен
с «относительно дефектной парадигмой» относятся слова, которые в само-
стоятельном употреблении имеют полную парадигму, а в составе сложных
слов — только форму мн. ч.:

-sõnad 'слова', *-laudad* 'здесь дощечки', *-märkmed* 'заметки', *-muljed* 'впечатле-
ния', *-suhted* 'отношения', *-jalad* 'здесь рамки ткацкого станка (букв. ноги)',
-mängud 'игры', *-tilgad* 'капли', *-tingimused* 'условия' в словах *ussisõnad* 'заго-
вор от змей (букв. змеиные слова)', *ristsõnad* 'крестворд (букв. крест + слова)',
sirvilauad 'календарные дощечки', *matkamärkmed* 'путевые заметки', *matka-
muljed* 'дорожные впечатления', *klassisuhted* 'классовые отношения', *kangas-
jalad* 'ткацкий станок (букв. ткань + ноги)', *olümpiamängud* 'олимпийские иг-
ры', *kõhatilgad* 'капли от каши', *korteritingimused* 'квартирные условия'.

Тип 5. Факультативные *pluralia tantum*. В этой группе представлены слова,
которые могут употребляться в форме ед. ч. и мн. ч., при этом форма
мн. ч. не указывает на множественность:

kaal ~ *kaalud* 'весы', *pulm* ~ *pulmad* 'свадьба', *matus* ~ *matused* 'похороны',
kihhus ~ *kihused* 'помолвка', *võistlus* ~ *võistlused* 'соревнование'

и возможно употребление как формы ед. ч., так и формы мн. ч.:

(2) Oleme **veresidemega** (SG.COM) seotud. ~ Oleme **veresidemetega** (PL.COM) seotud [Tiits 1983: 362].

Мы связаны **кровными связями** ~ Мы связаны **кровными связями**;

lahendan **ristsõnu** (PL.PART) ~ lahendan **ristsõna** (SG.PART) [Там же].

я решаю **кроссворд** ~ я решаю **кроссворд**.

Хотя нужно иметь в виду, что не у всех из приведенных существительных формы ед. ч. и мн. ч. свободно «чередуются». Например, невозможно употребление формы мн. ч. *pulmad* 'свадьба' в локативных падежах, если речь идет об одной свадьбе, а не о нескольких.

У М. Тийтс тип дефектной парадигмы зависит от того, как комбинируются ряды форм ед. ч. и мн. ч. слова в разных его значениях; из чего логически следует, что слово, имеющее несколько вариантов значения, будет иметь несколько вариантов числовой парадигмы (см. Таблица 3.).

Таблица 3. Имена существительные и тип парадигмы в эстонском языке.

Тип		Парадигма ед. ч.	Парадигма мн. ч.
группа 1	<i>jõulud</i>	неполная	полная
группа 2 (pl.tt)	<i>veimed</i>	нет	полная
группа 3 (sg.tt.)	<i>ida</i>	полная	обычно нет
группа 4 а)	<i>õlu</i>	значение 1	полная
		значение 2	полная
группа 4 б)	<i>mälestus</i>	значение 1	полная
		значение 2	нет
группа 4 в)	<i>rahitus</i>	значение 1	полная
		значение 2	нет
группа 4 д)	<i>raud</i>	значение 1	полная
		значение 2	полная
		значение 3	нет
группа 5	<i>kaal ~ kaalud</i>	полная	полная

И все же при практическом описании формального выражения грамматической категории числа удобнее отталкиваться от традиционно понимаемой облигаторности для всех имен парадигмы, учитывающей числовое поведение имени в его основном значении. Для анализа форм, представленных в тексте (а также для контрастивного анализа форм разных языков), конечно же, желательнее учитывать весь спектр передаваемых значений и употреблений, но отправной точкой должно быть основное значение лексемы. Системное представление числовых форм предполагает разграничение словоизменительной формы слова и словообразовательной основы

слова (в эстонском языке), числовых форм омонимичных слов¹⁵, категориальное значение формы и контекстуальные значения форм.

2.4. Число и лексико-грамматические разряды слов

Существительные в русском и эстонском языках распределяются по лексико-грамматическим разрядам. Имена одного лексико-грамматического разряда имеют свои особенности употребления числовых форм. Базовую (центральную) группу составляют существительные, у которых широко употребляются как формы ед. ч., так и формы мн. ч. Такие имена определяются как имеющие «выраженное противопоставление по числу» [РГ 80: 469–470]. Они составляют большинство имен в лексиконе русского и эстонского языков. К ним относятся конкретные (предметные) имена существительные. Есть имена, которые имеют выраженную противопоставленность по числу, но ее наличие не исключает преимущественного употребления в форме ед. ч. (SG-ориентированные имена), или преимущественно в форме мн. ч. (PL-ориентированные имена). Информация о таком употреблении в идеальном случае должна содержаться в грамматической зоне словарей (о проблемах лексикографического представления числового поведения имен в русских и эстонских словарях см. [Külmoja, Mukovskaya 2020]).

Часть имен могут не иметь в широком употреблении либо формы мн. ч., либо формы ед. ч. К таким именам относятся некоторые конкретно-предметные имена, некоторые собирательные и вещественные имена существительные, отвлеченные (абстрактные) имена.

Некоторые имена в русском языке не образуют формы мн. ч., потому что такие формы неудобно произносить (например, не образуется форма множественного числа у слова *мгла*, у некоторых слов не образуются отдельные формы: например, формы родительного падежа мн. ч. у слова *мечта* [РГ 80: 457]; см. также [Там же: 502]).

В русском языке выделяется отдельная группа несклоняемых имен (подробнее см. [Там же: 467, 473]).

2.4.1. Конкретные имена

Главное свойство конкретных существительных — их предметное значение, предполагающее считаемость объектов, которые они обозначают. Это имена, называющие вещи, предметы, лица, все явления действительности, которые могут быть представлены в отдельности и которые могут быть

¹⁵ «Необходимо отметить, что в ряде случаев речь идет вовсе не о «двойной» форме множественного числа одного слова, а о двух различных формах множественного числа омонимичных слов», — пишет А. В. Исаченко, разбирая примеры «двойных форм мн. ч.» у русских существительных (подробнее см. [Исаченко 1965: 78–79]).

подвергнуты счету (см. [РГ 80: 460]): *карандаш, инженер, поступок, война; эст. pliiats 'карандаш', insener 'инженер', tegu 'поступок', sõda 'война'*. Конкретные предметные существительные имеют полную парадигму, исключение составляют некоторые имена pluralia tantum, имеющие только формы мн. ч. (например, *брюки* или эст. *püksid* с тем же значением). По своему значению и грамматическим особенностям конкретные имена противопоставлены именам собственным, вещественным, собирательным и отвлеченным.

2.4.2. Имена собственные

ИС называют индивидуальные предметы и им не свойственно употребление в форме мн. ч.¹⁶, однако в некоторых контекстах форма мн. ч. употребляется.

1) В случаях, когда ИС не имеет уникальной референции для обозначения разных лиц и предметов, имеющих одинаковые имена (названия):

(3) в классе несколько **Светлан**;
klassis oli palju **Kristiinasid** (PL.PART) 'в классе было много **Кристин**'.

2) А также для обозначения однофамильцев:

(4) сколько **Ивановых** живет в этом городе;
Tammesid (PL.PART) elab Eestis 5212 '**Таммов** в Эстонии живет 5212';

(5) Uued **Rüütlid** (PL.NOM) ja **Kallased** (PL.NOM) keelu alla (Postimees, 4.10.2002)
Новые **Рюйтели** и **Калласы** под запретом (про запрет на фамилии в «Зако-
не о личных именах»).

3) ИС имеют форму мн. ч. для передачи значения множественного ассоциативного¹⁷ для обозначения родственников, членов одной семьи:

(6) купцы **Морозовы**, династия **Романовых**¹⁸;
Kallased (PL.NOM) (имеется в виду отец и дочь, имеющие одну фамилию
Каллас),
Helmed (PL.NOM) (сын и отец, имеющие фамилию Хельме),
Tammed (PL.NOM) (про семью Таммов);

¹⁶ Здесь не имеются в виду случаи, когда форма мн. ч. закреплена в ИС, например: *Альпы, Дарданеллы, Черемушки и Сокольники; Filipiinid 'Филиппины', Kotoorid 'Коморы', Maldiiuid 'Мальдивы', Seišellid 'Сейшелы'; Sajaanid 'Саяны', Hibiinid 'Хибины', Laptevite meri 'Море Лаптевых'*.

¹⁷ Венгерский язык, в отличие от эстонского, имеет специальный формант для передачи значения множественного ассоциативного, например: венг. *Kovácsék* (PL_{ASSOC}) – *Ковач и его семья / его друзья / его коллеги* (однозначная интерпретация задается контекстом).

¹⁸ Такого типа формы мн. ч. ИС могут войти в состав сложных ИС: *братья Третьяковы > ресторан «Братья Третьяковы»*, где родовое слово уже войдет в состав нового ИС.

(7) **Helmede** (PL.GEN) sõnavõtt pälvis EKRE enda liikmete kriitika, valitsuspartnerid vaikisid (Postimees, 4.01.2021)

Выступление **Хельме** (здесь: Мартин и Март Хельме) получило критику членов Консервативной народной партии (ЕКРЕ), коалиция в правительстве молчит¹⁹.

4) ИС может утрачивать уникальную референцию (хорошо описанный в лингвистике случай перехода ИС в нарицательные) и использоваться для обобщенного обозначения однородных предметов или лиц, которые имеют общие черты: *Мы все глядим в Наполеоны* (А. Пушкин); *Rockefellerid* (PL.NOM) ja *Fordid* (PL.NOM) ‘Рокфеллеры и Форды’;

(8) В результате ошибок вождей Россия почти на сто лет сошла с магистрального пути европейского развития. Где наши **Черчилли, де Голли, Рузвельты, Дэн Сяопины?** (Костиков В. Куда ведут амбиции лидеров. Цит. по [Нахимова 2007: 63])

(9) Nüüd saavad sealsamas ruumis, kunstühingu Pallas studios ehk Konrad Mäe ateljees Heldur Viirese käest vabaakadeemilist kunstiharidust tulevased **Konrad** (SG.NOM) **Mäed** (PL.NOM)²⁰. (Postimees, 27.09.2005)

Теперь здесь, в студии художественного объединения «Паллас», в ателье Конрада Мяги будущие **Конрады Мяги** будут получать академическое художественное образование у Хельдура Вийреса.

Формы мн. ч. ИС употребляются в стилистически окрашенных контекстах с оценочным компонентом, как с положительной оценкой (примеры 1, 2), так и с пейоративной:

(10) Воистину Россия — родина слонов. Читай — **жириновских, шандыбинных, макашовых, алибасовых, киркоровых** и прочих смешных человекоподобных. («Комсомольская правда», 21.03.2002)

(11) Tegelikult seda kahju hulka, mida **Laarid** (PL.NOM), **Kallased** (PL.NOM) ja **Ivesed** (PL.NOM)²¹ on maaelule ja põllumajandusministeeriumile toonud <...> (Tiit Tammsaar, 19.02.2004)

На самом деле очень жаль, что так пострадали сельская жизнь и министерство сельского хозяйства из-за **Лааров, Калласов и Ильвесов** <...>²²

В русском тексте — это отсылки к национально-этническим группам, социальным и профессиональным. Формы мн. ч. активно употребляются в политических текстах как в русском, так и в эстонском языках. Для

¹⁹ Этот пример объясняет, почему в русском переводе точность передачи информации может быть достигнута, только если будет добавлен, как один из возможных вариантов, гипероним или уточняющее определение, например: *заявления обоих Хельме*. В русском языке, как известно, не все иноязычные имена и фамилии могут изменяться.

²⁰ Форма мн. ч. имени известного эстонского художника Конрада Мяги.

²¹ В форме мн. ч. имена Марта Лаара — (на момент появления заявления в СМИ) бывшего премьер-министра Эстонии; главы партии реформ Сийма Калласа; министра иностранных дел Тоомаса Хендрика Ильвеса.

²² См. также примеры в эстонском и русском языках в [Kaplinski 2014: 867].

эстонского языка можно отметить большое количество примеров употребления форм мн. ч. ИС, связанных с массовой культурой: *Brigitte Susanne Hundid ja Paljad Porgandid* (мн. ч. имени популярного эстонского блогера, журналиста Brigitte Susanne Hunt и мн. ч. названия блога «Paljas Porgand»); литературных героев: *Вы — единственный папа Карло / Над мильёнами Буратин* (Л. Филатов); *Рачительность севастопольских партийных плюшкиных* вызывала сложные чувства (Т. Толстая); примеры в эстонском языке:

(12) **Andresed** (PL.NOM), **Pearud** (PL.NOM) ja **Krõõdad** (PL.NOM)²³ on peidus meis kõigis. (Tanel Toom, 22.01.2020)

В каждом из нас скрываются **Андресы, Пеару и Крытыты**;

(13) Lapsest on saanud rahapada, mida tänapäeva **imbid-ärnid** (PL.NOM)²⁴ igal aastal justkui maast leiavad. (Maimu Berg, 31.01.2003)

Ребенок стал кладом с деньгами, который нынешние **Имби-Ярни** каждый год словно на земле находят.

Пейоративный стилистический эффект усиливается, когда дается перечисление двух и больше ИС в форме мн. ч.

5) Топонимы в форме мн. ч. используются для обобщенного обозначения мест(а), которое наделяется характеристикой, приписываемой прототипу: *Твой иконный и строгий лик / По часовням висел в рязанях* (Есенин);

(14) Mõis rääkis ju ka, et Tallinnast peab saama linnriik ja kõik, kes tahavad elus läbi lüüa, peavad oma **Капа-Kohilad** (PL.NOM) ja **Võhmad** (PL.NOM) hülgama ning pealinna kolima. (Kerttu Pass, 20.11.2007)

Мыйс²⁵ тоже ведь говорил, что Таллин должен стать городом-государством и все, кто хочет прорваться в жизни, должны уехать из своих **Капа-Кохила** и **Выхма** и поселиться в столице.

6) Т. н. условные ИС (имена, которые Т. М. Николаева обозначила как «какая-нибудь Петрова» [Николаева, 2013: 271]), т. е. имена, которые изначально не имели референцию на уникальный объект: *Минушки, Кларушки, Марианны и т. п. похорошели донельзя, но стоят страшных денег* (Достоевский) [Шмелев 2002: 50]. В эстонских текстах есть свои имена личные, которые употребляются в тексте как условные ИС. Самыми популярными являются Juku – Juhan и tädi Maali. Последнее имя хорошо освоено и русскоязычной журналистикой, правда, сравнение употреблений в русскоязычной и эстоноязычной журналистике показывает, что эстонская tädi Maali и русская тетя Маали несколько отличаются. Juku и Juhan употребляются в известной эстонской поговорке о том, что знаниями и навыками

²³ В форме мн. ч. имена героев романа А. Х. Таммсааре «Tõde ja õigus» («Правда и справедливость»).

²⁴ Сохранена орфография оригинала. В форме мн. ч. имена героев произведения А. Кивиряхка «Reherapp ehk november» (в русском переводе «Ноябрь, или гуменщик»).

²⁵ Юри Мыйс был мэром Таллина.

нужно овладевать смолоду (Mida Juku ei õpi, seda Juhan ei tea. ‘Что Юку не учит, то Юхан не знает’²⁶).

(15) **Jukud** (PL.NOM) riskivad, **Juhanid** (PL.NOM) ei? (Postimees, 24.09.2004)
Юку рискуют, а **Юханы** нет?

(16) Seda, mida **Jukud** (PL.NOM) ja **Katid** (PL.NOM) koolipingis ei õppinud, peavad **Juhanid** (PL.NOM) ja **Katariinad** (PL.NOM) omandama maastikul koostöövaimu nõudvaid tõkkeid ületades või seminariruumis ajurünnakuid pidades. (Äripäev, 4.03.2019)

То, что **Юку** и **Кати** не учили в школе за партой, нужно **Юханам** и **Катариинам** освоить, преодолевая преграды на тимбилдинге на выезде или на мозговых штурмах на семинарах.

(17) Yana Toom: eurovalimiste **Jukud** (PL.NOM) ja Brüsseli **Juhanid** (PL.NOM). (Postimees, 17.05.2019)

Яна Тоом: **Юку** на выборах в Европарламент и **Юханы** в Брюсселе.

В этих примерах обыгрывается идея неопытной ограниченной молодости, которая может наследоваться и сохраняться до старости.

Впервые озвученная в 2001 г. Леннартом Мери тетя Маали — это скорее собирательный социальный образ обычного жителя Эстонии²⁷.

(18) Ka **tädi** (SG.NOM) **Maalid** (PL.NOM)²⁸ mõtlevad. (Arma Ereline, 2012)
Тети Маали тоже думают.

(19) **Need** (PL.NOM) **üksikud** (PL.NOM) **Maalid** (PL.NOM), kes mahesigu õue peal peavad ja igale põrsale nime annavad, on nüüd suurfarmerite silmis saanud seatööstusele suurimaks ohuks. (Repliik: tädi Maalid on süüdi! Eesti Päevaleht, 18.08.2015)

Эти немногие Маали, которые держат на дворе экосвиней и дают имя каждому поросенку, теперь в глазах крупных фермеров превратились в самую серьезную опасность для свиноводства. (Реплика: Тети Маали виноваты!)

7) Разительное отличие в употреблении личных имен в русском языке и в эстонском состоит в том, что в эстонском языке метонимического употребления «имя личное ⇒ продукт, результат труда человека» для плюральных форм нет. Ср.: на стенах картины, левитаны разные. Можно сказать по-эстонски *lugeda Tammsaaret* ‘читать Таммсааре’, *lugeda Koidulat* ‘читать Койдулу’, но под звездочкой окажутся варианты на эстонском

²⁶ Юку — уменьшительное имя от Юхан.

²⁷ Таких собирательных героев в эстонской культуре очень много. Это прецедентные имена, которые представляют трудности в передаче на иностранный язык. И, к сожалению, как показывает практика, чаще всего пропадают в текстах перевода.

²⁸ В аспекте референции для примеров с *tädi Maali* применимо замечание А. Д. Шмелева про тетю Машу. Тетя Маша — это может быть (1) женщина, которую зовут Маша, (2) женщина, которую зовут тетя Маша [Шмелев 2002]. В нашем случае речь идет о «тете Маали» (2).

языке *Койдулы стоят на полках, Рембрандты висят на стенах* как не соответствующие речевой норме.

(20) а) Kui lugeda **Koidulat** (SG.PART), näed kui pingul ta on. **Need** (PL.NOM) on **kohutavad** (PL.NOM) **luuletused** (PL.NOM) <...> (Pärnu Postimees, 22.04.2002)

Если читать **Койдулу**, то видишь, в каком она напряжении. **Это страшные стихи** <...>

б) 10aastane näitleja peab **Tammsaaret** (SG.PART) lihtsaks lugemiseks. (Pärnu Postimees, 09.09.2021)

Десятилетняя актриса считает **Таммсааре** легким чтением.

Для имени *Койдула* форма мн. ч. возможна в случае другого типа метонимического переноса:

(21) **Koidulad** (PL.NOM) ja **jakobsonid** (PL.NOM) ei kao kuhugi. (Maaleht, 30.12.2010)

Койдулы и **Якобсоны** никуда не исчезнут.

В этом примере речь идет об эстонских купюрах (кронах, бывших в обороте в Эстонии в период 1992–2010 гг.), на которых были портреты поэтессы Лидии Койдулы и Карла Роберта Якобсона.

8) Метонимическим можно признать употребление названия бренда при обозначении продукта. Форма мн. ч. будет избираться, если гипероним — *pluralia tantum*: *ролексы* (про часы фирмы Rolex), *найки* (про спортивные туфли Nike); *naikid* ‘найки’, *adidased* ‘адидасы’, однако, в отличие от русской, в эстонской речи такое употребление названий бренда встречается реже. Если для русской (сниженно)разговорной речи обычно употребление: *Путеводитель говорит, что здесь все в ролексах и кофе от 20 баксов*, то в эстонской речи указание на бренд встречается в языке торговли: **Pumad** (PL.NOM) *mega mugavad ja pehme tallaga* ‘**Кроссовки Puma суперудобные и с мягкой подошвой**’, **Adidased** (PL.NOM) *38 suurus* ‘**адидасы, 38-й размер**’, *Uhiuued ja valged Adidased* (PL.NOM) *lillade detailidega* ‘**Совсем новые и белые адидасы с фиолетовыми деталями**’ (на сайте продажи вещей частными лицами osta.ee).

Формы мн. ч. ИС часто становятся инструментом языковой игры, стилистически окрашенных текстов. При употреблении их в форме мн. ч. утрачивается референция на конкретный, индивидуальный объект. Форма мн. ч. сохраняет значение множественности, но имя переходит в разряд нарицательных неуникальных имен, поддающихся счету. Примеры такого употребления интересны лексикографам. См., например, словари плюративов Саши Соколова и В. С. Высоцкого.

(22) Словарь плюративов Саши Соколова, образец словарной статьи [Изотов 2011: 44–48; цит. по Хвастова 2016: 232]:

Лувры. Музеи.

К сожалению, далеко не все посетители наших **лувров** дают себе труд внимательно прочитать инструкцию министерства культуры, и поэтому многие завязывают их неряшливо <...> (П: 330)

Словарь плюративов В. С. Высоцкого является «словарем одного способа словообразования применительно к творчеству одного автора» [Там же].

(23) Образец словарной статьи:

Солнца. Светила.

Где та чудовищная мгла, Которой матери пугают? Светло — хотя ни факела, ни **солнца** мглу не освещают! (Упрямо я стремлюсь ко дну...)

Похожие примеры можно найти и в эстонском языке:

(24) Kunagi olid inimesed (mitte et neid praegu poleks ja oma võimaluste piires), kes rajasid **ermिताaže** (PL.PART) selleks, et kogu ühiskonna mürast ometi pääsed. (Eesti Ekspress, через Eesti veeb 2013)

Когда-то были люди (не то что бы их сейчас не было и в пределах своих возможностей), которые строили **Эрмитажи** для того, чтобы вырваться из шума общества.

(25) Pariisist me teame kõik, üks ole <...> bulvareid ja **louvrei'isid** (PL.PART), viiraltaid (PL.PART) ja hemingwaysid (PL.PART). (из литературного блога на roogen.ee, через etTenTen)

О Париже мы знаем все, вот <...> бульвары, **Лувры**, Вийралты и Хэмингуэи.

Смысловое расхождение между формами ед. ч. и мн. ч. в этих примерах возвращает нас к проблеме, рассмотренной в связи с употреблением форм мн. ч. имен вещественных (*вина, грязь*). Е. В. Хвастова прямо определяет такие случаи «плюрализации» как отдельный способ словообразования [Хвастова 2016].

2.4.3. Имена собирательные

Другую группу имен, для которых формы мн. ч. не характерны, образуют имена собирательные. К ним относят существительные, называющие совокупность однородных предметов. В русском языке это существительные, имеющие в своем составе суффиксы *-ств(о)* (*студенчество, юношество*), *-j* (орфографически слова на *-ье*: *бабье, зверье, дурачье*), *-н(я)* (*матросня, ребятня*), *-иц* (орфографически слова на *-ия*: *пионерия, аристократия*), *-от(а)* (*беднота*), *-в(а)* (*братва, татарва, мордва*), *-ор(а)* (*детвора*), *-ур(а)* (*профессура, прокуратура*), *-ащи(я)*, *-ищи(я)*, *-ци(я)*, *-енци(я)* (*иммиграция, интеллигенция*) [РГ 80: 459; Реформатский 1960: 396; Пярн 1985: 45–47]. К собирательным относятся имена на альтернирующий мягкий

согласный (*голь, рвань, гнусь, дичь*)²⁹ [Реформатский 1960: 396]; некоторые слова, образованные при помощи аффиксов *-ежь* (*молодежь*), *-ядь* (*челядь*), *-итет* (*генералитет*), *-щин(а)* (*интеллигенщина, эмигрантщина*) [Пярн 1985: 47]. В современном русском языке продуктивными являются словообразовательные связи от основ одушевленных существительных (*студенчество, пионерия*) [Там же: 34]. Собирательность в широком понимании может быть выражена не только словообразовательными аффиксами, но и лексически: *ботва, мелюзга, хлам, мебель* [РГ 80: 460; Пярн 1985: 47].

Для А. А. Реформатского невозможность употребления во мн. ч. является грамматическим критерием отнесения имени к собирательным существительным. Другое представление о собирательности было у О. Есперсена, который считал, что «собирательность в логическом отношении, с одной стороны, есть единичность, а с другой — множественность», и относил к собирательным такие имена, как: *a set (of tools, of volumes)* ‘набор (инструментов), собрание (томов)’; *a pack (of hounds, of cards)* ‘стая (собак), колода (карт)’; *a bunch (of flowers, of keys)* ‘букет (цветов), связка (ключей)’. Собирательность в отношении существительных, по О. Есперсену, означает «единство ряда предметов или существ, которые можно пересчитать». В этом состоит двусторонность собирательных имен. Например, в английском языке, с одной стороны, они могут употребляться как с предшествующими *a* или *one*, так и в форме мн. ч. *two flocks* ‘два стада’, *many nations* ‘много наций’; а с другой стороны, они обозначают множественность и могут сочетаться с глаголом и предикативом во мн. ч.: *My family are early risers* ‘Моя семья — жаворонки’ [Есперсен 1958: 224–226]. Как полагала И. Э. Еселевич, в русском языке общим признаком собирательных имен является их логико-понятийное содержание, обозначение формой ед. ч. совокупности однородных предметов [Еселевич 1979: 15], т. е. она относит такие существительные, как *лес, стадо, народ* к именам собирательным. Для А. А. Реформатского же «*лес, роща, толпа, стадо* и т. п., никакого отношения к собирательным не имеют, так как у них есть нормальное соотношение формы единственного и множественного числа (*лес – леса, стадо – стада*)» [Реформатский 1960: 395–396].

Интерпретация собирательных имен во многих аспектах представляет грамматический парадокс: «как же так «по форме единственное», а «по значению множественное»?» [Там же: 394]. Со словами *singularia tantum* собирательные имена сближает употребление только в формах ед. ч., со словами *pluralia tantum* (группа 1; см. п. 2.7.2.) — то, что они обозначают совокупности. А. А. Реформатский решает этот парадокс так, что выводит собирательные имена из категории числа: «собирательные, как и *singularia*

²⁹ По этой модели образовано и когда-то собирательное имя *сволочь*. И эта же модель была использована в каламбуре композитора С. И. Танеева, когда он высказался о современной музыке: «И пошла, знаете, теперь всякая “равель”» [Реформатский 1960: 396].

tantum, стоят вне грамматической категории числа» [Там же]. А. А. Реформатский выделяет собирательность в отдельную категорию, что позволяет ему говорить о разновидности собирательности, которая выражена в русском языке в следующих употреблениях форм ед. ч.: *Здесь хорошо щука берет* [Там же: 396]. Как нам представляется, последовательное применение такого подхода приведет к тому, что конкретные имена, обозначающие предметы, в некоторых употреблениях будут отнесены к собирательным, что затруднит системное описание лексики. Большую дискуссию вызывает другая проблема: как соотносятся имена собирательные и формы мн. ч. (*студенчество – студенты*). Некоторые исследователи (см. подробнее [Пярн 1985: 35–36]) ставят имена собирательные в один ряд с формами мн. ч. Наиболее убедительным мы считаем яркий пример М. А. Шелякина, демонстрирующий, что существительные в форме мн. ч. и имена собирательные не всегда взаимозаменяемы. Если *советское студенчество выступает за дружбу между народами* допускает замену на *советские студенты выступают за дружбу между народами*, то в *студенты первого курса сдали все экзамены* форма мн. ч. *студенты* замену на имя собирательное не допускает [Шелякин 1977: 12]. Этому мешает тот факт, что в именах собирательных совокупность отдельных предметов мыслится как один объект, а формы мн. ч. обозначают или разделительную множественность, или разделительную собирательность. Как нам кажется, невозможность замены формы мн. ч. именем собирательным в некоторых контекстах объясняется несочетаемостью семантики предиката (разнесенность во времени, в пространстве, дистрибутивный характер субъекта или объекта) и семантики имени собирательного.

В. В. Виноградов [Виноградов 1972: 132] определяет имена собирательные как слова, имеющие определенную словообразовательную структуру, лексико-грамматическую общность и свойственные им грамматические признаки. Общим для них грамматическим признаком является отсутствие форм мн. ч. И. Г. Миськевич уточняет, что несвойственные именам собирательным формы мн. ч. все же возможны — в случае, если обозначаемые ими совокупности получают конкретную количественную характеристику [Миськевич 1971]. Другими словами, если имя собирательное в обычных контекстах указывает на возможное безграничное множество однородных предметов, то в специфических стилистически маркированных контекстах оно может указывать на конкретное множество: *аппаратура – аппаратуры лабораторий* (пример из [РГ 80]). Х. Пярн верно замечает, что форма мн. ч. *аппаратуры* может быть обусловлена дистрибутивностью контекста (у каждой лаборатории своя аппаратура) [Пярн 1985: 38].

Собирательные имена в русском и эстонском языках в сопоставительном аспекте подробно рассмотрены в работе Х. Пярн [Пярн 1985], эта работа не утратила своей актуальности и сейчас, особенно в плане подробного анализа проблем представления собирательных имен в двуязычных словарях (на примере пары языков: эстонский и русский). Эти проблемы возникают по следующим причинам:

- 1) в эстонском языке грамматическая выраженность категории собирательности незначительна,
- 2) в русском языке словообразовательных моделей имен собирательных довольно много, а в эстонском языке можно выделить только один продуктивный суффикс *-kond*, при помощи которого образуются слова, обозначающие совокупности лиц, объединенных по какому-либо признаку,
- 3) продуктивность суффикса *-kond* в эстонском языке чрезвычайно высока.

В результате при составлении русско-эстонских словарей авторам приходится давать в качестве соответствий русским именам собирательным формы мн. ч. конкретных имен эстонского языка; а в эстонско-русских словарях русские имена собирательные оказываются представлены незначительно. Последний «эффект» возникает еще и по причине продуктивности суффикса *-kond* и явной нецелесообразности включения в эстонский словарь всех дериватов с этим суффиксом. Что касается грамматической невыраженности категории собирательности в эстонском языке, то она проявляется в том, что обычно имена с *-kond* все-таки употребляются в формах мн. ч., «так как собирательность выступает как элемент лексического значения»: *perekond* ‘семья’, *leibkond* ‘семья’, *koolkond* ‘школа (в литературе, в науке)’, *meeskond* ‘команда’ — «эти слова, конечно, могут употребляться в формах обоих чисел» [Пярн 1985: 49]. В эстонском языке есть еще суффиксы, которые способны передавать собирательность: *-stik* (*tähestik* ‘алфавит’, *laevastik* ‘флот’, *kliendistik* ‘клиентура’), *-us* (*kodanlus* ‘буржуазия’, *pagulus* ‘эмиграция’, *tagurlus* ‘реакционеры’), *-ik* (*ladvik* ‘верхушка (общества)’, *haavik* ‘осинник’, *lepik* ‘ольшаник’), *-stu* (*kehvistu* ‘беднота’), *-e* (*sisseränne* ‘иммиграция’) [Там же] (см. также [Kasik 2015: 236–238]). Значение собирательности у этих дериватов является вторичным или наблюдается синкретизм значений собирательности и отвлеченного состояния. Собирательность может выражаться в заимствованиях: *agentuur* ‘агентура’, *klientuur* ‘клиентура’; *administratsioon* ‘администрация’, *auditoorium* ‘аудитория’ и даже такие употребления, как: „*Noorte Hääle*“ *korrektuur* ‘корректоры газеты «Noorte Hääl»’. При этом имена той же морфологической структуры, что и *agentuur* ‘агентура’ – *professuur* ‘профессура’, *dotsentuur* ‘доцентура’, значения собирательности не имеют и передают только значение «должностное состояние лица» [Пярн 1985: 50]. Стоит отметить, однако, что этому утверждению противоречит дефиниция в словарях [EVS].

Х. Пярн выделяет следующие лексико-семантические группы имен собирательных в зависимости от характера предметно-понятийной соотнесенности денотатов:

I. Лично-собирательные существительные (*студенчество*, *беднота*). Сюда же относится группа слов, обозначающих совокупность живых существ (*комарье*, *мошकारа*).

II. Предметно-собираательные:

- 1) названия совокупностей, объединенных признаком «части чего-либо как остаток или результат какого-либо действия, процесса (*труха, бурелом*);
- 2) названия совокупностей по каким-либо признакам, чаще отрицательным (*барахло, гнилье*);
- 3) названия, выражающие собираательное значение «лес, древесина и т. п. как поделочный и строительный материал» (*кафель, булыжник*);
- 4) названия совокупностей различных изделий, принадлежностей одежды и домашнего обихода, товаров и пр. (*белье, текстиль, обувь, бакалея, посуда, мебель*).

III. Вещественно-собираательные:

- 1) названия ягод, овощей, фруктов, некоторых растений и кушаний (*брусника, картофель, снедь, карамель*);
- 2) названия материалов в значении «совокупность изделий из названного материала» (*бронза, фарфор*).

IV. Абстрактно-собираательные существительные (*символика, драматургия*).

Предложенная Х. Пярн классификация (несмотря на то, что работа носит характер контрастивного исследования) построена только на материале русского языка. Как нам кажется, целесообразность сопоставления собственно лексического материала, собранного методом сплошной выборки из имеющихся словарей, не совсем оправдана. Помимо высокой продуктивности суффикса *-kond* и невозможности (скорее потому, что это будет очень неэкономное решение для словаря) включить все дериваты в словник³⁰, невозможно включить в словарь и все дериваты с суффиксом существительных *-stik*, у которых значение собирательности реализуется в контексте:

- (26) Olen kokku kogunud **murestiku**, mis on minu rahutut hinge mingitel hetkedel häirinud. (Reet Kaasik. Sirp, 14.03.2013)
Я собрал **заботы** ('забота' + *-stik*), которые мою беспокойную душу в какие-то моменты тревожили'

³⁰ Х. Пярн отмечает: «Обратный словарь эстонского языка <...> содержит около 120 слов с суффиксом *-kond*, имеющих значение совокупности одушевленных предметов, но список их может быть намного больше» [Пярн 1985: 49]. Речь идет о словаре 1979 года [ЕКР]. Словообразовательный словарь эстонского языка [Eesti keele sõnaregед 2012] содержит **548** единиц с суффиксом *-kond*, эстонско-русский словарь [EVS, 1997–2009] содержит 140 словарных статей с заголовочным словом, в состав которого входит суффикс *-kond*. В названном двуязычном словаре дериваты с суффиксом *-kond* присутствуют не только в качестве заголовочного слова, следовательно, общее количество таких дериватов в этом словаре еще больше. О высокой степени присутствия в текстах *kond*-дериватов свидетельствует тот факт, что в корпусе художественной литературы эстонского языка запрос выдает 3129 предложений-употреблений (дата обращения 12.06.2018).

(27) Nagu ka bussid- ja raudteejaama puhvetid Tallinnas ja Klooga ranna putkastik [Kaasik 2015: 237].

Как и буфеты автобусных и железнодорожных вокзалов в Таллине и будки ('будка' + -stik) на берегу в Клоога'

Такие дериваты становятся объектом изучения не столько «словарной» деривации, сколько «текстовой», и могут быть материалом специального отдельного изучения.

В эстонском языке собирательность может выражаться сложными словами (*jalavägi* 'пехота', *lastepere* 'детвора', *suguselts* 'родня', *lihtrahvas* 'простонародье'). Все упомянутые выше особенности эстонского словообразования вообще могут поставить под сомнение осмысленность попытки составить более-менее полный список собирательных имен в эстонском языке.

Насколько одна единица деривации может проникать в словарный арсенал эстонского языка, показывает анализ дериватов с суффиксом *-kond*. Основное значение суффикса — указание на множество лиц, представленных в единой совокупности:

(28) **üliõpilaskond** kõik üliõpilased kokku, üliõpilased (kogumina)
Eesti, Tartu üliõpilaskond. Üliõpilaskonnas on kasvanud huvi spordi vastu [EKSS]

студенчество все студенты вместе, студенты (в совокупности)

Студенчество Эстонии, Тарту. *букв.* У *студенчества растет интерес к спорту

(29) **professorkond** (ühe kõrgkooli) professorid
Tartu professorkond [Там же]

профессура профессоры (одного вуза)
профессура Тарту

Как видно из примера выше, *üliõpilaskond* 'студенчество' в некоторых контекстах лучше перевести на русский язык формой мн. ч. *студенты*. Х. Пярн пишет об «обратных» примерах, когда имена собирательные в русском языке лучше переводить на эстонский формой мн. ч. [Пярн 1985: 51–52]. В переводе имен собирательных необходимо учитывать частотность употребления в речи таких лексем и их стандартную сочетаемость.

Имена с суффиксом *-kond* можно разделить на следующие лексикограмматические группы [Kaasik 2004: 125–126]:

- 1) обозначают группы людей (*meeskond* 'команда');
- 2) обозначают группы людей, объединенных по какому-либо признаку:
 - по месту: *paatkond* 'лодочная команда', *laudkond* 'сидящие за одним столом';
 - по общности функций: *vahtkond* 'караул, стража';
 - родства или общности: *sugukond* 'родственники', *sõpruskond* 'содружество';
- 3) термины, обозначающие группы неживых предметов:
 - грамматические: *muutkond* 'тип склонения, спряжения';

- геологические: *aegkond* 'эра';
 - метеорологические: *õhkkond* 'атмосфера';
- 4) обозначают место, территории:
- административные территории: *maakond* 'уезд';
 - географические термины: *jõgikond* 'бассейн реки'.

Приведенные выше группы не исчерпывают все «возможности» суффикса *-kond*. Собранный нами из словарей и корпусов материал позволяет сделать некоторые уточнения. Можно добавить (или конкретизировать) пункты 2, 5, 6, 7:

- 2) группы людей, объединенных по:
- сословному, социальному статусу (*aadelkond* 'дворянство'),
 - национальному признаку (*eestlaskond* 'эстонцы'),
 - территориальному признаку (*linnaelanikkond* 'городские жители'),
 - общности интересов, хобби, убеждений (*austajaskond* 'почитатели'),
 - профессии или занятия (*kirjanikkond* 'писатели'),
 - относящихся к одному учреждению, организации (*abtkond* 'аббатство');
- 5) группы одушевленных объектов, распределенных по времени (*järglaskond* 'потомство', *põlvkond* 'поколение');
- 6) группы животных и растений (*veetaimkond* 'водная флора');
- 7) сложные закрытые системы (*hammaskond* 'зубы').

По перечисленным выше группам видно, что *kond*-дериваты могут обозначать совокупности как одушевленных и неодушевленных объектов, так и пространства; включают однородные объекты, которые могут быть дискретными. Число объектов, включенных во множество, не фиксировано, но поддается количественной оценке: *lai lugejaskond* 'широкая читательская публика', *arvikas kuulajaskond* 'многочисленная публика (слушатели)', *kaheliikmeline meeskond* 'команда из двух членов'. Имена с *-kond* употребляются с предикатами, рассчитанными на множественность: *koosnema* 'состоять из', *jagunema* 'делиться (на)', *kihistuma* 'расслаиваться'. Имена с суффиксом *-kond*, обозначающие пространства (*kõhupiirkond* 'область живота', *ümbruskond* 'окружение') в составе приведенной классификации позволяют предположить, что указание на множественность в языке может связываться с обозначением пространства. Класс пространств может быть метонимически связан с классом множеств: *abtkond* 'аббатство'. Множества (и пространства) могут входить в другое множество (пространство), могут репрезентировать наборы и комплекты (*soolkond* 'кушетник', *soonkond* 'сосудистая система').

Суффикс *-kond* употребляется в научной терминологии (*asurkond* 'популяция', *alam sugukond* 'подсемейство'), в словах, обозначающих примерное количество (*viiskond* 'примерно пять') и в словах, функционирующих как счетные слова (*pesakond kutsikaid* 'выводок щенят', *salkkond ratsanikke* 'отряд всадников', *trobikond lapsi* 'ватига детей').

Таким образом, описание *kond*-дериватов как лексем, представляющих не конкретные лексико-семантические группы слов, объединенные на

основании какого-либо признака, а как лексем, представляющих множества и пространства, позволяет выполнить более тонкий семантический анализ и описать их (лексем) морфолого-синтаксические свойства. Частота употребительности суффикса *-kond* в эстонском тексте и тот факт, что этот суффикс при передаче разных смыслов сохраняет свое общее значение собирательности, позволяет нам определять его как маркер собирательности в эстонском языке.

В отношении имен собирательных в русском языке можно согласиться с Г. И. Миськевич [Миськевич 1971: 121–122] в том, что категория собирательности в русском становится все более непродуктивной, она все более носит чисто лексический характер и не связана с воспроизведением словообразовательной конструкции. «Только структурные схемы образования собирательных имен, составляющих словообразовательную систему (собирательные имена с суффиксами *-ье, -ство, -ия, -ня, -щина*), включают словообразовательные потенции дальнейшего развития самой категории собирательности» [Там же]. Открытые словообразовательные ряды собирательных имен в современном языке оказываются весьма малочисленными, и они демонстрируют возникшее противоречие между возможностями, которые заложены в системе словообразования, и их реальной продуктивностью в языке. Если, к примеру, посчитать количество собирательных имен и имен с отдельными значениями собирательности, полученное Х. Пярн в результате сплошной выборки из крупнейших словарей русского языка и научных исследований (список см. [Пярн 1985: 56–58]), то получится 417; при этом только 140 слов будут представлять продуктивную модель: имена, указывающие на множество лиц, образованные от основ, обозначающих одушевленные — всегда счетные — объекты.³¹

2.4.4. Имена вещественные

Вещественные существительные, как следует из их названия, обозначают вещества, субстанции. Они называют: продукты (*мука, сахар*), материалы (*гипс, цемент*), ткани (*бархат, ситец*), ископаемые и металлы (*железо, яшма*), химические элементы и лекарства (*уран, аспирин*), сельскохозяйственные культуры (*овес, картофель*) и другие однородные делимые массы. В отличие от собирательных существительных, вещественные не имеют своих специфических суффиксов [РГ 80: 460]. На материале эстонского языка собственно вещественные существительные не были предметом подробного изучения. Х. Пярн [1989б] делала попытку сопоставительного описания вещественных имен в эстонском и русском языках, однако в ее исследовании эстонская лексика представлена в большей степени как база

³¹ Самую продуктивную подгруппу составляют имена с суффиксом *-ство* (40 слов). Другие группы собирательных имен в исследовании Х. Пярн: предметно-собирательные (150 слов), вещественно-собирательные (90 слов) и абстрактно-собирательные слова (17 слов) с непродуктивными суффиксами [Пярн 1985].

для образования сложных слов (вещественное имя *raud* ‘железо’ — собирательное имя *vanaraud* ‘металлолом’ — конкретные имена *pluralia tantum* *käeraud* ‘наручники’, *vangiraud* ‘оковы, кандалы’, *jalaraud* ‘оковы, кандалы’, *hundiraud* ‘волчий капкан’, *rebaseraud* ‘лисий капкан’, *roniraud* ‘когти, кошки’, *suuraud* ‘удила’, *lambaraud* ‘ножницы для стрижки овец’ — конкретные имена с полной парадигмой *triikraud* ‘утюг’, *kapsaraud* ‘сечка, тляка’, *tuleraud* ‘огниво’, *tungraud* ‘домкрат’, *hobuseraud* ‘подкова’, *vahvliraud* ‘вафельница’, *tuikraud* ‘отмычка’). Другой аспект, рассмотренный в работе [Пярн 1989б], — это употребление вещественных имен в других, «невещественных» значениях. Например, и в русском, и в эстонском *золото, серебро, бронза* могут употребляться в счетных контекстах, если обозначают спортивные медали: *два золота – kaks kulda, четыре серебра – neli hõbedat, четыре бронзы – neli pronksi*. Такие случаи представляют несомненный интерес для изучения полисемии в обоих языках. Х. Пярн делает очень интересное замечание о том, что в эстонском языке возможно употребление этих слов в форме мн. ч. (*teiste riikide sportlastele jäeti ainult kaks medalit, need olid aga kullad* (PL.NOM) ‘спортсменам других государств оставили всего две золотых медали, но это было **золото**’, тогда как в русском языке форма мн. ч. невозможна [Пярн 1989б: 9]).

Интерес к вещественным именам в эстонском языке, так же как в русистике, возникал в связи с описанием имен *singularia* и *pluralia tantum*. Вещественные имена обычно употребляются только либо в форме ед. ч., либо в форме мн. ч. Например, в ед. ч. [РГ 80: 460; ЕККР: М66, Tiits 1983: 362–363]:

мед, чай, мука, олово;

suhkur ‘сахар’, *jahu* ‘мука’, *kuld* ‘золото’, *manna* ‘манка’, *piim* ‘молоко’, *kata* ‘толокно’, *tina* ‘олово’, *plekk* ‘жесть’, *kips* ‘гипс’, *savi* ‘глина’, *tuhk* ‘пепел’, *tolm* ‘пыль’, *ila* ‘слюна, слюни’, *sülg* ‘слюна, слюни’, *kusi* ‘моча’;

во мн. ч.:

дрожжи, духи, сливки;

kliid ‘отруби’, *tangud* ‘крупа’, *rapped* ‘отходы; обмол’, *sõelmed* ‘высевки’.

Вещества и материалы обладают признаком несчетности, от предметов они отличаются аморфностью. Они не имеют внутренней структуры и внешней формы [Ляшевская 2004: 131]. Способность некоторых вещественных имен *singularia tantum* употребляться в форме мн. ч. связана с изменением значения слова: *вино – калифорнийские вина* и *vein* ‘вино’ – *Kalifornia veinid* ‘калифорнийские вина’; *сталь – легированные стали* и *teras* ‘сталь’ – *leegeritud terased* ‘легированные стали’. В форме мн. ч. в таких примерах существительное получает значение вида / сорта вещества. Референт имени получает специфические качественные характеристики и форма мн. ч. передает множественность этих характеристик. Вещественные имена передают «качественность» в контекстах, когда формы мн. ч. передают признак, который может представляться как разнородный. «Такой

признак практически всегда находится у веществ и материалов, получаемых человеком» [Ляшевская 2004: 139] (*минеральные и синтетические масла*) или если признак оказывается функционально важным (*эфирные масла – eeterlikud õlid*).³²

Возможны еще два типа случаев появления форм мн. ч. у вещественных *singularia tantum* — значение большого количества и значение порции вещества. Примеры употребления в значении большого количества:

- (30) (a) пески Сахары
(б) Karavanid liiguvad üle, läbi Sahara ääretute **liivade** (PL.GEN) [EKSS].
Караваны передвигаются через бескрайние **пески** Сахары.
- (31) (a) воды Амазонки
(б) Otse vaguni seinte taga hingavad luhad ja **veed** (PL.NOM), tõuseb udu ja langeb kaste. (Viivi Luik)
Сразу за стенками вагона дышат луга и **воды**, поднимается туман и опускается роса.

В таких употреблениях форма мн. ч. получает значение «**оценки** количества» — большое количество вещества (см. выше п. 1.1.1.; п. 1.4.) или значение «пространство, заполненное этим веществом». Необходимо отметить, что если в русском языке употребление форм мн. ч. в значении большого количества возможно для существительных *воды, льды, снегá, пески*, то в эстонском языке формы мн. ч. существительных *lumi* ‘снег’ и *jää* ‘лед’ обычно не употребляются³³. Вещественные имена в форме мн. ч. в составе количественной именной группы с числительными получают значение порции, кванта вещества: *два пива, два молока – kaks õlut, kaks piima*. Для русских вещественных существительных некоторыми исследователями отмечались ограничения на употребление в количественных именных группах [Мельчук 2002: 131; Ляшевская 2004: 135]: **пять масел; Взяли*

³² Сортовое значение форм мн. ч. вещественных имен широко «эксплуатируется» в языке торговой рекламы (иногда нарушая стандартное употребление): *клея* (магазин ОБИ в Санкт-Петербурге), *mullad* (PL.NOM) ‘почва’, *turbad* (PL.NOM) ‘торф’ (реклама магазина DECORA в Эстонии).

³³ Исключением могут быть редкие случаи употребления этих имен в форме мн. ч. в сильных контекстах

1) в сортообразительном значении: *Samuti on olemas erinevaid jääsid* (PL.PART) (miksike.ee; annaabi.ee) ‘Также есть (на Сатурне) разные **льды**’;

2) в значении большого количества вещества: *See laev kindlasti peab vastu need* (PL.NOM) *Antarktika jääd* (PL.NOM), *see on ikkagi teraslaev* (menu.err.ee) ‘*Это судно наверняка выдержит эти льды Антарктики, это все-таки стальное судно*’ (на последний пример было любезно указано Х. Томмола). Такие примеры очень редки, в [ENC₁₉] нет ни одного примера употребления плюральных форм *jää* ‘лед’ и только один пример употребления формы мн. ч. имени *lumi* ‘снег’. Имеющиеся на настоящий момент в нашей коллекции четыре примера употребления форм мн. ч. имен *jää* и *lumi* не противоречат общему правилу употребления форм мн. ч. вещественных имен (употребление в сортовом значении и в значении большого количества).

несколько *вин / *масел / ?? сметан; несколько *вина / *пива, которые ставят под вопрос полноценность такой исчисляемости. Хотя наша коллекция примеров употребления числовых форм в современной речи содержит и такие примеры, признать эти формы стандартным нормативным употреблением нельзя. Однако в выборе формы мн. ч. можно усмотреть определенную интенцию автора. Такие формы чаще всего встречаются в языке рекламы и свидетельствуют о новой прагматике числовых форм в современных текстах. Ср. *две пены по цене одной* в торговой рекламе пены для бритья (подробнее см. [Муковская 2021б]). В эстонском языке употребление такого типа квантитативных групп возможно, хотя встречается нечасто:

- (32) Ta valas endale klaasikese likööri, seda tal oli, tal oli ka **mitmeid** (PL.PART) **veine** (PL.PART), kuid ta soovis midagi kangemat, ta kobis diivanile, tõmbas ka jalad sellele, kuid televiisorit ei lülitanud sisse. (Jaan Kruusvall)

Он налил себе стаканчик ликера, это у него было, у него было и **несколько вин**, хотя он хотел чего-нибудь покрепче, он забрался на диван, положил и ноги на него, а телевизор не включил.

- (33) Võtsime **paar veini** (SG.PART) reisimoonaks kaasa. (Enn Põldroos)

Взяли с собой **пару вин** в дорогу.

В группе вещественных имен *pluralia tantum* выделяется самостоятельная подгруппа существительных, имеющих значение «отбросы или остатки вещества, полученные в результате какого-либо процесса или деятельности». Формы мн. ч. этих имен иногда объясняют их морфологическим строением [Соболева 1979: 82; Tiits 1985: 359]:

высевки, выгребки, опилки, отбросы; hõõrted ‘порошок, получившийся при трении’ (от глагола *hõõgima* ‘тереть’), *ihkmed* ‘металлический порошок после шлифовки’ (от глагола *ihutama* ‘точить’), *kraarted* ‘оскребки’ (от глагола *kraarima* ‘скрести’), *turdmed* ‘крошки, обломки’ (от глагола *turdma* ‘ломать’), *pühkmed* ‘сор, сметки’ (от глагола *pühkima* ‘мести’), *puurmed* ‘стружка’ (от глагола *puurima* ‘сверлить’), *saagmed* ‘опилки’ (от глагола *saagima* ‘пилить’), *sõelmed* ‘высевки’ (от глагола *sõeluma* ‘просеивать’).

По поводу эстонских примеров М. Тийтс высказывает предположение, что эта словообразовательная модель, относительно молодая в истории эстонского языка, возникла в результате аналогии с русским языком. В отношении примеров в русском языке можно упомянуть гипотезу о метафоре отделения, типичной для славянских (и в некоторой степени индоевропейских) языков [Дегтярев 1982: 74]. Мн. ч. *духов, чернил и сливок* А. Вежбицкая пыталась объяснить с помощью признака малых порций [Wierzbicka 1988: 535]. *Сливки, чернила, духи* никто не использует разом в большом количестве.

Таким образом, в заключение этого раздела можно сказать, что формы множественного числа вещественных существительных *pluralia tantum* исследователи пытаются объяснить либо как семантически мотивированные, либо заданные формально словообразовательными моделями. Большая часть вещественных имен — имена *singularia tantum*, и формы мн. ч. им

не свойственны. Употребление во мн. ч. сопровождается изменением в значении слова: имя получает видовое / сортовое значение, значение большого количества (в одном месте) и значение порции / дозы. Не для всех вещественных имен возможно такое изменение значения (сдвиг в значении слова) и, если даже такая возможность для отдельного имени существует, то это не означает автоматической употребимости этого имени во всех квантитативных группах для имен этого класса. Сказанное справедливо как для русского, так и для эстонского языка. Для эстонского языка, в сравнении с русским, употребление форм мн. ч. вещественных имен для указания на большое количество вещества менее свойственно и становится возможным только для некоторых имен.

2.4.5. Имена отвлеченные

Отвлеченные (абстрактные) имена существительные называют отвлеченные понятия, свойства, качества, действия, состояния:

любовь, доброта, ловкость, близость, бег, плавание, движение;
õnn 'счастье', headus 'доброта', hirm 'страх', pimedus 'темнота', jooks 'бег'.

В русском языке значительную часть отвлеченных существительных составляют имена, мотивированные прилагательными и глаголами, образованные с помощью нулевого суффикса (*горечь, вывоз*), суффикса *-ость* (*трусость, свежесть*), *-ств(о)* (*ничтожество*), *-цин(а)/-чин(а)* (*сдельщина, туретчина*), *-изм* (*гуманизм*), *-и|j|/-стви|j|* (*радушие, спокойствие*), *-от(а)* (*доброта*), *-изн(а)* (*белизна*), *-ин(а)* (*глубина*), *-ни|j|/-ени|j|/-ти|j|* (*наказание, терпение, развитие*), *-к(а)* (*голодовка*), *-аци|j|/-еници|j|/-ици|j|/-ци|j|/-и|j|* (*стилизация, конкуренция*), *-аж* (*массаж*), *-ёж* (*платёж*) и некоторых других менее продуктивных суффиксов. К отвлеченным относятся и некоторые немотивированные слова, например: *беда, ум, страх, горе* [РГ 80: 460]. В эстонском языке большая часть отвлеченных имен имеет в своем составе суффикс *-us*, а также *-dus, -tus, -sus* (*rumalus 'глупость', vabadus 'свобода', eksitus 'заблуждение, оплошность', isikus 'индивидуальность', -lus (sponsorlus 'спонсорство')*); суффикс *-ism* (*natsionalism 'национализм'*). К отвлеченным относятся некоторые отглагольные имена с суффиксом *-mine*, которые развивают абстрактные значения (*vihkamine 'ненависть', liikumine 'движение'*) К отвлеченным относятся некоторые немотивированные имена, например: *rahu 'мир', rõõm 'радость', viha 'гнев', usk 'вера', tõde 'истина'*.

Отвлеченные существительные обычно не употребляются в форме мн. ч., только имена, которые способны передавать не только отвлеченные качества и свойства, состояния и действия, но и конкретные их проявления, могут употребляться в форме мн. ч.: *боли, муки, печали, радости; valud 'боли', rõõmid 'радости', hirmud 'страхи'*.

Формы мн. ч. отвлеченных существительных передают количественные характеристики свойств, качеств, состояний и действий, если эти свойства,

качества, состояния и действия начинают мыслиться как дискретные. Однако, если сравнивать с вещественными именами, которые получают в форме мн. ч. видовое значение, т. е. значение «субстанция с другими характеристиками», то в случае с отвлеченными именами речь идет скорее о повторяющихся, разнесенных во времени ситуациях, проявлениях качеств, свойств:

(34) Я покачиваюсь на задней площадке, трясусь... вместе со всеми своими **радостями**, и раздумьями, и **печальями**... (Окуджава)

(35) See on tunne, mis kogu naiseelu täidab, kõik selle varjundid, **sümpaatiad** (PL.NOM) ja **antipaatiad** (PL.NOM), kohused, ohvid, **kannatused** (PL.NOM), **lõbud** (PL.NOM) ja **rõõmud** (PL.NOM) ja **kurbused** (PL.NOM), kogu selle sisu moodustab. (Lehte Hainsalu)

Это чувство, которое заполняет всю женскую жизнь, все ее оттенки, **симпатии** и **антипатии**, обязательства, жертвы, **терпение**, **забавы**, и **радости** и **печали**, составляет все ее содержание.

Следовательно, в формах мн. ч. вещественных имен актуализируются (1) значения качества субстанции и числовая форма указывает на множество качественно разнородных субстанций (*вина – veinid*), либо (2) значения большого количества (*нески – liivad*); в формах мн. ч. отвлеченных имен актуализируется значение множественности проявления качества.

Таким образом, «семантика имен существительных, как и других классов слов, — факт не только словаря, но и грамматики» [Золотова 1971: 89].

2.5. Формы единственного числа

Основное значение форм ед. ч. — выражение единичности в противопоставлении множественности. Ед. ч. как член морфологического противопоставления форма ед. ч. – форма мн. ч. обозначает, что референт представлен в количестве, равном одному: *книга, окно; учитель, девочка* [РГ 80: 470]. Русская грамматика выделяет противопоставленность форм в зависимости от референциальной характеристики имени. Формы ед. ч. могут обозначать а) соотнесенность с реальной единичностью, и б) отсутствие такой соотнесенности, т. е. употребление в обобщенно-собирательном значении:

(36) На севере диком стоит одиноко На голой вершине **сосна**. (М. Лермонтов)

(37) В нашем лесу растет только **сосна**, а **береза** не растет.

Мужчина нынче балованный, глупый, вольнодумствующий. (А. Чехов)

Формы ед. ч. в обобщенно-собирательном значении употребляются в контекстах, когда указание на количество несущественно. При этом для таких контекстов характерна информативная равнозначность форм ед. ч. и мн. ч.: *Книга — лучший подарок* и *Книги — лучший подарок*; *Пожилый человек часто простужается* и *Пожилые люди часто простужаются* [РГ 80: 470].

Способность форм ед. ч. передавать обобщенно-собирательное значение активно реализуется в газетных (и научных, научно-популярных) текстах:

- (38) **Типичный студент** в каникулы не лежит на боку, не сидит два сеанса подряд в кинотеатре: **типичный студент** едет [Там же],
- (39) Роль языка огромна, ибо именно он показывает нам, как мир членится и формируется **для человека** [Черниговская: 4].

Отсутствует соотношенность с единичностью референта и у форм ед. ч. в дистрибутивных контекстах (об этом подробнее см. главу 5.).

Значение форм ед. ч. в эстонском языке в эстонских грамматиках определяется аналогично определению в [РГ 80]: формы ед. ч. обозначают один предмет, в противопоставлении формам мн. ч., которые обозначают два (и больше) предмета [ЕКГ 1995: 61]:

- (40) Poiss tõstis **jala** (SG.GEN) ebalevalt trepiastmele ‘Мальчик неуверенно поднял **ногу** на ступеньку’
Ta surus **jalad** (PL.NOM) tugevamini vastu maad ‘Он крепче оперся **ногами** о землю’;
- (41) Võtsin **raamatu** (SG.GEN) laualt ‘Я взял **книгу** со стола’
Panin **raamatud** (PL.NOM) portfelli ‘Я положил **книги** в портфель’.

Формы ед. ч. могут передавать обобщенно-собирательное значение [Там же]:

- (42) **Hunt** (SG.NOM) ehk **Canis lupus** on suurim kiskjaline koerlaste sugukonnast. **Волк**, или **Canis lupus** — самый крупный хищник в семействе псовых.
- (43) Mari oskab juba **raamatust** (SG.EL) tähti kokku veerida.
Мари уже может **книги** читать по складам. ~ Мари уже может **книгу** читать по складам.

Есть и другие подходы к представлению категориального значения форм числа. Способность форм ед. ч. обозначать «реальную множественность» (*Боярам постригли **бороду***³⁴) и форм мн. ч. обозначать «реальную единичность» (*Он вошел в **двери***) А. В. Исаченко предлагает считать не сигнализацией реальной единичности / множественности, а «сигнализацией реальной расчлененности предмета. Если мы говорим о *зеленых листьях дерева*, то этим самым мы сигнализируем расчлененность (а не множественность) обозначаемого предмета. Формы «единственного числа», являясь формами слабого члена оппозиции, лишены положительного грамматического значения: они оставляют признак «расчлененность / нерасчлененность предмета» — невыраженным <...> Множественность — это лишь одна из форм расчлененности <...> Единичность — это лишь одна из форм нерасчлененности» [Исаченко 1965: 75]. А. В. Исаченко пытается вывести семантическое инвариантное значение числовой формы. «Именно в силу того, что форма единственного числа существительных может обозначать и не единичное, возможны такие образования: <...>

³⁴ О формах ед. ч. в дистрибутивном употреблении см. главу 5.

в наших лесах водится и медведь и олень (т. е. медведи и олени)» [Там же].³⁵ Для анализа значений числовых форм в разных языках выделения признака «расчлененность / нерасчлененность» (а также выраженность / невыраженность этого признака в числовой форме) недостаточно. Как нам представляется, для сопоставительного исследования выделение общих и частных значений числовой формы и анализ контекстов употребления форм будет более продуктивным. Для теоретического осмысления признака «расчлененность / нерасчлененность предмета», очевидно, необходимо ответить на вопрос: как этот признак соотносится с дискретным представлением денотата и сегментацией в процессе формирования связанного с денотатом понятия (см. раздел 1.1.1.), что, в свою очередь, потребует дальнейшего развития теоретического наследия А. В. Исаченко.

М. А. Шелякин противопоставляет множественности — «немножественность», под которой подразумевает количественную неразделительность: «общее значение формы ед. ч. заключается в выражении количественной неразделительности (немножественности) обозначаемого предмета, его структуры или совокупности предметов» [Шелякин 1989: 61]. Общее значение ед. ч. проявляется в частных:

- 1) Единично-считаемое значение, указывающее на единично-отдельный предмет из однородного класса предметов: *стол, человек, туфля* и т. д.
- 2) Значение уникальности предмета: *луна, солнце, земля (как планета)* и др.
- 3) Единично-индивидуализирующее значение: *Иванов, Петр* и т. д.
- 4) Видовое значение, указывающее на единицы деления родовых классов предметов в научной и др. систематике и номенклатуре: ср. *деревья – пихта, сосна, ель, дуб*.
- 5) Значение целостной недифференцированной собирательности, совокупности предметов: *студенчество, бельё, березняк, листва, мусор*.
- 6) Значение отдельного недифференцированного вещества, однородного по составу предмета: *вода, молоко, сахар, рожь, пшеница, малина, дробь* и др. (как правило, массовидных по восприятию).
- 7) Значение отдельного недифференцированного действия, качества, свойства: *красота (леса), белизна (снега), ходьба (спортсмена)* и т. п.
- 8) Дистрибутивное (распределительное) значение, указывающее на соотнесенность одного и того же единичного предмета с каждым из многих лиц: *Поднимите правую руку, а теперь — левую, поверните*

³⁵ Признак «расчлененность / нерасчлененность» предмета автор применяет для анализа большинства имен *pluralia tantum* (совмещают значение «единичного предмета» со значением «расчлененности предмета» в формах мн. ч.; признак «расчлененности» относится к внутренней «структуре» предмета), для анализа собирательных имен (реальная их «расчлененность» не выражена), но не использует в своем споре с А. А. Шахматовым о «категории вещественности» в русском языке [Исаченко 1965: 73–89].

голову, *Откройте учебник на такой-то странице* [Шелякин 1989: 61–62].

В значениях 2, 3, 5, 6, 7 приведенной схемы значений форм ед. ч. отражены семантические особенности имен отдельных лексико-грамматических групп. Например, нельзя сказать, что все имена могут реализовывать значение уникальности предмета (*луна, солнце*), скорее это значение входит в лексическое значение имен уникальных (имена *unica*). Единично-индивидуализирующее значение входит в значение ИС, значение целостной недифференцированной собирательности, совокупности предметов входит в значение имен собирательных, значение отдельного недифференцированного вещества, однородного по составу предмета входит в значение имен вещественных, значение отдельного недифференцированного действия, качества, свойства входит в значение отвлеченных имен. Именно поэтому про имена *unica*, вещественные и отвлеченные некоторые лингвисты говорят, что они стоят вне категории числа [Реформатский 1960; Есперсен 1958; ЕКГ 1995]. Значения 1, 4, 8 в перечне частных значений в [Шелякин 1989] могут передавать только конкретно-предметные имена (имена счетные). Значение 1 (единично-считаемое значение) передает количественные характеристики референта. Значение 4 (видовое значение) соответствует обобщенно-собирательному значению в [РГ 80; ЕКГ 1995] и оказывается нейтрализованным в отношении количественной характеристики референта. Значение 8, дистрибутивное (распределительное) значение, указывает не на общее количество референтов (в *собаки бежали задрав хвост* не на количество хвостов), а на количество референтов, приходящееся на каждое соотнесенное лицо / соотнесенный объект (в примере с собаками — количество хвостов, приходящееся на каждую собаку) (про дистрибутивный контекст см. подробнее главу 5.). Таким образом, формы ед. ч. указывают на единичность объекта: объект выступает в количестве одного — одного в денотативной ситуации в целом или одного в отношении дистрибутивной распределенности (один объект на одно лицо / объект).

2.6. Формы множественного числа

Мн. ч. в оппозиции «единственное — множественное» обозначает, что предмет представлен в количестве большем, чем один: *книги, окна; учителя, девочки* [РГ 80: 470]. Значение форм мн. ч. может реализовываться в двух видах:

- 1) формы мн. ч. обозначают расчлененную множественность,
- 2) формы мн. ч. обозначают совокупность предметов или лиц.

Указание на расчлененную множественность содержится прежде всего в формах мн. ч. счетных имен, имеющих конкретно-предметную референцию. Множественность такого типа является арифметической.

Указание на совокупность предметов или лиц (*обои, заросли*) представлено, например, в формах мн. ч. некоторых *pluralia tantum*. Такие совокупности не поддаются арифметическому исчислению, как нерасчлененное множество они противопоставлены расчлененному множеству считаемых объектов (*столы*). Значение совокупности, однако, может сочетаться со значением расчлененной множественности. Такое сочетание может присутствовать в формах мн. ч. существительных, называющих людей по национальности, профессии, роду занятий, выполняемой функции (*англичане, немцы, русские; журналисты, писатели, спортсмены; офицеры, солдаты, гости*); в названиях овощей, плодов (*абрикосы, помидоры; также грибы, ягоды*); в названиях парных предметов (*ботинки, сапоги, чулки*); в названиях, чаще употребляемых во мн. ч. (*волосы, кружева*) [Там же]. Такие названия фиксируются в словарях в форме мн. ч., например, *англичане, немцы* — это не просто *англичанин + англичанин + <...>* и *немец + немец + <...>*, это и название народа. Форма мн. ч. некоторых имен-совокупностей отражается в их синтаксической сочетаемости: *пойти в спортсмены, служить в солдатах* [Там же] (об этом подробнее см. п. 3.2.). Такие названия в форме мн. ч. закрепляются в устойчивых сочетаниях: *сидеть в девках, отдать в солдаты* (см. также об употреблении числовых форм в позиции обстоятельства в дистрибутивном контексте в главе 5.).

Отсутствие соотнесенности с расчлененной множественностью встречается в ситуациях, когда намеренно достигается отстранение от конкретной единичности:

- (44) В дверь просунулся Яков Узелков. — Можно? — Нельзя, — сказал Венька и, выглянув в коридор, строго отчитал постовых: зачем они пропускают **разных граждан** с улицы? — Я не с улицы! — закричал Узелков. — Я представитель прессы... — **Представители** пусть приходят утром, — сказал Венька (П. Нилин) [Там же].

М. А. Шелякин в качестве общего значения форм мн. ч. выделяет, помимо (1) выражения раздельной множественности отдельных предметов и (2) совокупности предметов, еще (3) раздельную множественность самого предмета. Это общее значение форм мн. ч. проявляется в частных:

- 1) обобщенно-множественное (собираательно-обобщенное) значение, которое указывает на всю совокупность отдельных предметов определенного класса (*Пожилые люди часто простужаются*);
- 2) неопределенно-множественное значение, которое указывает на неопределенную множественность предметов, не на весь класс предметов (*Мои книги лежат на полках*);
- 3) ограничительно-множественное значение, которое указывает на ограничительную множественность отдельных предметов в сочетании с ограничительными словами:
 - неопределенно-ограничительное (*много / мало / несколько / часть книг*),
 - определенно-ограничительное (*пять столов*),

- приблизительное (*около / свыше / больше / меньше десяти книг*),
 - ограниченно-собирательное (*студенты 1-го курса*);
- 4) значение парности
- одинаковых предметов (названия парных предметов организма, обуви, одежды: *бока, глаза; ботинки, чулки; погоны; берега, двери*);
 - предметов, имеющих парный состав (*шаровары, ножницы, перила*);
 - значение собирательной парности разных предметов (*родители как мать и отец, молодожены, супруги как муж и жена; а также Ивановы как муж и жена; скобки, инициалы*);
- 5) значение сложного (дифференцированного) состава
- конкретного предмета (*грабли, гусли, шахматы, шашки*);
 - собирательной совокупности предметов (*поры, волосы; кружева, фрукты, деньги*; названия игр: *кегли, городки*; названия кушаний: *сосиски, гренки, биточки, шпроты, галушки, пельмени; обои, мемуары, записки, заросли, дебри, спички, нитки, доспехи*; названия магазинов, отделов «*Фототовары*», «*Подарки*»);
 - названия составных веществ (*белила, дрожжи, духи, чернила*);
 - названия составных отбросов или результатов действия (*помои, очистки*);
 - названия составных отрезков времени (*средние века, шестидесятые годы, сутки, праздники, святки*);
 - а также *основы марксизма-ленинизма, начала математики, курсы повышения квалификации*;
- 6) значение сложных явлений (процессов, состояний, явлений), состоящих из ряда повторяющихся актов или разных моментов, при участии многих людей или занимающих относительно продолжительное время (*бега, гонки, выборы, роды, схватки, гастроли, дебаты, прения, похороны, проводы*);
- 7) значение большой меры проявления величины вещества, длительности состояния, действия (*воды, пески, снега, холода, морозы, ветры, дожди, боли, шумы, муки, мучения*);
- 8) качественно-дифференцирующее значение (называемое иначе сорто-различительным) (*масла, минеральные воды, табаки; освещенности, мощности*) [Шелякин 1989: 58–61].

Систему вторичных значений в [Шелякин 1989] формируют значения, возникающие по разным причинам. Значения 4 (парности), 5 (сложного состава), 6 (сложности явлений) вытекают из лексического значения имени. Значения 2 (неопределенно-множественное) и 3 (ограничительно множественное) характеризуют синтаксические единицы, эти значения возникают в количественной группе, при употреблении с квантификаторами (или кванторными словами). Значения 7 (большой меры) и 8 (качественно-дифференцирующее или сорто-различительное) возникает при сдвиге в значении слова. Значение 1 (обобщенно-множественное) противопоставлено обобщенно-собирательному (см. п. 2.5.) и возникает в контекстах, когда и обобщенно-множественное, и обобщенно-собирательное информативно

равнозначны. Несомненным преимуществом такой классификации значений, которую предлагает М. А. Шелякин, является комплексный подход, хотя в результате получается структура, элементы которой размещены «в одной плоскости», без учета различий в их грамматическом и семантическом статусе.

Функционирование форм мн. ч. в эстонском языке в эстонских грамматиках для слов не *pluralia tantum* отдельно не описывается. Мы можем попытаться восполнить этот пробел и выделить следующие значения для форм мн. ч.:

- 1) значение расчлененной множественности: *Peetril on vennad* (PL.NOM) ‘У Петра есть **братья**’ [Кюльмоя et al. 2003: 38];
- 2) обобщенно-множественное значение: *Eakad inimesed* (PL.NOM) *külmetuvad kergesti* ‘**Пожилые люди** часто простужаются’ (пример [РГ 80] и И. Кюльмоя);
- 3) формы мн. ч. в некоторых синтаксических конструкциях могут передавать значение неопределенного количества: *Siin on raamatuid* (PL.PART) ‘**Здесь есть книги**’;
- 4) формы мн. ч. в составе квантитативных и именных групп могут передавать значения:
 - неопределенного количества (*vähe inimesi* (PL.PART) ‘**мало людей**’);
 - неопределенно-ограничительного количества (*Tartu Ülikooli üliõpilased* (PL.NOM) ‘**студенты Тартуского университета**’);
 - определенного количества (*üks karp pliiatseid* (PL.PART) ‘**одна коробка карандашей**’; *kaks kilo kartuleid* (PL.PART) ‘**два килограмма картошки**’);
- 5) у слов *pluralia tantum* формы мн. ч. могут передавать значения:
 - парности предметов (*kingad* ‘**туфли, ботинки**’);
 - комплекта (*viinerid* ‘**сосиски (про порцию)**’, *veimed* ‘**дары невесты родственникам жениха**’);
 - множественности состава предмета (*käärid* ‘**ножницы**’; *helmed* ‘**бусы**’);
 - собирательной совокупности предметов (*arstmed* ‘**лечебные средства**’);
 - сложных явлений (процессов, состояний) (*voolmed* ‘**колики**’, *talgid* ‘**толока**’);
- 6) формы мн. ч. могут передавать значение видовой расчлененности (качественно-дифференцирующее значение): *Prantsusmaa veinid* ‘**вина Франции**’;
- 7) значение большого количества: *kevadised veed* ‘**весенние воды**’.

Таким образом, сравнение значений, передаваемых формами мн. ч., демонстрирует, что «в своей первичной функции категория числа тождественна в обоих языках. Употребление той или иной формы числа определяется семантикой, которую необходимо передать» [Кюльмоя et al. 2003: 45–46].

2.7. Имена с неполной парадигмой форм числа

К именам *singularia tantum* относятся имена, которые имеют формы ед. ч. и не имеют лексически тождественных им форм мн. ч. К именам *pluralia tantum* относят имена, имеющие формы мн. ч. и не имеющие формы ед. ч., в которых бы сохранялось то же лексическое значение.

А. А. Реформатский про *singularia* и *pluralia tantum* писал: «Особый вопрос представляет *pluralia* и *singularia tantum* с их отклонениями. Здесь число нейтрализовано, но парадигматически связано» [Реформатский 1987: 77].

2.7.1. Имена *singularia tantum*

Лексическое значение некоторых слов «препятствует выражению отношений «единичность – множественность» [РГ 80: 470–471]. В русском языке к именам *singularia tantum* относят существительные трех лексико-грамматических групп [Там же: 471]:

- 1) вещественные существительные, называющие то, что не поддается счету (*вода, горох, сено, шерсть*), и вещественные существительные с суф. *-ин(а), -ик(а)* (*баранина, осетрина, земляника, черника*);
- 2) собирательные существительные, мотивированные существительными или прилагательными (*детвора, агентура, листва, родня, беднота, старье*), а также немотивированные существительные (*белье, ботва*);
- 3) некоторые отвлеченные существительные, мотивированные именами и глаголами (*белизна, успеваемость*), а также некоторые немотивированные существительные (*голод, благо*).

Основные семантические группы существительных *singularia tantum* в эстонском языке:

- 1) обозначающие отвлеченные понятия (*abstraktmõisted*): *julgus* 'смелость', *vanadus* 'старость', *nälg* 'голод', *muusika* 'музыка';
- 2) обозначающие вещества (*ained*): *jahu* 'мука', *piim* 'молоко', *vesi* 'вода';
- 3) обозначающие «собирательные понятия» (*kogumõisted*): *inimkond* 'человечество', *intelligents* 'интеллигенция', *mööbel* 'мебель';
- 4) обозначающие болезни (*haigused*): *malaaria* 'малярия', *palavik* 'жар, лихорадка', *nohu* 'насморк';
- 5) обозначающие уникальные предметы, явления (*ainumõisted*): *põhi* 'север', *ida* 'восток', *minevik* 'прошлое' [ЕКГ 1995: 61].

Имена *singularia tantum* могут образовывать форму с внешними признаками мн. ч.: *солумы, грязи, воды, меди, серебра (sic!), качества, доблести, прелести, гадости* (примеры А. А. Шахматова, по [Реформатский 1987: 80–81]), именно поэтому *singularia tantum* определяют как имена с потенциально

полной парадигмой³⁶. Однако у *singularia tantum* «нормально употребляются» только формы ед. ч. [РГ 80: 471]. Тем не менее формы мн. ч. этих имен можно встретить в художественной литературе:

(45) Хватит с меня этих **отдыхов!** (И. Бунин)

Он создал тысячи диковин И может не бояться **стуж** (Пастернак) [Там же];

в текстах СМИ, рекламы, торговли, официальных политических выступлениях (подробнее см. [Муковская 2021б]):

(46) Обратили внимание на слова посла США в Колумбии о том, что они не направлены против Венесуэлы. Рады, что наши **озабоченности** были услышаны. (mid.ru)

В истории языка имена могут менять свой статус в оппозиции «исчисляемость / неисчисляемость»: существительные, которые употреблялись только в форме ед. ч., начинают активно употребляться в форме мн. ч. (подробнее см. [Костомаров 1999; Горбов 2014]). Ярким примером может служить существительное *бизнес* в русском языке, форма мн. ч. которого чрезвычайно активно стала употребляться особенно в контексте событий, связанных с распространением COVID-19:

(47) Из-за пандемии многие **бизнесы** вынуждены закрыться, экономический ущерб оценивается в миллиарды, сотни миллионов остались без работы. (Новости ООН)

Такое употребление, с одной стороны, можно объяснять влиянием английского языка, в котором существительное *business* употребляется в форме мн. ч., а с другой стороны, такое употребление несколько не противоречит системным закономерностям русского языка. Имя становится счетным, потому что оно обозначает уже не предпринимательскую деятельность, а коммерческое предприятие (как в английском языке). Такие изменения в лексическом значении слова стараются фиксировать в лексикографических источниках, но проблема полисемии слова порой оказывается довольно сложной и в условиях лексикографического бума современной эпохи не всегда находит своевременное отражение. Вещественные и отвлеченные имена *singularia tantum* в словарях часто не снабжаются специальной пометой, которая бы фиксировала их неисчисляемость (хотя несчитаемость не всегда очевидна для носителя другого языка). Исключение составляют только учебные двуязычные словари (подробнее см. [Külmoja, Mukovskaja 2021]). Потенциально возможные формы мн. ч. у *singularia tantum* можно встретить в употреблении, которое противоречит языковой норме. В некоторых случаях причиной может быть плохое владение языком, в некоторых — это результат интерференции в тексте перевода [Муковская 2020], а в некоторых — продуманная стратегия языкового манипулирования [Муковская 2021б].

³⁶ «Правда, с серебром не так легко, хотя есть и меди и олова, но до серебр грамматически дойти трудно», — замечал А. А. Реформатский [Реформатский 1960: 392].

Имена *singularia tantum* и их морфологические формы мн. ч. могут иметь лексические расхождения, которые являются регулярными:

- 1) формы мн. ч. вещественных существительных указывают на множественность видов, сортов называемых веществ (*игристые вина, вина Нового Света*; пример (32) для эстонского языка);
- 2) формы мн. ч. отвлеченных существительных указывают на множественность конкретных проявлений качеств, свойств, эмоциональных состояний (*красоты швейцарских гор, земные радости, оплошности в работе*) или множественность этапов (актов) действия (*гонки, бега*) (см. пример (35) для эстонского языка);
- 3) формы мн. ч. собирательных имен указывают на множественность «наборов» и «комплектов» собирательных совокупностей (*аппаратуры лабораторий, клавиатуры компьютеров; kahed viinerid про две порции сосисок*).

В этих случаях формы мн. ч. существительных указывают на счетное количество (числовую множественность). Формы мн. ч. некоторых вещественных и отвлеченных имен могут выражать большое количество вещества (*закован во льдах, невские воды; Ruhnu liivad (PL.NOM) laulavad (Eesti Päevaleht, 08.08.1996) 'Пески острова Рухну поют'*) или большую интенсивность состояния, явления (*сибирские морозы, муки творчества, kohutavad köhad (PL.NOM) ja nohud (PL.NOM) 'ужасный кашель и насморк', sügisudud (PL.NOM) ja lõrtsid (PL.NOM) 'осенний туман и слякоть*), т. е. большую мощность множества. Для эстонского языка формы мн. ч. встречаются довольно редко (особенно для обозначения мощности множества) и без поддержки контекста скорее интерпретируются как повторяющееся состояние (в отличие от некоторых эстонских *pluralia tantum*, обозначающих интенсивное проявление состояния, явления; см. п. 2.7.2.).

2.7.2. Имена *pluralia tantum*

В русском языке в числе имен *pluralia tantum* можно выделить существительные следующих лексико-грамматических групп:

- 1) предметные имена (*санки, брюки*),
- 2) ИС (*Черемушки, Сокольники, Афины, Великие Луки, Альпы, Карпаты, Соловки, Дарданеллы; созвездия — Близнецы, Весы, Плеяды*),
- 3) отвлеченные имена (*угрызения, сантименты*),
- 4) вещественные имена (*чернила, духи*),
- 5) собирательные имена (*финансы, джунгли*).

Уже давно при анализе *pluralia tantum* лингвисты выделяют таксономические классы слов [Ляшевская 2004], правда, иногда таксономическим классам «присваивается» уровень такого же порядка, что и лексико-грамматическим группам. Например, в [Панова 2010: 96] классификация *pluralia tantum* представлена следующим образом. К *pluralia tantum* относятся некоторые (1) ИС, (2) вещественные, (3) абстрактные субстантивы, (4) группа существительных, близких по семантике к собирательным, но отличающихся

от них формой числа (*деньги*) и (*родные*), (5) некоторые конкретные существительные с категориальным значением расчлененного множества объектов (*ребята*), (6) несколько «парных» личных субстантивов (*родители*), (7) существительные типа *ножницы*, а также типа *легкие, жабры*. Таким образом, распределение по семи группам построено по параметрам сразу нескольких уровней: ИС / нарицательные; среди нарицательных: вещественные / абстрактные / конкретные / собирательные, среди конкретных: с категориальным значением «расчлененного множества объектов» / «парные личные» субстантивы / конкретные, исчисляемые имена, состоящие из нескольких (обычно двух) структурных элементов. Такое деление говорит о попытке автора учитывать и лексико-грамматические разряды, и таксономические классы. В [РГ 80: 472] таксономические классы (всего пять классов) приведены отдельным списком.

В [Пярн 1984] была впервые сделана попытка дать подробное сопоставительное описание имен *pluralia tantum* в русском и эстонском языках. Более того, сама автор указывает: «Категория числа в эстонском языке углубленному изучению не подвергалась. В грамматиках эстонского языка лишь перечисляются отдельные лексико-семантические группы слов *singularia* и *pluralia tantum*. Имеется ряд статей, касающихся отдельных проблем категории числа...» [Там же: 34]. На тот момент автор смогла назвать три работы [Alvre 1962; Tiits 1982; Valmet 1975], в которых рассматривались *pluralia tantum* в эстонском языке. Как имена *pluralia tantum* в работе Х. Пярн «рассматриваются существительные, которые не выражают числовой оппозиции и употребляются только или преимущественно во множественном числе» [Пярн 1984: 34]. Материал русского языка был собран автором из словарей русского языка (не были названы), в «определении плюральности» автор следовал «Грамматическому словарю» А. А. Зализняка [Зализняк 1977]. Материал эстонского языка был собран из ортологического словаря (ÕS 1976) и тематического словаря эстонского языка А. Сааресте [Пярн 1984]. Общее количество привлеченных для анализа имен с конкретно-предметным значением составило в русском языке 280 слов, в эстонском языке 390 слов. Отобранные имена были распределены по следующим группам:

- 1) Названия сложных и парных предметов (самая многочисленная группа, как в эстонском, так и в русском языке, по замечанию автора):
 - а) существительные, обозначающие орудия труда, механические устройства и приспособления, а также спортивные принадлежности (примерно 63 слова; 30 случаев совпадений в области грамматического оформления слова в эстонском и русском языках *шоры* – *sorirakmed, sorid*; *очки* – *prillid*). Имена, обозначающие спортивные принадлежности, имеют как форму ед. ч., так и форму мн. ч., но «номинативную функцию несет форма множественного числа» [Там же: 35] *лыжа, лыжи* – *suusk, suusad*; *гантель, гантели* – *hantel* (в разговорном языке *hantlid*), *коньки* – *uisik, uisud*;

- б) существительные, обозначающие сооружения, строения и их отдельные части (около 28 имен: *антресоли, сени, сходни; kata-kombid* ‘катакомбы’, *tellingud* ‘леса’, *varemed* ‘руины’);
- в) существительные, обозначающие средства передвижения и их части (около 20 слов), значительная часть которых является либо устаревшими (*козлы, занятки*), либо областными (*подрезни, роспуски; reed* ‘сани’, *saanid*³⁷ ‘сани’);
- г) существительные, обозначающие музыкальные инструменты (около 10 русских имен: *гусли*). В эстонском языке им соответствуют имена, имеющие формы ед. ч.: *kannel* ‘каннель’, *simbel* ‘цимбалы’, хотя некоторые имена тяготеют к большей употребительности форм мн. ч.: *taldrikud* ‘тарелки’, *kõlinad* ‘бубенцы’, *kõliskid* ‘колокольчики’, *kuljused* ‘бубенцы’, *kellad* ‘бубенцы’, *timpanid* ‘литавры’.
- 2) Названия обуви (около 60 русских существительных, значительная часть которых относится к стилистически окрашенным пластам лексики: *баретки, кенги, коты, опорки; adidased* ‘адидасы’, *botased* ‘кроссовки’, *lämbad* ‘баишаки’, *tohlud* ‘чоботы’). Заголовочное слово в словаре обычно дается в форме ед. ч.
- 3) Названия одежды, принадлежностей одежды и украшений (около 60 слов):
- а) существительные, обозначающие парные предметы одежды (*онучи, гетры; sukadsokid* ‘носки’). Существительные этой группы «не имеют номинативной нагрузки той степени, которая свойственна формам множественного числа» названий обуви (ср. представление в словаре: туфли — род обуви <...> и перчатка — изделие из ткани <...>) [Там же: 39–40];
- б) существительные, обозначающие предметы одежды, которые составляют одно целое (*брюки, штаны*³⁸);
- в) существительные, обозначающие принадлежности одежды и украшения (*четки, бусы, кружева; palvehelmed* ‘четки’, *helmed* ‘бусы’, *pitsid* ‘кружева’; парные *аксельбанты, эполеты, погоны, леи*). Существительные этой группы имеют значение собирательности.
- 4) Названия органов, частей тела человека и животного (около 42 слов). Не относятся к категории слов *pluralia tantum* (имеют формы единственного числа, значение которых «один из пары однородных предметов»). Форма мн. ч. призвана выражать общее понятие о составном органе тела. В словарях такие имена представлены непоследовательно: заголовочные слова *бакенбарды, усы* даны во мн. ч., а *миндалины, бровь* — в единственном).

³⁷ Именно для этих имен можно утверждать, что они употребляются в формах ед. ч.: *rege rauta suvel* ‘готовь сани летом’, *talvel sõidame saaniga kirikusse* ‘зимой едем на санях в церковь’.

³⁸ В эстонском языке можно привести примеры: *püksid* ‘брюки’, *säärevarjud* ‘портки’ (Л. М.).

Выделение групп в классификации Х. Пярн очевидно преследует целью выявить закономерности в числовом оформлении предметных имен. Об этом говорит и основной вывод исследования: «Наибольшее количество совпадений в области числового оформления слова в русском и эстонском языках обнаружилось там, где форма множественного числа представлялась мотивированной, т. е. предмет, обозначаемый словом в форме множественного числа, воспринимается как состоящий из двух или более частей (напр., *ножницы*, *штаны* и др.). Расхождения же объясняются часто немотивированностью формы множественного числа» [Там же: 43].

В статье М. Тийтс [Tiits 1983] не ставится целью сопоставительный анализ имен *pluralia tantum* в эстонском и в каком-либо другом языке, тем не менее, в ней содержится ряд интересных наблюдений именно сопоставительного характера для пар языков эстонский — русский и эстонский — финский; к тому же автор использует для теоретического осмысления эстонского материала подходы А. А. Зализняка [Зализняк 2002] и Р. Инго [Ingo 1978]. Например, М. Тийтс, рассуждая о законах аналогии в языке и о появлении слов с дефектной парадигмой, приводит примеры слов типа *pühkmed* ‘сметки, сор’, которые в большом количестве встречаются в [ÕS] и имеют продуктивную словообразовательную модель:

saagmed ‘опилки’, *sõelmed* ‘высевки’, *piirmed* ‘стружка при сверлении’,
ihkmed ‘стружка при обточке’, *hõõrmed* ‘крошки, стружка при трении’,
kraasmed ‘оскребки’, *turdmed* ‘крошки, обломки’.

У всех этих слов отсутствуют формы ед. ч. Эти слова возникли в эстонском языке, пишет автор, относительно недавно и были созданы по модели: *pühkima* : *pühkmed* = *saagima* : *x*; *x* = *saagmed*. М. Тийтс предполагает, что эти слова возникли в эстонском языке по аналогии со словообразовательной моделью русского языка, используемой при образовании слов со значением *отходы* — *опилки* (*saepuru*), *высевки* (*sõelmed*), *отрезки* (*lõikmed*). Эта модель является активной в языке, она применяется для образования новых слов, которые не вошли в [ÕS], но встречаются в литературе, например: *kraarmed* ‘оскребки’³⁹ [Tiits 1983: 359]. Мы можем упомянуть, что такая модель используется также, например, в английском языке. Ср. отглагольные имена англ. *shavings*, *leavings*, *sweepings*. Аналогию можно усмотреть и в истории возникновения слова *teksad*, которое употребляется во мн. ч. и входит в одно семантическое поле со словом *püksid* ‘брюки’. Можно сразу заметить, что в нашей коллекции *pluralia tantum* эстонского языка все имена, называющие «разные виды» брюк — *pluralia tantum*. Другой пример М. Тийтс того, что второй язык может выступить как основа аналогии: существительные *saturnaalid* ‘самурналии’ и *komiitsid* ‘комициии’ в своей плюральности взяли за образец латинские *pluralia tantum* *saturnalia* и *comitia*. Плюральность этих слов хорошо встраивается в систему эстонского языка, в котором имеется целый ряд *pluralia tantum* для

³⁹ Существительное *kraarmed* уже включено в онлайн-версию [EVS].

обозначения *собраний народа и праздников* [Там же]. Мы можем сказать, что выбор формы мн. ч. для названия больших праздников, обрядов, ритуалов, вообще событий с большим числом участников, либо длительных, многоэтапных событий, характерен не только для эстонского языка (*kärajad* 'народное собрание у древних эстов', др. примеры см. далее)⁴⁰, но и для русского языка: *похороны, поминки, выборы*. Если сравнивать эстонский и финский языки, то заметно, что в финском языке имен *pluralia tantum* больше и словообразовательные модели мотивированных *pluralia tantum* до сих пор реализуются в языке (особенно в группе *собрания людей и праздники*), а тенденция к выбору форм мн. ч. наблюдается и в заимствованных словах (в факультативных *pluralia tantum*): *karnevaalit, festivaalit* [Там же: 363; Palo 2002].

Лексико-семантические группы, выделяемые М. Тийтс [Tiits 1983: 362–363]:

- 1) Объекты, состоящие из двух или более частей:
 - а) инструменты, оборудование, предметы (*käärid* 'ножницы'),
 - б) предметы одежды (*püksid* 'брюки', *käised* 'блузка-кяйсед', *abud* 'короткий корсаж, элемент национального костюма'),
 - в) части тела (*niuded* 'бедрa', *vuntsid* 'усы'),
 - г) украшения, подарки (*malid* 'оловянные бляшки (украшения)', *rõhud* 'набедренные цепочки-подвески', *tinulised* 'оловянные бляшки (украшения)', *pöörmed* 'рельефные украшения на корешке книги', *veimed* 'дары невесты родственникам жениха').
- 2) Собрания людей, праздники (*kärajad* 'народное собрание у древних эстов').
- 3) Болезни, боли (*leetrid* 'корь').
- 4) Вещества, отходы (*heitmed* 'отбросы').
- 5) Группы людей и животных (*kolmikud* 'тройня', *otaksed* 'близкие родственники').

Если Х. Пярн ставила своей задачей рассмотреть только часть имен *pluralia tantum* (имена, обозначающие «предметные объекты»), то М. Тийтс включила также имена, обозначающие одушевленные «объекты» (лица и животные), имена абстрактные и предикатные (собрания и праздники, болезни и боли) и вещественные имена. М. Тийтс также, как и Х. Пярн, стремится объяснить форму мн. ч. (там, где это возможно) мотивированностью. М. Тийтс указывает, что все приведенные в ее исследовании примеры (предметы) представляют собой объекты, которые можно тем или иным образом расчлениить (*liigendada*). Особенно это очевидно в случае имен первой, четвертой и пятой группы. В третью группу входят названия таких болезней, одним из симптомов которых является сыпь, например, *leetrid* 'корь', *sarlakid* 'скарлатина', *punetised* 'краснуха', *rõiged* 'оспа'. Сыпь или высыпания («состоящие из множества пятен») могли быть причиной выбора формы мн. ч. при номинации. Вместе с этим формы мн. ч.

⁴⁰ Примеры в финском языке см. [Ingo 1978: 60–84]; см. также [Ariste 1979].

встречаются и при назывании болевых состояний (*koolikud* 'колики', *voolmed* 'колики', *tuhud* '(родовые) схватки'), в которых мн. ч. указывает, очевидно, на длительность боли и ее интенсивность [Там же: 362].

В сопоставительных исследованиях плюралных форм для анализа берутся либо (1), либо (2):

- 1) только «идеальные» *pluralia tantum* (формы ед. ч. не употребляются) и имена, которые употребляются «в основном» в формах мн. ч.,
- 2) к именам (1) добавлены также имена, которые «как правило, обычно» употребляются в формах мн. ч.

При этом, скорее всего, исследователи полагаются на лексикографическое описание имен или на свою языковую интуицию⁴¹. Второй подход применяется в большинстве исследований; как пишет Х. Пярн, такой «широкий охват всех форм плюральности» избирается для того, чтобы «более четко выявить общие тенденции развития данной категории слов» [Пярн 1984: 34]. При сопоставительном описании *pluralia tantum* в разных языках стоит принимать во внимание изменения, происходящие в языке с течением времени (диахронический аспект)⁴²: *антресоли* (ранее *антресоль* : *антресоли*); а также стилистические особенности употребления (например, в научном стиле *позвоночные*, *зонтичные*; в сниженно-разговорном *зенки*, *ходули*; в поэтическом *очи*, *ланиты*). О сомнениях, которые могут быть высказаны в отношении группы 2 (и 1) в классификации дефектных парадигм М. Тийтс, см. далее в п. 3.1. Х. Пярн, предлагая семантическую классификацию материала двух языков одновременно, оказывается перед сложной задачей: выделить общие группы (релевантные для каждого из языков) и группы, потенциально применимые для двух языков (при этом имена одного языка входят в группу на правах *pluralia tantum*, а имена другого языка могут иметь тенденцию к употреблению в основном в формах мн. ч.). В итоге (почему-то) получилась классификация, которая не включает все классы имен *pluralia tantum* ни в русском, ни в эстонском языках.

Мы выделяем следующие ниже группы имен *pluralia tantum*. Выделение групп условно, так как некоторые имена могут быть отнесены одновременно в несколько групп; некоторые предметы одежды, например, представляют собой объекты из двух частей и входят в группу двусоставных объектов, некоторые сооружения, конструкции могут обозначать пространства. Мы старались при отнесении имени в ту или иную группу ориентироваться на дефиниции в словаре, так, если *мостки* — *это сооружение...*, то имя попадает в группу «сложные объекты», если *блага* — *совокупность*

⁴¹ А имена *singularia tantum* вообще чрезвычайно редко снабжаются в словарях специальной пометой (если это не учебный словарь). Среди онлайн-словарей эстонского языка такую грамматическую информацию можно было до недавнего времени почерпнуть только в [PSV], но теперь (11.09.2021) этой возможности, к нашему сожалению, нет.

⁴² В языке наблюдается тенденция к увеличению количества лексикализованных форм мн. ч. типа *лесоматериалы*, *стройматериалы* [Чельцова 1977; Пярн 1984: 31].

предметов, услуг... то это имя было отнесено в совокупности объектов. Не рассматриваются здесь: термины зоологии, биологии, ботаники, физиологии, геологии, химии, физики, медицины, астрономии. Не включены лексемы, обозначающие национальности и (традиционно) представленные в словаре в форме мн. ч., но у которых возможна форма ед. ч. (*venelased* 'русские'). Включены лексемы, обозначающие племена (*veneedid* 'венеты').

1) Объекты, состоящие из двух или более частей:

а) инструменты, приспособления, состоящие из двух частей:

антифоны, брусья, вальцы, весы, вилы, ворота, врата, качели, клещи, козлы, круглогубцы, кусачки, ножницы, ножны, носилки, острогубцы, очки, пастатижи, перила, плоскогубцы, плоскозубцы, путы, пяльцы, тиски, удила, узды, узы, шведки, шоры, щипцы, ясли; дровни, дроги, дрожки, нарты, подсанки, пошевни, розвальни, роспуски, салазки, сани (аэросани, мотосани), санки, саночки, финки; бразды;

kaelkoogud 'коромысло', *kangaspuud* 'ткацкий станок', *käärid* 'ножницы' (*oksa-käärid* 'секатор', *rätsepakäärid* 'портновские ножницы', *tahikäärid* 'футильные ножницы', *traadikäärid* 'ножницы для (резки) проволоки'), *loogused* (*kandvahend*) 'розвины', *pihid* 'клещи, тиски', *prillid* 'очки' (*polaroidprillid* 'поляризованные очки', *plussprillid* 'очки с положительными линзами', *päikeseprillid* 'солнечные очки', *näpitsprillid* 'пенсне', *prilliraamid* 'оправа для очков', *propüleed* 'пропилеи', *päitsed* 'узды', *raejalad* 'козлы', *rangid* 'хомут', *ranitsarihtad* 'ранцевые ремни', *rööbaspuud* '(гимнастические) брусья', *searangid* 'розатка (для свиней)', *silmaklaasid* 'очки', *soakaaned* 'батаны (набилки — Л. М.)', *sorid* 'шоры', *sorirakmed* 'шоры', *suitsed* 'удила; узды', *suurauad* 'треньзель', *tangid* 'щипцы' (*augutangid* 'пробивные клещи', *komposteertangid* 'дыропробивные клещи', *pähklitangid* 'щипцы для орехов', *kruustangid* 'тиски', *montööritangid* 'электромонтерские плоскогубцы', *näpitstangid* 'щипцы', *räsamistangid* 'разводные щипцы', *sünnitustangid* 'акушерские щипцы', *tuletangid* 'щипцы', *voolutangid* 'токовые клещи', *teljed* 'ткацкий станок', *kangasteljed* 'ткацкий станок', *voolmed* (*voolimisriist*) 'скобель'; а также *peremeheohjad* 'возжжи (находящиеся) в руках хозяина';

б) сложные объекты:

грабельки, грабли, куранты, латы, леса, мостки, нары, подмостки, полаты, пропилеи, ростры, соты, счёты, тали, ходики, часы (радиочасы), четки;

hobuseriistad 'сбруя, упряжь', *kõlad* 'кружки для изготовления поясов', *rakmed* 'сбруя', *ridaõnged* 'перемёт', *riimid* 'деревянный календарь', (*hobuse*)*riistad* 'сбруя, упряжь', *sirvilauad* 'календарь на дощечках', *tellingud* 'леса, подмостки', *tulused* 'кресальные орудия', *valjad* 'узды'; *palvehelmed* 'четки'.

2) Предметы одежды, украшения:

бананы, бермуды, бриджи, брюки, брючата, вельветы, джинсы, исподники, кальсоны, колготки, краги, леггинсы, лосины, панталоны, плавки, подштанники, портки, порты, рейтузы, слаксы, техасы, треники, тренинги, трусики, трусы, чикчиры, шаровары, шорты, штаны; леи, помочи; бармы, бочки, брыжи, бусы, махры, трикони, фижмы;

abud 'короткий корсаж, элемент национального костюма', *bikiinid* 'бикини', *džiinid* 'джинсы', *kaatsad* 'штаны, портки', *kalifeed* 'калифе', *käised* 'блузка-кяйсед', *pantaloonid* 'панталоны', *püksid* 'брюки', *aluspüksid* 'кальсоны', *kalifeepüksid* 'галифе', *karupüksid* 'шерстяные рейтумы', *kintspüksid* 'короткие штаны', *kottpüksid* 'шаровары', *pidžaatarpüksid* 'нижамные штаны', *pihikpüksid* 'полукомбинезон', *rõlvpüksid* 'брюки гольф', *ratsapüksid* 'бриджу', *vatipüksid* 'ватные штаны', *viigipüksid* 'брюки со стрелками', *vormipüksid* 'форменные брюки', *sipurpüksid* 'ползунки', *siputuspüksid* 'ползунки', *sukkpüksid* 'колготки', *supelpüksid* 'купальные трусики, плавки', *treeningupüksid* 'треники', *püksikud* 'трусы', *reiud* 'рейтумы', *retuused* 'рейтумы', *šarovarid* 'шаровары', *šortsid* 'шорты', *sipukad* 'ползунки', *susped* 'плавки', *säärevarjud* 'штаны', *teksad* 'джинсы', *teksased* 'джинсы', *trussikud* 'трусики', *tunked* 'полукомбинезон', *viplid* (*napid aluspüksid*) 'трусы', *lõkad* 'воротничок лютеранского пастора', *ragunid* 'погоны', *püksitraksid* 'подтяжки', *suririided* 'одежда для умершего', *surirõivad* 'одежда для умершего'; *krõllid* 'серебряные бусы', *malid* 'оловянные бляшки', *põõrted* 'полиграфические бинты', *rõhud* 'набедренные цепочки-подвески', *tinulised* 'оловянные бляхи', *vaselised* 'бронзовые пронизки'.

3) Обувь, приспособления для обуви:

бегунки, болотники, говнодавы, кеды, кирзачи, мокроступы, полусапожки, снегурки, снегурочки, кандалы, оковы;

iilusid 'фигурные коньки', *kiirusid* 'беговые коньки', *jooksukingad* 'беговые туфли', *ševrookingad* 'шевровые туфли', *liurauad* 'коньки', *pantsid* 'хоккейные коньки', *toasussid* 'комнатные тапочки', *ronimisrauad* '(монтерские) когти, кошки', *ronirauad* '(монтерские) когти, кошки', *soorajad* 'лыжи-ракетки, снегоступы', *jäärauad* 'подковы на шипах', *radinad* 'деревянные подошвы с крючьями для ходьбы по льду', *slaalomisuusad* 'лыжи для слалома'; а также *seitsmepeniikoortasaarad* 'семимильные сапоги'.

4) Части тела:

барашки, волосы, космы, кости, кудерьки, кудри, кудряшки, лохмы, мордасы, мощи, останки, патлы, поджилки, телеса, кудельки, поры; а также жабры, легкие, усики, уста; а также мурашки, цыпки, микитки (ударить под микитки);

androgeenid 'андрогены', *niuded* 'бёдра', *poised* 'усики'(у рыб), *päädikud* 'голова и ноги зарезанного животного', *püsilokid* 'перманент', *seedenäärmed* 'щитовидные железы', *siidjuuksed* 'шелковистые волосы', *suised* 'ротовые части у насекомых', *säbarjuuksed* 'кудрявые волосы', *vuntsid* 'усы', *vurrud* 'усы'; а также *luud-kondid* 'кости', *luud-liikmed* 'кости', *suud-silmad* 'глаза и уши'; а также *kuresaarad* 'цыпки'.

5) Музыкальные инструменты:

гусли, клавикорды, самогуды, цимбалы.

6) Совокупности предметов, изделия:

дрова; бебехи, веички, дезидераты, запчасты, консервы, лакоокраски, медикаменты, метизы, обои (фотообои), пожитки, причиндалы; а также -материалы (лесоматериалы, стройматериалы), -поставки (зернопоставки), припасы (боеприпасы, огнеприпасы), -продукты (нефтепродукты), -средства (плав-

средства), -товары (канцтовары, культтовары, продтовары, промтовары, спорттовары, хозтовары); а также координаты, термобигуди, блага; а также сантименты, чары;

arstmed 'лечебные средства', *gaatriid* 'обязка оконных переплетов', *varad* 'рейлинги бортов корабля', *veimed* 'дары невесты родственникам жениха'; а также *aktikaaned* 'панка', *ristkoordinaadid* 'прямоугольные координаты'; а также *reaalid* 'реалии'.

7) Растения, части растений:

барашки (цветочные серёжки ивовых растений), *всходы*, *заросли*, *зеленя*;

juurviljapealsed 'ботва', *naeripealsed* 'ботва репы', *puuviljakultuurid* 'плодовые культуры', *riisiõled* 'рисовая соломка'.

8) Денежные и финансовые средства:

авуары, *алименты*, *ассигнации*, *ассигнования*, *боевые*, *гроши*, *деньги*, *затраты*, *ресурсозатраты*, *издержки*, *отпускные*, *подорожные*, *подъёмные*, *премиальные*, *прогоны*, *простойные*, *протори*, *проценты*, *расходы*, *орграсходы*, *северные*, *суточные*, *финансы*, *чаевые*; а также *бумаги*, *бабки*, *баки*, *башилы*, *башины*, *деньжата*, *деньжишки*, *деньжонки*, *тити-мити*; а также *теплоресурсы*, *энергозатраты*;

alimendid 'алименты', *finantsid* 'финансы', *-kulud* 'затраты' (*korrashoiukulud* 'эксплуатационные расходы', *majanduskulud* 'хозяйственные расходы', *matusekulud* 'расходы на похороны', *pidamiskulud* 'затраты на содержание', *postikulud* 'почтовые расходы', *reklaamikulud* 'расходы на рекламу', *remondikulud* 'расходы на ремонт', *tootmiskulud* 'производственных затрат', *transpordikulud* 'транспортные расходы', *trüükikulud* 'типографские расходы', *veokulud* 'транспортные расходы', *õppekulud* 'расходы на обучение', *ülaõpidamiskulud* 'расходы на содержание', *üldkulud* 'общие расходы'), *-maksud* 'платежи' (*sisseveotaksud* 'импортные платежи'); *-kopikad* 'копейки' (*näljakopikad* 'гроши', *sandikopikad* 'гроши').

9) Сведения, знания:

азы, *верхи*, *верхушки*, *вершки*, *данные*, *разведанные*, *начатки*, *оргвыводы*; *верования*; *бредни*, *враки*, *закрутасы*, *кривотолки*, *разнотолоки*, *рассказни*, *словеса*, *турусы*;

aabitsateadmised 'азбучные знания, азы', *andmed* 'данные' (*ilmumisandmed* 'выходные данные', *rdõvnetisandmed* 'родословная', *sisendandmed* 'входные данные', *uurimisandmed* 'данные исследования', *väljastamisandmed* 'выпускные данные', *väljundandmed* 'выходные данные'), *arusaamad* 'представления', *teatmed* 'сведения'; а также *ussisõnad* 'заклинания'; а также *ilmatärgid* 'знаки природы, приметы природы', *piimatärgid* 'признаки молочности, признаки молочной продуктивности'.

10) Записи и письменные знаки:

анналы, *арабески*, *бумаги*, *ведомости*, *вириши*, *мемуары*, *ноты*, *пандекты*, *письмена*, *пролегомены*, *руны*, *святцы*, *слова*, *упанишады*; *каляки-маляки*, *каракули*, *разводы*;

alidiinid 'альдины', *annaalid* 'анналы', *käsulauad* 'скрижали', *metuaarid* 'ме-муары', *peimad* 'невмы', *räevikumärkmed* 'дневниковые записи', *vedad* 'веды', *veedad* 'веды'; *ristsõnad* 'кроссворд'; *hanejalad* 'кавычки', *jutumärgid* 'кавычки', *mõttepunktid* 'многоточие'.

11) Пространства:

дэбри, джунгли, залежи, места (на местах), недра, неудобья, пампасы, рилли, севера, солонцы, солончаки, соцстраны, субтропики, тартарары, торфораз-работки, тропики, шхеры, задворки, запятки, сени, сенцы, термы, хоромы, хоры, шканцы; пенаты;

linnakivid 'городские камни', *märgalad* 'водно-болотные уголья', *termid* 'термы'.

12) Собрания людей, праздники, события, действия, ситуации, «позы»:

богородичны, дожинки, зажинки, именины, крестины, октябрины, поминки, похороны, родины, русалии, святки, смотрины, сороковины, сорочины; амурь, аплодисменты, баясы, бега, беспорядки, блудни, выборы, довыборы, пере-выборы, выкрутасы, дебаты, ковы, козни, контры, кривотолки, нападки, не-лады, отговоры, переговоры, перекоры, пересуды, побегушки, побои, поседки, потягушки, почести, прелиминарии, прения, проводы, происки, регулы, роды, сборы, хлопоты, шашины; а также фигли-мигли, хухры-мухры, шуры-муры, тары-бары, тары да бары, тары-бары-растабары; а также карачки, корточ-ки, четвереньки;

dioniüsiad 'дионисии', *joodud* 'пирушка', *jõulud* 'рождество', *kihlad* 'помоль-ка', *kosjad* 'сватовство', *kroonimispidustused* 'коронационные торжества', *mereristsed* 'морское крещение', *nelipühad* 'троица', *näärid* 'Новый год', *oktoobripühad* 'октябрьские праздники', *ordaalid* 'ордалии', *peied* 'поминки', *pulmad* 'свадьба', *ristjatsed* 'крестины', *ristsed* 'крестины', *suvised* 'Троица', *titevarbad* 'родины', *tuleristsed* 'первое испытание', *varrud* 'крестины', *vastlad* 'масленица'; *vastlakombed* 'масленичные обряды'; *meetmed* 'меры' (*ohutus-meetmed* 'меры безопасности'); *istjad* 'посиделки', *istjatsed* 'посиделки', *kartuli-mässud* 'картофельные бунты', *kärajad* 'народное собрание у древних эстов', *sisseastumiskatsed* 'вступительные испытания', *talgud* 'толока', *õringud* 'учеба', *ülalistumised* 'посиделки, супрядки'; *ilmaasjad* 'мирские дела, мировые проблемы'.

13) Болезни, боли:

колики, роды; болячки (= болезни);

koolikud 'колики', *kõrvetised* 'изжога', *leetrid* 'корь', *ripetised* 'краснуха', *rõu-geed* 'оспа', *sarlakid* 'скарлатина', *silmatarjad* 'трахома', *sügelised* 'чесотка', *tiirud* 'колики', *voolmed* 'колики'; *sünnitusvalud* 'родовые схватки', *sünnivalud* 'родовые боли', *süüteriinad* 'угрызения совести', *tuhid* 'схватки', *väitused* 'родовые потуги'; а также *taskuhuvid* 'страсть к деньгам'.

14) Спорт, игры, наборы для игр:

бабки (= игра), бега, блошки, гонки, горелки, городки, догонялки, жмурки, кар-тишки, кегли, ладушки, мотогонки, нарды, поддавки, пряталки, прятки, са-жёнки, салки, шахматы, шашки, триошашки; буби, бубны, вини;

jalgeringid 'круги ногами', *kangiharjutused* 'упражнения на перекладине', *kiiruisutamisvõistlused* 'соревнования по скоростному бегу на коньках', *-mängud* (*olümpiamängud* 'олимпийские игры', *paraolümpiamängud* 'параолимпийские игры', *rüütiämängud* 'нифийские игры', *rüütlimängud* 'рыцарский турнир', *suve-mängud* 'летние игры'), *slaalotivõistlused* 'соревнования по слалому'.

15) Вещества, отходы, запахи, звуки:

бели, белила, духи, молоко, сливки, слюни, чернила; румяна; ароматы, благовония, миазмы; верха; дрожжи; брызги, хлопья; выварки, выгребки, выжимки, выпарки, высевки, лохмотья, обноски, обойки, обрезки, опивки, опилки, ополоски, останки, отрѐпки, отруби, отсевики, оттопки, очистки, подгрѐбки, подонки, помои, последки, промстоки, развалины, руины, смѐтки;

silmatilgad 'глазные капли'; *fekaalid* 'фекалии', *heitmed* 'отбросы', *hõõrmed* 'крошки', *ihkmed* 'стружка при обточке', *jäätmед* 'отходы' (*pressimisjäätmед* 'выжимки', *raiejäätmed* 'лесосечные отходы'), *lendmed* 'сбросы'; *lipid-lapid* 'лоскутья', *lõikmed* 'обрезки', *näpped* 'рвань', *päramised* 'послед', *pühakusäilmed* 'святые мощи', *pühkmed* 'мусор', *püksinärud* 'изношенные брюки', *raidmed* 'лесосечные отходы', *rapped* 'отбросы', *riismед* 'обломки' (*heinariismед* 'подребное сено', *jõuriismед* 'остатки сил', *ueneriismед* 'остатки сна', *väeriismед* 'охвостье'), *saagmed* 'опилки', *sugetakud* 'очески', *sõelmed* 'высевки'; *triivtakud* 'накля для конопачения', *uhtmed* 'наносы', *viilmed* 'опилки'.

16) Еда, продукты:

вкусоности, заготовки, продукты, мясопродукты, субпродукты, разносолы, свинокочености, сладости, сухофрукты; бычки, макароны, отруби, пикули, потрошки, почки, спагетти, хрустики, чипсы; блины, кнели, купаты, манты, презервы, пресервы, тефтели, харчи, *щи*⁴³;

seajalad 'свиные ножки', *subproduktid* 'субпродукты', *supikondid* 'суповой набор'; *hirsitangud* 'пшено', *kartulikrõpsud* 'картофельные чипсы', *linnased* 'солод', *riisitangud* 'рисовая крупа', *rukkiaaganad* 'ржаная мякина', *rukkikliid* 'ржаные отруби', *sihvkad* 'семечки', *tatratangud* 'гречневая крупа'.

⁴³ Про *щи* А. А. Реформатский писал: «Слово *щи* во многом примечательно: прежде всего его непричастность к категории числа очевидна из таких контекстов, как *ЩИ да каша — пища наша, Вам дать щи или борщ?*, а также курьезным уменьшительным *щец*, существующим только в родительном падеже» [Реформатский 1960: 392]. Впрочем, *щец* не является таким уж «курьезным», а отвечает системным закономерностям русского языка. Если, «чтобы выпутаться из *pluralia* (или, скорее *dualia*) *tantum итаны, ворота* язык применяет то же, что к случаям *singularia tantum*: суффикс единичности *-ин-*: как *картофель — картофелина, солома — соломина*, так и *итаны — итанина, ворота — воротина*» [Там же: 392], то можно предположить, что и в этом случае язык «выпутывается» аналогичным образом — по аналогии *чаю > чайку — щец* представляет собой уменьшительную форму, непосредственно образованную от формы родительного падежа. Это объясняет отсутствие формы именительного падежа для *щец* [Успенский 2004: 13–18; 78]. Подобные формы, *щец, чайку*, выступают в разговорном языке как специальные формы вежливости, особенно в ситуации диалога [Успенский 2000: 45–46].

17) Отрезки времени:

будни, вакации, календы (отложить до греческих календ), каникулы, пол-сутки, потёмки, потёмочки, сумерки, сутки;

-aastad 'годы' (noorukiaastad 'юношеские годы', noorusaastad 'юношеские годы', rännuaastad 'годы скитаний'), -päevad 'дни' (nooruspäevad 'юношеские дни', näguripäevad 'горемычная жизнь', viletsus(e)päevad 'горемычная жизнь'); kuuiriided 'менструация', poogusrajad 'дорожки молодости', teismed 'подростковый возраст'.

18) Погодные явления:

барашки (волны; облака), буруны;

looded 'прилив и отлив', taevaluugid 'хляби небесные', uduräbalad 'клячя тумана'.

19) Группы людей и животных:

бегуны (=секта), близкие, бритоголовые, верхи, войска (погранвойска), горожане, домашние, древние, зеленые, знакомства, кадры, наци, неприкасаемые, низы, предки, разведорганы, разноверцы, родные, уголовные, хлысты, христоверы; даки, данаиды, данайцы, инки, италики, кельты, майори, османы, тиверцы, улемы, хариджансы; девчата, детишки, детки, деточки, детушки, ребята, ребяташки, ребятки, ребятаушки; люди⁴⁴; а также негритосы, людишки, нелюди; а также козлята, козлятушки, котятки, львятки, ребятаушки-козлятушки;

härased 'господа', ilmkvaimulikud 'белое духовенство', jõud 'силы' (abi jõud 'подкрепление', relvajõud 'вооруженные силы', õhujõud 'военно-воздушные силы'), kolmikud 'тройня', mitmikud 'близнецы', nelikud 'четверо близнецов', nõoksed 'двоюродные братья и сестры', otaksed 'близкие родственники', penaadid 'пенаты', proletaarid 'пролетарии', saajad (= pulmalised) 'гости

⁴⁴ Примечательно замечание А. А. Реформатского о наблюдениях И. И. Мещанинова: «Зато совершенно прав И. И. Мещанинов, когда он пишет: “Можно предположить, что в своем прошлом человек и люди образовывали две различные лексические единицы, составившие затем супплетивные формы. Подтверждением этому служит ныне вымершее множественное число *человека, пережиточно сохранившееся в косвенных падежах при сочетании с числительными, например пять человек, пять человек (родительный падеж множественного числа, ср. пять дровосеков). Есть основание предположить, что эти два понятия человек и люди не отождествлялись и что единственное число человек лексически противопоставилось коллективному представлению о людях. Тогда это были самостоятельные слова. Теперь же в современном строе русской речи обе основы объединились как выразители единственного и множественного чисел одного и того же слова. Так, от комплекса прекрасный человек множественное число будет прекрасные люди, а не прекрасные человеки” (там же). К этому тонкому рассуждению можно лишь добавить, что прежнее единственное к люди — люд ушло в собирательные (рабочий люд), а от старых смысловых отношений человек — люд остались такие “осколки”, как людская — помещение для работников в имении, нам мясо, а людям требуху — в жаргоне помещиков» [Реформатский 1960: 395–396, в сноске 18].

на свадьбе', viimsepäevapühakud 'мормоны', õeksed 'сестры'; а также kari-loomad 'скот';

«группы» из двух лиц:

близнецы, бракосочетающиеся, двойни, молодожены, молодые, новобрачные, погодки, родители;

vanemad 'родители' (lastevanemad 'родители детей', mehevanemad 'родители мужа', ristivanemad 'кумовья', rongavanemad 'бессердечные родители', vaarvanemad 'прабабушка и прадедушка', vanavanavanemad 'прапрародители', vana-
vanemad 'бабушка и дедушка'.

Существительные pluralia tantum, таким образом, представлены следующими таксономическим классами слов:

- 1) совокупности однородных предметов, явлений (войска; relvajõud 'вооруженные силы');
- 2) предметы, сложные по составу (часы, брюки; püksid 'брюки');
- 3) предметы, составляющие комплекты (бигуди, координаты; ristkoordinaadid 'прямоугольные координаты');
- 4) вещества (духи; heitmed 'отбросы');
- 5) сложные действия (дебаты; jõulud 'рождество', kihlad 'помолвка');
- 6) отрезки времени (будни; teismed 'подростковый возраст');
- 7) пространства (ихеры; märgalad 'водно-болотные угодья').

Выделенные классы слов соотносятся с категоризацией типов множества А. А. Холодовича. Классы представляют: определенные множества (имеют пределы, границы: сани, вилы, в отличие от множеств неопределенных: столы); множества предметные (деньги, роды в отличие от множества предметов: рука – руки); множества алгебраические (ножницы, грабли как совокупность слагаемых, в отличие от множества арифметического как суммы слагаемых: земляника) (см. п. 1.2.).

Имена, относимые к pluralia tantum, делятся на две группы по признаку считаемые / несчитаемые. Конкретно-предметные существительные типа брюки – püksid и существительное сутки в русском языке (единственное из группы имен, называющих отрезки времени⁴⁵) легко употребляются в счетных контекстах. Единичность выражается в русском языке в количественной группе со счетно-местоименным прилагательным один (одни сани, одни ножницы; одни сутки), а множественность в сочетании с собирательными числительными (двое, трое, четверо⁴⁶: двое ножниц, двое суток) или

⁴⁵ Ср. [РГ 80: 472], где говорится, что большинство существительных, называющих отрезки времени, не исключают противопоставления «единичность – множественность», значение единичности выражается сочетанием со счетно-местоименным прилагательным одни (одни сутки), значение множественности — сочетанием с числительными (одни сутки).

⁴⁶ «Составные числительные с последним компонентом два, три или четыре в сочетании с сущ. pluralia tantum не употребляются; встречающиеся в употреблении сочетания типа двадцать двое суток, семьдесят четверо суток также неправильны» [РГ 80: 472].

с количественными числительными (если количество предметов или *суток* пять и больше: *пять ножниц, пять суток*) [РГ 80: 472]. Существительное *каникулы* допускает употребление *одни каникулы, несколько каникул*, но [НКРЯ] не дает ни одного употребления с собирательными числительными (*двое каникул*) или с количественными числительными (*пять каникул*), а также с неопределенными числительными *много*. В эстонском языке предметные *pluralia tantum* в числовых контекстах употребляются с количественными числительными во мн. ч.:

<i>ühed</i>	<i>prillid</i>
один.PL.NOM	очки.PL.NOM
'одни очки'	
<i>kahed</i>	<i>prillid</i>
два.PL.NOM	очки.PL.NOM
'две пары очков'	

Существительные *pluralia tantum* других классов, особенно если возможен метонимический перенос, например, «праздники, важные события, ритуалы ⇒ отрезок времени» или «сложные действия ⇒ отрезок времени», допускают употребление в числовых контекстах: <...> *а то в год одни крестины да двое похорон* (Г. И. Успенский), *Лужков, который имеет за плечами двое выборов* <...> (РИА Новости).

Для некоторых классов имен *pluralia tantum* можно, на наш взгляд, выделить категорию парности: «предметы, состоящие из двух частей» и «предметы, включающие две части» выделяются очевидным образом и достаточно хорошо описаны. См., например, описание формы *сапоги* в *бери любые из этих сапог* (подразумевается *пара сапог*) и *из трех сапог вылезло по котенку* в [Успенский 2004: 38–39]. В классе совокупностей имеется автономная группа «парных субстантивов», семантически соотносящихся с двумя разнокорневыми словоформами ед. ч. *родители* — *мать* и *отец* [Панова 2010], или точнее, «существительные *молодожены, молодые, новобрачные, родители* называют двух лиц, из которых одно — мужского, а другое — женского пола⁴⁷. В форме ед. ч. эти слова по своему лексическому значению не соотносительны с формой мн. ч.: *молодожен, молодой, новобрачный, родитель* называют только лицо мужского пола; *молодая, новобрачная* — только лицо женского пола» [РГ 80: 472]. Слова этой группы Г. И. Панова, И. И. Акимова [Панова 2010: 96; Акимова 2015: 51] относят к существительным *pluralia tantum*. Категория парности также присутствует в форме мн. ч. имени *координаты*, при этом пара объектов составляет комплект. В числовых контекстах такие имена (как и предметы, состоящие из двух частей) употребляются со счетными словами в русском языке: *пара координат*, в эстонском языке «парность» проявляется

⁴⁷ Современная реальность вносит свои поправки.

в синтагматике в квантитативной группе с количественными числительными в форме мн. ч.:

kaheed *koordinaadid*
два.PL.NOM координата.PL.NOM
'одна пара координат',

в отличие от:

iihe *punkti* *kolm* *koordinaati*
один.SG.GEN точка.SG.GEN три.SG.NOM координата.SG.PART
'три координаты точки'.

[РГ 80] последовательно проводит разграничение слов, употребляемых только во мн. ч., на слова *pluralia tantum* (представляют неделимые множества или совокупности), с одной стороны, и на слова, называющие множества, состоящие из отдельных единиц:

девчата, ребята; молодожены, родители; детишки, детушки, зверятки, лодышки, ребятки, ребятишки, солдатушки, телятки, котятки, стишонки и др.,

с другой стороны. Отдельную группу составляют имена, которые имеют форму ед. ч., но употребляются преимущественно в форме мн. ч. (потенциальные *pluralia tantum*) [Там же: 472]:

близнецы, букли, гренки, инициалы, кавычки, кегли, медикаменты, мириады, распри, ставни, стропила, поручни, ходули, шпалы; сапоги, чулки, боты, бутсы, гетры и др.

Мы можем заметить, что в статусе *pluralia tantum* отказано не только тем словам, которые имеют соотносительные формы ед. ч., но и словам, которые не имеют сингулярных форм. Это слова, называющие одушевленные лица, и существительные с суффиксами субъективной оценки. Отмечаем, что существительных с суффиксами субъективной оценки, не имеющих формы ед. ч., в русском языке довольно много, особенно хорошо они представлены в [БТС]. Можно предположить, что дериваты с суффиксами субъективной оценки, не имеющие форм ед. ч., как раз обозначают совокупности деиндивидуализированных объектов. Сложно понять (если не принимать в расчет одушевленность / неодушевленность, о которой мы говорили), чем «неделимое множество или совокупность» *припасы* отличается от «множества, состоящего из отдельных единиц» *девчата*. Тем более, что наша языковая интуиция говорит о том, что не во всех (не стилистических!) контекстах существительное *девчата* употребимо: [?]*у нее рождались только девчата*; [?]*девчата умирали одна за другой*; [?]*девчата приходили по одной*.

Совокупности и множества обозначают несколько предметов (лиц) в противопоставлении одному предмету (лицу), но совокупности (*mass nouns*) и множества (*groups*) отличаются по целому ряду параметров (совокупности не ограничены по количеству элементов — множества предполагают

обозримое количество элементов, которое поддается количественной оценке; совокупности объединяют элементы по задаваемому набору признаков — множества обозначают предметы / лица, объединенные местом и временем), но главный признак, который различает совокупности и множества — это характер интерпретации «много X». Если X — совокупность, то «много X» указывает на много элементов X (*много молодежи*). Если X — множество, то «много X» указывает на много X-ов (*много букетов*) [Ляшевская 2004: 153–171]. То, что отличает существительные типа *девчата* и имена — «чистые совокупности», это неспособность последних сочетаться с квантификаторами определенного количества (**несколько молодежи, но несколько девчат*). В последнем случае приведенный в [РГ 80] ряд существительных действительно не проходит тест на то, чтобы признать их в качестве имен, обозначающих совокупности.

В числе имен *pluralia tantum* есть имена, которые представляют множество предметов как наборы (комплекты). В таких случаях возникает мнимая корреляция по числу: *один волос – несколько волос* и *pluralia tantum волосы: волосы с челкой, волосы без пробора* (также в эстонском языке: *lahtised kohevad juuksed* ‘распущенные пышные волосы’ при невозможном **lahtine kohev juus*).

По наблюдениям Х. Пярн, *kaal, kaalud* ‘весы’ в эстонском языке «не обнаруживают никаких семантических различий. Однако в косвенных падежах этого слова значение единичности выражается исключительно формой единственного числа (*поставил на весы – pani kaalule*). Употребление формы множественного числа — например, *kaaludele* — в сознании говорящего на эстонском языке явно ассоциируется с несколькими весами» [Пярн 1984: 36]. На наш взгляд, «дело о весах» оказывается несколько сложнее. Существительное *kaal* употребляется в нескольких значениях. Нас интересуют три: 1) прибор для измерения (*kaal* (SG.NOM), *kaalud* (PL.NOM) ‘весы’), 2) физическая характеристика ((*keha*)*kaal* ‘вес тела’), 3) влияние, авторитет (*tema arvatusel kaal* ‘вес его мнения’). В первом значении можно говорить о нейтрализации форм ед. и мн. ч. Если же существительное не является предметным (в значении 2 — параметрическое имя, в значении 3 — отвлеченное имя), то существительное является *singularia tantum*! Сочетание *kaalule panema* ‘положить / поставить на весы’ может употребляться в прямом и в переносном смысле: *astusin kaalule* (SG.ALL) ‘я встал(а) на весы’ и *ota elu kaalule* (SG.ALL) *panema* ‘быть готовым отдать свою жизнь (букв. положить свою жизнь на весы)’. Частотность употребления этого сочетания в переносном значении больше, чем в прямом. Корпус эстонского языка eTeeTee для *kaalule / kaaludele panema* дает 182 употребления, из них в прямом значении — 22 употребления, а в значении, например, *отдать (свою жизнь), поступиться (честью)* — 160 употреблений. В числе употреблений с прямым значением только один пример, в котором *kaal* имеет форму мн. ч. Очевидно, что сочетание *kaalule panema* выступает в речи значительно чаще в идиоматически связанных выражениях, что вместе с именами

singularia tantum (значения 2 и 3) может влиять на выбор числовой формы и предметного имени.⁴⁸

В эстонском языке на выбор числовой формы некоторых имен могут влиять разные факторы. М. Тийтс пишет о том, что имя *pulm(ad)* 'свадьба' не употребляется в локативных падежах в форме мн. ч., если речь идет об одной свадьбе [Tiits 1983: 362]. Анализ употребления числовых форм локативного детерминанта *pulm / pulmad* подтверждает этот вывод. В контекстах обобщения и неединичности выбирается форма мн. ч.:

(48) Ei aivanud velleke, et nad on üsna ühepulga pää — elu keerleb inimese ümber üleüldse vaid kolm korda: ristimisel, **pulmades** (PL.IN) ja matustel <...> (Lehte Hainsalu)

Не понял братец, что они равны — жизнь бурлит вокруг человека вообще только три раза: на крестинах, на **свадьбе** и на похоронах <...>

(49) Peale selle laulis Joosep **pulmades** (PL.IN) pikki lugulaule. (Anton Nigov)

После Йоосеп пел на **свадьбах** только длинные эпические песни.

Если локативный детерминант обозначает единичное событие, то, действительно, выбирается форма ед. ч.:

(50) Nad olid ammu kohtunud, viimane kord vist viis aastat tagasi kellegi **pulmas** (SG.IN). (Indrek Hargla)

Они давно виделись, последний раз, наверное, пять лет назад на чьей-то **свадьбе**.

Некоторые имена *pluralia tantum*, называющие болезни, в локативных падежах могут употребляться в форме ед. ч.: *Emajäi rōugesse* (SG.ILL), *on rōuges* (SG.IN) [EKSS] 'Мама заболела **оспой**, болеет **оспой**'. Примеров такого употребления в текстах мало, их можно встретить в фольклорных текстах, а в обычной разговорной речи такое употребление кажется сомнительным для носителей эстонского языка:

(51) Neid tarvitatakse kõha vastu ja ka siis, kui sead on **rōuges** (SG.IN). (herba.folklore.ee)

Их применяют при кашле и когда свиньи **оспой** болеют.

(52) See heitis magama, kui üles tõusis, oli nägu ja käed punaseid nakkisid täis, nagu **leetris** (SG.IN) oleks olnud. (herba.folklore.ee)

Она легла спать, а когда проснулась, лицо и руки были покрыты прыщами, как будто заболела **корью** (SG.IN).

В эстонском языке формы ед. ч. выступают на месте ожидаемого мн. ч. при назывании парных частей тела в сочетании с одеждой, например, *püksid on jalas* (SG.IN) 'брюки на **ногах**', *kindad on käes* (SG.IN) 'перчатки на **руках**'. Формы ед. ч. употребляются также в таких сочетаниях, как *altkulmu vaatata* 'смотреть исподлобья (букв. из-под **брови**)', *kõrvarõngaid*

⁴⁸ Ср. трактовку соотношения форм в [EKG 1995: 62]: *pluusi käis* 'рукав блузки': *pluusi käised* 'рукава блузки' и *pluralia tantum käised* 'блузка-кяйсед' как название вида традиционной народной одежды.

kõrva (SG.ILL) *panema* ‘надеть серьги (букв. в ухо)’, *kuulas nii, et kõrv* (SG.NOM) *oli kikkis* ‘слушал, навострив уши (букв. ухо)’. В таком употреблении усматривается реликтовое ед. ч., ведь речь идет о парных частях тела [Кюльмоя 2003 et al.: 46]. «В содержательном плане различие все же проводилось, одну руку (ногу) называли *pool kätt, pool jalga* ‘половинка руки, ноги’ [Alvre 1962; по Пярн 1984: 42]. В современном финском языке сохранились слова *silmäpuoli, jalkapuoli, käsipuoli* (букв. ‘половинка глаза, ноги, руки’), которыми обозначают соответственно одноглазого, однорукого или одноногого человека [Пярн 1984: 42]. Можно привести примеры из венгерского языка: *sántít féllábára* (букв. хромает на полногу) ‘хромает на одну ногу’. В эстонском языке отсутствуют такие примеры (если не брать в расчет *poole kõrvaga kuulma* – слушать вполуха, *poole silmaga vaadata* – смотреть вполглаза, *poole suuga rääkima* ‘неточно рассказывать’, которые передают значение невнимательности, неточности). В целом для эстонского языка в обстоятельственных конструкциях (функциях) характерны именно сингулярные формы имени. В сочетаниях *jalga panema* ‘надеть (букв. в ногу) про брюки или обувь’, *kätte panema* ‘надеть (букв. в руку) про перчатки’ имя входит в семантическую структуру глагола и имеет синтаксические ограничения на внешние связи, оно не допускает никакой индивидуализации в значении «пары ног / рук» в этом сочетании с сохранением формы ед. ч.: невозможно употребить определение и сохранить значение парности. В корпусах эстонского языка имеются единичные примеры из фольклорного текста (53) и из текста художественного произведения (54), в которых встречается определение к *jalga* ‘на ноги (!)’. Попытка «спровоцировать» употребление индивидуализирующего определения носителем языка оказалась «безуспешной»:

(53) Kui uued pastlad esimest kord **paljasse** (SG.ILL) **jalga** (SG.ILL) **paned**, katkevad ruttu katki. (folklore.ee)

Если первый раз **наденешь** постолы на **босые ноги**, сразу порвутся.

(54) Hm, mida ma **panen** oma **paljaste** (PL.GEN) **jalgade** (PL.GEN) otsa? (Jaan Tängsoo)

Гм, что мне **надеть** на свои **босые ноги**?

Если *jalg* ‘нога’ получает конкретную референцию, то употребляется форма мн. ч. для передачи значения «пары ног»:

(55) Ka **jalgadele** (PL.ALL) **panen** jalakreemi, et nad ei sügeleks. (derma.ee)

На ноги тоже **мажу** крем для ног, чтобы они не чесались.

Интересное наблюдение делает Х. Пярн в связи с неконкретно-референтным употреблением имени *pluralia tantum* в форме ед. ч.: *Но объединяет их одно: умелое владение коньком*⁴⁹ (из телерепортажа по фигурному катанию, март 1983). Такое обобщенное употребление имени в нестандартной числовой форме характерно для стилистически окрашенных текстов

⁴⁹ Здесь возможна аналогия-ассоциация с *владеть пером*.

и встречается в текстах СМИ, в профессиональной речи. Хотя автор говорит, что «в эстонском языке подобные обороты менее употребительны» [Там же: 36], тем не менее именно для существительных, обозначающих парные предметы (обуви), употребление в обобщенном значении нельзя назвать редким:

(56) Paljasjalgse jooksja jalg peab olema tugevam, ent isegi kõval pinnal ei teki nii palju traumasid kui disainitud **jooksukingas** (SG.IN) jooksjal. (teadus.ee)

Босая нога бегуна должна быть сильнее, даже на твердой поверхности не возникает столько много травм, сколько у бегуна в дизайнерской **беговой обуви** (букв. в дизайнерской **беговой туфле**).

(57) **Suusk** (SG.NOM) libiseb ju paremini eessõitja poolt soojaks sõidetud jäljes, mis annab tagant tulijatele eelise,» selgitab kolmekordne Tartu Maratoni võitja. (maraton.postimees.ee)

Лыжа скользит ведь лучше по теплomu следу лыжника, бегущего впереди, это дает преимущество тому, кто бежит сзади, — объясняет трехкратный победитель Тартуского марафона.

В связи с именами *pluralia tantum* в эстонском языке обычно заявляется, что «чистых» *pluralia tantum* в эстонском языке нет. Имена, которые обычно употребляются в формах мн. ч., могут употребляться в ед. ч. В качестве аргументов приводятся: 1) случаи омонимии форм (*pluusi käised* ‘рукава блузы’ и *käised* ‘блузка-кяйсед’), в которых формы числа трактуются как формы одной и той же лексемы, при этом происходит сдвиг значения; 2) случаи употребления существительных *pluralia tantum* в форме ед. ч. в составе сложного слова (sic!) (*kosjasõit* ‘сватовство (сват + поездка)’, *kääri + otsad* ‘кончики ножниц (ножницы + кончики)’, *tangu + puder* ‘перловая каша (перловая крупа + каша)’, *prill + madu* ‘очковая змея (очки + змея)’, *tetiiaar + kirjandus* ‘мемуарная литература (мемуары + литература)’). Такая трактовка означает, что в эстонской грамматике признается следующее: первый компонент в составе сложного слова является формой ед. ч. существительного *pluralia tantum*. Однако при этом не учитываются критерии самостоятельности слова (тем более, что речь идет о существительных). Не менее сложную проблему представляют глагольные сочетания (*läks kosja* ‘поехал свататься’, *läks pulma* ‘поехал на свадьбу’, *jäi sarkkisse* ‘заболел скарлатиной’), в которых приглагольное слово оказывается синтаксически связанным (см. выше разбор сочетания *jalga panema* ‘надеть (про брюки или обувь)’); и сочетания *nääri ajal* ‘в Новый Год’ [Tiits 1983: 358], *lihavõtte aegu* ‘во время пасхи’ [EKG 1995: 62]⁵⁰ (см.

⁵⁰ „Mõni sõna võib pisut erineva tähendusega esineda normaalse arvuvastandusega ja mitmussõnana, nt *pluusi käis* : *pluusi käised*, aga *käised* ‘rahvariidepluus’; аinsussõnana ja mitmussõnana, nt *raud* аinenimetusenа, ага *raud* ‘püüнисed’; või аinsussõnana ja normaalse arvuvastandusega, nt *vilt* аinenimetusenа, ага *vilt* : *vildid* ‘teatud jalanõu’. Enamik mitmussõnu esineb liitsõna esikomponendina аinsuse genitiivis (harvem nominatiivis), nt *kosja + sõit*, *kääri + otsad*, *tangu + puder*, *prill + madu*,

также [Tiits 1983]), в которых первое слово — существительное *pluralia tantum* в ед. ч., второе — существительное в функции послелога. Обращает на себя внимание, что при глаголе и в сочетаниях типа *lihavõtte aegu* рассматриваемые нами имена употреблены в адвербиальной функции. Ср. также примеры употребления имен *pluralia tantum*, обозначающих сложные «полисубъектные» действия в форме ед. ч. в локативных падежах: *talgus* (SG.IN) ~ *talgutel* (PL.ADE) *annab pererahvas süüia ja juua* 'на помочах хозяева угощают', *mind kutsuti pulma* (SG.ILL) 'меня пригласили на свадьбу'; *käisin pulmas* (SG.IN) 'я был на свадьбе (SG.IN)' [EVS].

Имена *pluralia tantum* в эстонском и русском языках составляют довольно многочисленный класс. Для *pluralia tantum* в обоих языках можно выделить совпадающие лексические группы. Чем более мотивированными оказываются формы мн. ч. семантически, тем больше оказывается группа, тем больше параллелизма в числовом оформлении имен в русском и эстонском языках. Мотивированность числовой формы может заключаться в указании, прежде всего, на количественные характеристики: 1) указание на множество или совокупность предметов; 2) указание на множественность в составе предмета (субстанции).

2.8. Имена quasi-tantum

Традиционное деление субстантивов в аспекте категории числа на имена с «нормальной» парадигмой, имена *pluralia tantum* и имена *singularia tantum* не охватывает все типы числового поведения имен. Л. Куликов [Kulikov 2004: 127] обоснованно упрекает Г. Корбетта [Corbett 2004] в недостаточном внимании к материалу и идеям, представленным в статье А. Поливановой «Выбор числовых форм существительных в русском языке» (1983)⁵¹. А. Поливанова пишет об употреблении числовых форм названий овощей и фруктов в русском языке и убедительно показывает, что в русском языке можно выделить SG-ориентированные и PL-ориентированные имена в классе имен с «нормальной числовой парадигмой». Речь идет об именах, которые употребляются и в формах ед. ч., и в формах мн. ч., но числовое поведение этих имен зависит от типа контекста. Пример *repa* (SG) *дорощает* и *огурцы* (PL) *дорощают* показывает, как неоднозначно избирает русский язык форму числа для имен, которые имеют полную парадигму. «Примеры такой асимметрии числовых форм могут иметь существенное значение (crucial importance) для теоретической интерпретации категории числа» [Kulikov 2004: 127]. Связь между числовой формой и семантическими признаками существительного была довольно хорошо описана на материале русского языка [Wierzbicka 1988;

memuaar + kirjandus. Kindlas kontekstis esinevad paljud mitmussõnad ainsuslikena ka väljaspool liitsõnu, nt *lihavõtte aegu*, *läks kosja ~ pulma*, *jäi sarlakisse*“ [EKG 1995: 62].

⁵¹ Доступна в [Поливанова 2008].

Кудрявцев 2001; Ляшевская 2004]. А. Вежбицкая показала, что для русского числового поведения названий овощей и фруктов⁵² релевантными оказываются признаки размера плода и способа «поедания». Культуры делятся на три класса. Правило «держа в руке, поедать целиком» проводит границы между классами имен: мелкие предметы — *pluralia tantum* (*горох* — помещается на руке несколько / много «штук»), крупные — *singularia tantum* (*капуста* — едим в измельченном, разрезанном виде), а среднего размера плоды, которые можно по одному держать в руке и есть не разрезая (*яблоко*), как имена, у которых употребляются формы ед. и мн. ч. Однако для этого правила есть исключения: к овощам среднего размера относятся *морковка, свекла* и другие корнеплоды (их едят, не держа в руке и не целиком, их режут и варят (жарят), преобразуя тем самым в бесформенную массу), но они могут вести себя как неисчисляемые (*я съел много морковки / свеклы*). Более того, денотативные правила не могут предсказать числовое поведение многих названий овощей и фруктов [Ляшевская 2004: 223; Бурас, Кронгауз 1990: 54; Падучева 1996: 19]. О. Н. Ляшевская показывает, что для анализа числового поведения названий овощей и фруктов в типологическом описании критическими оказываются три типа контекстов, в которых существительное обозначает одну «штуку», несколько «штук» и неопределенное количество [Ляшевская 2004: 227–241]. Исчисляемость / неисчисляемость при таком анализе понимается на уровне множества плодов, т. е. в случае *В магазин завезли арбузы* (PL) — *В магазин завезли капусту* (SG) исчисляемым будет *арбуз*, а *капуста* — неисчисляемое имя.

Анализ собранных нами примеров употребления показал, что предложенные О. Н. Ляшевской типы контекстов оказываются достаточными⁵³, чтобы описать числовое поведение названий овощей и фруктов также и в эстонском языке. Для анализа были отобраны широкоупотребительные в русском и эстонском языках существительные этого лексического класса. В результате в русском языке выделяется три группы имен:

- 1) имена р1-ориентированные (*абрикосы; помидоры, огурцы, баклажаны; яблоки, груши, лимоны; арбузы, дыни, кабачки*),
- 2) имена с двойным статусом по отношению к исчисляемости (*слива, вишня, черешня, редиска, перец, свекла, морковь, редька, репа, брюква, картошка; тыква*),
- 3) имена *singularia tantum* (*рис, пшено, горох; земляника, черника; виноград, редис; картофель, капуста; укроп, петрушка, салат, лук, чеснок*).

⁵² К овощам и фруктам относятся те «плоды», которое наивное бытовое сознание носителя языка относит к овощам и фруктам (в отличие от научной классификации в ботанике). Так же понимаются и «плоды».

⁵³ Выделенные типы контекстов оказываются также очень удобным инструментом, методом описания большого количества разнородных употреблений описываемых имен в языковых корпусах.

В эстонском языке, как показывает анализ собранного нами материала, можно выделить четыре группы имен:

- 1) имена рl-ориентированные (*oblikas* 'щавель', *aprikoos* 'абрикос', *õun* 'яблоко', *ploom* 'слива', *hernes* 'горох', *uba* 'боб', *maasikas* 'клубника', *mustikas* 'черника', *pähkel* 'орех'),
- 2) имена с двойным статусом по отношению к исчисляемости (*tomat* 'помидор', *kurk* 'огурец', *arbuus* 'арбуз', *paprika* 'перец', *redis* 'редиска', *peet* 'свекла', *porgand* 'морковь', *rõigas* 'редька', *naeris* 'пена', *kaalikas* 'брюква', *kartul* 'картофель, картошка', *sibul* 'лук', *kõrvits* 'тыква', *kapsas* 'капуста'),
- 3) имена *singularia tantum* (*riis* 'рис', *nisu* 'пшеница', *tatar* 'гречка', *kaer* 'овёс', *rukis* 'рожь', *oder* 'ячмень', *till* 'укроп', *seller* 'сельдерей', *pettersell* 'петрушка', *(leht)salat* 'салат', *basiilik* 'базилик', *spinat* 'шпинат', *brokoli* 'брокколи'),
- 4) sg-ориентированное имя *küüslauk* 'чеснок'⁵⁴.

Собранные примеры показали, что в русском языке: 1) критерий «средний размер» и «едят целиком» является достаточным для того, чтобы имя было счетным (*килограмм яблок*), 2) критерий «растет под землей» и «едят как однородную массу» — для того, чтобы имя было несчетно (*килограмм свеклы*); в эстонском языке сочетание признаков: 1) «мелкий размер», «растет над землей» и «едят целиком» достаточно, чтобы имя было счетным (*kilo maasikaid* (PL.PART) 'килограмм клубники'), 2) «растет под землей» и «едят как однородную массу» — для того, чтобы имя попало в переходную зону (*kilo sibulat* (SG.PART) / *kilo sibulaid* (PL.PART) 'килограмм лука').

В русском языке имена переходного класса употребляются в сильных счетных контекстах в форме мн. ч. (*вымой еще две морковки*) и как *singularia tantum* при обозначении неопределенного количества (*принеси еще морковки*) [Ляшевская 2004: 227]. В эстонском языке скорее следует говорить про различие контекстов, в которых отражается способ концептуализации. Если овощ / фрукт концептуализируется как дискретный («штука»), то форма числа будет зависеть от синтаксической конструкции: *viis sibulat* (SG.PART) 'пять луковиц', *kilo sibulaid* (PL.PART) 'килограмм лука'. В контекстах с недискретной концептуализацией — форма ед. ч.: *Mina ei söö sibulat* (SG.PART) 'Я не ем лук'. Другой пример: *täidetud paprikad* (PL.NOM) 'фаршированные перцы' – *roheline paprika* (SG.NOM) *muudab küpsedes värvi* 'зеленый перец меняет свой цвет при запекании'.

⁵⁴ Подробно метод и результаты этого исследования были изложены на Международном семинаре «Г. Р. Тукумцев – 130. Вопросы сопоставительных исследований: языки и варианты языка» (14–15 января 2021, Таллинский университет, Тартуский университет) в докладе «Числовое поведение имен, обозначающих растения и плоды, в эстонском и русском языках», текст которого будет опубликован в материалах семинара.

В обоих языках возможно употребление формы ед. ч., когда продукт представляется как гомогенная масса (т. н. единственное массы): *Добавить в салат тертое яблоко*; *Üherajatooidus oli kapsast* (SG.PART), *kaalikat* (SG.PART) *ja porgandit* (SG.PART) *‘В овощном рагу была капуста, брюква и морковь’*.

Сказанное поддерживает вывод, что в контексте глаголов *крошить*, *натирать*, *чистить*, *мыть*, *koorima* ‘счистить шкурку’, *pesema* ‘мыть’, *puhastama* ‘чистить’, *asetama (taldrikule)* ‘разложить (на тарелке)’, *poolitama* ‘разрезать на две части’, *täitma* ‘фаршировать’ имена, называющие овощи-фрукты переходной группы, имеют форму мн. ч., так как процесс «ручной обработки» овощей-фруктов предполагает действия, когда в руки берут по одному (корне)плоду: *koori paprikad* (PL.NOM) ‘почисти перцы’, *kapsaid* (PL.PART) *riivima, lõikama* ‘капусту шинковать, резать’. Этот вывод противоречит выводу О. Н. Ляшевской [Ляшевская 2004: 229]: «Различия по числу у имен с полной числовой парадигмой частично нейтрализуются в контексте глаголов *крошить*, *тереть*, *резать* и т. п., ср. *добавить в салат тертое яблоко / тертые яблоки; разложить на блюде мелко нарезанный лимон / лимоны*»⁵⁵. Приведенные примеры скорее являются иллюстрацией употребления имен в контексте глаголов *добавить*, *разложить*.

Если в русском и эстонском языках названия классов плодов свободно образуют формы мн. ч. в интерпретации «разные виды» (*овощи – juurviljad*, *фрукты – puuviljad*), то форма ед. ч. этих имен имеет ограничения на употребление: **фрукт хранился на складе больше положенного срока* (пример из [Ляшевская 2004: 225]). О. Н. Ляшевская отмечает, что имена более низкого уровня таксономии — названия сортов — в русском языке не поддаются исчислению: говорят *яблоки*, но не **антоновки* [Там же]. В эстонском языке таких ограничений нет: *valged* (PL.NOM.) *klaarid* (PL.NOM) ‘белый налив’.

В эстонском языке имена *singularia tantum* рассматриваемых лексических групп могут употребляться в форме мн. ч. для передачи сорторазличительного (видового) значения (т. е. ведут себя как «обычные» *singularia tantum*):

(58) *Vali endale segu, kus on <...> erinevaid hirsse* (PL.PART).

(viiruke.onepagefree.com)

Выбери себе смесь, в которой <...> разное **пшено**.

(59) *Toksiin, mis leiti enamikes USA riisides* (PL.IN), *põhjustab geneetilisi*

kahjustusi. (et.ulfsciences.com)

Токсин, который нашли в **рисе** США, вызывает генетические поражения.

Наряду с указанной выше способностью форм ед. ч. передавать значение «единственного массы», в эстонском языке ед. ч. может обозначать

⁵⁵ Зато не противоречат правилу А. Вежбицкой «брать по одному» для выбора формы ед. ч.

неопределенно большое количество⁵⁶: *tarbitakse kuni viisteist tonni kartulit* (SG.PART), *neli tonni porgandit* (SG.PART), *kaks tonni sibulat* (SG.PART), *kolm tonni punapeeti* (SG.PART) ning pool tonni *söögikaalikat* (SG.PART) *kuus* ‘*потребляют до 15 тонн картошки, четырех тонн моркови, двух тонн лука, трех тонн брюквы в месяц*’.

В корпусах эстонского языка существительное *küüslauk* ‘чеснок’ употребляется чаще в форме ед. ч., что позволяет определить это имя как sg-ориентированное, хотя в сильном арифметическом контексте в значении «головка чеснока» имя является счетным: *koori küüslaugud* (PL.NOM) ja lõika pooleks ‘*почисти чеснок и разрежь пополам*’. Ср.: *toidule lisati küüslauku* (SG.PART) ‘*в еду добавили чеснок*’. В последнем примере, очевидно, чеснок интерпретируется как приправа, а имена, называющие приправы, обычно употребляются в ед. ч. (ср. *singularia tantum pipar* ‘перец’ в эстонском языке, а также *singularia tantum перец* в русском).

Имена с двойным статусом в эстонском языке, называющие крупные плоды, могут в значении «единственного массы» в составе квантитативных групп указывать на малое количество, а в форме мн. ч. в составе квантитативных групп указывать на большое количество: *1 kilo arbuusi* (SG.PART) ‘*1 кг арбузов*’ – *tuhandeid kilosid arbuuse* (PL.PART) ‘*тысячи килограммов арбузов*’, *kaks kilo melonit* (SG.PART) ‘*2 кг дынь*’ – *üle tonni meloneid* (PL.PART) ‘*больше тонны дынь*’.

Во многих языках имена, называющие плоды растений, могут называть и растения. В эстонском языке названия некоторых злаков, ягод, корнеплодов, овощей (*kaalikas* ‘брюква’, *porgand* ‘морковь’, *naeris* ‘пена’, *peet* ‘свёкла’, *kartul* ‘картофель’; *kaer* ‘овёс’⁵⁷, *rukis* ‘рожь’, *oder* ‘ячмень’) в локативных падежах в форме ед. ч. могут обозначать массовые посевы (пространства связанные с этими растениями): *Lapsed läksid hernesse* (SG.ILL) [EKSS] ‘*Дети ушли в горох*’. Названия ягод (*pohl* ‘брусника’, *taasikas* ‘клубника’, *jõhvikas* ‘клюква’, *mustikas* ‘черника’, *vaarikas* ‘малина’) в локативных падежах в форме ед. ч. могут обозначать ограниченные пространства, где собирают ягоды: *Käisime rabas murakal* (SG.ADE) ‘*Мы ходили на болото за морошкой*’.⁵⁸ Совершенно другой случай представляет собой пример *Enn pidi vaarikaist* (PL.EL) *väljuma* <...> (*Aarne Biin*) ‘*Пришлось Энну выйти из малины* <...>’, где форма мн. ч. обозначает кусты малины.

⁵⁶ Ср. «обратное маркирование»: формы мн. ч. русских сингулятивов обычно передают контексты «малого количества» (*несколько рисинок просыпалось на стол*, но странное вне сильного прагматического контекста *съесть рисинки*) [Ляшевская 2004: 225–226].

⁵⁷ Ср. в рус. *в овсах*.

⁵⁸ Ср. в рус. *по ягоды*.

Таким образом, у счетных имен – названий плодов:

- 1) в русском и эстонском языках форма мн. ч. может указывать на неопределенное количество;
- 2) в русском и эстонском языках форма ед. ч. может обозначать гомогенную «массу плода, еды»;
- 3) форма мн. ч. некоторых имен в эстонском языке может обозначать большое количество (форма ед. ч. выступает как немаркированная в этом аспекте);
- 4) форма ед. ч. локативных падежей некоторых имен в эстонском языке может обозначать пространства, связанные с названными плодами;

у несчетных имен:

- 1) форма мн. ч. некоторых имен в эстонском языке может передавать сортовое значение;
- 2) форма ед. ч. локативных падежей некоторых имен в эстонском языке может обозначать пространства, связанные с названными плодами.

2.9. Имена с неустойчивым оформлением числовых форм

В русском языке есть существительные, в отношении которых декларируется синонимичное употребление числовых форм: *В Смоленске отреставрируют крепостную стену* (SG) и *Корреспондент «Комсомолки» вместе с племянником Василия Щенникова Андреем Вихревым ползил по средневековым крепостным стенам* (PL) и *посмотрел на Эстонию «со стороны»* [Ларионова 2012: 94]. «В данных предложениях формы ед. и мн. ч. обозначают один и тот же предмет. Если предмет в сознании субъекта осмысливается как целое, то слово употребляется в форме ед. ч., а если как совокупное множество однородных частей, то существительное используется в форме мн. ч. Мн. ч. выражает значение расчлененности пространства» [Там же]. См. аналогичную интерпретацию в более раннем источнике [Ляшевская 2004: 46–47]. О. Н. Ляшевская использует для объяснения числового поведения таких имен понятие «топологический тип объекта», как оно понималось Л. Талми [Talmy 1983]. В топологическом типе отражается значимый для человека функциональный класс форм. Например, имена-вместилища, имена-линии и имена-поверхности не только по-разному представляют пространства, но и могут демонстрировать разное числовое поведение.

В русском языке, например, существительное *граница* употребляется в формах обоих чисел, однако формы ед. и мн. ч. не всегда обозначают арифметическое соотношение «один – больше одного». На наш взгляд, интерпретацию форм, предложенную О. Н. Ляшевской [Ляшевская 2004: 176–181], можно представить несколько проще. Сделаем это на материале эстонского языка.

В значении «линия, разделяющая две территории» существительное *piir* 'граница' может употребляться в форме ед. ч. для обозначения «линия,

разделяющая две территории» (примеры 60, 61) и может употребляться в форме мн. ч. для обозначения арифметического множества «линий» (пример 62): *Eesti-Läti piir* (SG.NOM) ‘эстонско-латвийская **граница**’;

(60) Läti ja Eesti vaheline **piir** (SG.NOM) on rohkem mõtteline.
(Postimees, 16.01.1996)

Граница между Латвией и Эстонией больше условная.

(61) Jõgi on **piiriks** (SG.TRANS) linnaosade vahel [EKSS].
Река служит **границей** между районами города.

(62) Kui tõesti ühinemine Euroopa Liiduga kaotab **piirid** (PL.NOM) <...>
(Postimees, 15.03.1996)

Если на самом деле объединение с Европейским Союзом отменяет **границы** <...>

В значении «замкнутая линия, отграничивающая свою внутреннюю территорию от остального пространства» формы ед. ч. и мн. ч. оказываются синонимичны (примеры 63, 64):

(63) Itaalia otsus avada **piirid** (PL.NOM).
Решение Италии открыть (свои) **границы**.

(64) Itaalia otsustas avada **piiri** (SG.GEN).
Италия решила открыть (свою) **границу**.

В некоторых сочетаниях закрепляется одна форма, например в $N_{\text{GEN}} + \text{piirides}$ ‘в **границах**’:

(65) Suur osa Peipsi järve on Eesti **piirides** (PL.IN) [Там же].
Большая часть Чудского озера находится в **границах** Эстонии.

(66) See sõna on tuntud paari kihelkonna **piires** (PL.IN) [Там же].
Это слово знают только в **границах** нескольких приходов.

Синонимия форм фиксируется в [Там же]: *Riigi, linna, maakonna, valla piir(id)*.

Граница как «замкнутая линия, отделяющая территорию внутри этой линии от остальной территории», допускает концептуализацию как «линия, состоящая из нескольких отрезков», когда обозначаются разные участки (точки) этой линии. В таком контексте форма мн. ч. обозначает множественность частей (составляющих) предмета:

(67) **Piirid** (PL.NOM) idas ja lõunas olid ilusti kinni, ükskõik, mis seal taga ka ei toimunud, igatahes soomlasi keegi ei tülitanud. (EstonianRC)
Границы на востоке и на юге были совсем закрыты, все равно, что там за ними бы ни происходило, в любом случае финнов никто не беспокоил.

Ср.

(68) Rendile antakse kogu koolimaa **piirist** (SG.EL) **piirini** (SG.TERM). (M. Traat)
В аренду дается все школьное здание «от **границы** до **границы**».

Если какой-то предмет оказывается локализованным в какой-то одной точке (на одном промежутке), то *piir* употребляется в формах ед. ч.

- (69) Käisime Venemaa **piiri** (SG.PART) vaatamas. (Postimees, 01.04.1996)
Ездили посмотреть российскую **границу**.
- (70) **Piiril** (SG.ADE) kontrolliti kõigi reisijate dokumente [EKSS].
На **границе** проверяли документы всех пассажиров.
- (71) Kompleks asub küll kaugel linna **piiril** (SG.ADE), kuid inimesed tulevad sinna sisseoste tegema ka mitmekümne kilomeetri kauguselt.
(Eesti Päevaleht, 28.12.2008)
Комплекс расположен далеко на **границе** города, но люди приезжают сюда делать покупки за несколько десятков километров.

И в таком употреблении кажется совершенно логичным наблюдение О. Н. Ляшевской о том, что с предикатами местонахождения и пространственного перемещения (*находиться, быть на границе, пересечь границу*) имя *граница* в русском языке употребляется в форме ед. ч. Наш пример из эстонской коллекции показывает, что это является релевантным и для эстонского языка:

- (72) Alates 15. jaanuarist punase passiga enam üle **piiri** (SG.GEN) ei pääse <...>
(Postimees, 23.02.1996)
С красным паспортом с 15 апреля через **границу** больше не пройти <...>
- (73) Vaenlane koondas oma väed **piirile** (SG.ALL) [EKSS].
Враг сосредоточил свои силы на **границе**.

Формы локативных падежей «распознают» значение «линия, разделяющая две территории» — употребляются формы внешнеместных падежей, и значение «замкнутая линия, отделяющая внутреннюю территорию от остальной территории» — употребляются формы внутреннеместных падежей. Таким образом, не во всех случаях можно говорить о синонимии числовых форм:

(1) линия, отрезок	SG/PL (один / больше одного)
(2) замкнутая линия	SG=PL (синонимия форм)
(3) точечная локализация	форма PL невозможна

Такое представление связи числового поведения имени с пространственным значением объясняет: (а) почему синонимия форм ед. ч. и мн. ч. не всегда возможна, и (б) не исключает употреблений, когда числовая форма обладает нестандартной, «неарифметической» семантикой.

2.10. Сложные слова *pluralia tantum*

Сложные слова представляют отдельный аспект в анализе имен *pluralia tantum*. Выше уже были затронуты вопросы, которые возникают в связи с композитами, в которых первым выступает элемент, соотносимый

с формами ед. ч. имен, обычно в самостоятельном употреблении имеющих формы мн. ч. (п. 2.7.2.). В эстонском и русском языках много примеров, когда образование сложного слова сопровождается фиксированием его в форме мн. ч. В эстонском языке это сложные слова со вторым компонентом:

-sõnad 'слова', *-lauad* 'здесь: дощечки', *-märkmed* 'заметки', *-muljed* 'впечатления', *-suhted* 'отношения', *-jalad* 'букв. ноги', *-mängud* 'игры', *-tilgad* 'капли', *-tingimused* 'условия'

В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ:

ussisõnad 'заклинания', *ristsõnad* 'кроссворд', *sirvilauad* 'календарь на дощечках', *matkamärkmed* 'путевые заметки', *matkamuljed* 'впечатления от поездки', *klassisuhted* 'классовые отношения', *kangasjalad* 'ткацкий станок', *olümpiamängud* 'олимпийские игры', *kõhatilgad* 'капли от кашля', *korteritingimused* 'жилищные условия' [Tiits 1983: 361],

в русском: *-материалы*, *-товары*, *-продукты*, *-припасы* в сложных словах *стройматериалы*, *канцтовары*, *хлебпродукты*, *боеприпасы*. Сложные слова могут представлять проблему для лексикографического описания: включать ли в словарь; если включать, то по какому принципу отбирать; какие грамматические пометы, в частности, и какой грамматический комментарий приводить. При контрастивном описании материала двух языков может возникнуть вопрос адекватного анализа этих лексем, ведь сложное слово в одном языке может соотноситься с простой лексемой или со словосочетанием в другом. Но самым интересным, пожалуй, является процесс сужения значения, в результате которого происходит плюрализация формы. Например, *крокодиловы слезы* (PL) и *слеза* : *слезы*; *siidjuuksed* (PL) 'шелковые волосы' и *juus* 'волос' : *juuksed* 'волосы', *näljakorikad* (PL) 'гроши (букв. голод + копейки)' и *korikas* 'копейка' : *korikad* 'копейки'.

Если рассматривать структуру сложных слов-pluralia tantum, то можно выделить два типа: 1) атрибутивная часть + существительное и 2) сложение равнозначных основ: *luud-kondid* 'кости', *luud-liikmed* 'кости', *pead-jalad* 'голова и ножки', *suud-silmad* 'глаза и уши', *lipid-lapid* 'лоскутья'; *дочки-матери*, *каляки-маляки*, *фигли-мигли*, *хухры-мухры*, *шурь-мурь*, *тары-бары*. Многие сложные слова pluralia tantum передают значение количественной неопределенности, одновременно подчеркивая стилистическую окраску текста, создавая идеофонический эффект (*гуси-лебеди*, *шурь-мурь*; *käed-jalad* 'руки-ноги', *kimpsud-kompsud* 'ножитки, манатки') [Kaplinski 2014].

Выводы

1. В разных лингвистических работах категория числа осмысливается по-разному. Актуальными для нашего исследования оказываются два типа представления числа: а) число как функционально-семантическая категория, включающая количественную считаемость и количественную измеримость

и б) число как грамматическая категория, включающая противопоставленные формы ед. ч. и мн. ч.

2. Грамматическая категория числа представляется нами как категория, формы которой находятся в парадигматических отношениях и носят словоизменяемый характер. Однако соотношение семантических характеристик некоторых форм, очевидным образом, является деривационным.

3. Грамматическая категория числа специфическим образом отражает квантификацию предметов внеязыковой действительности, представляя явления и предметы внеязыковой действительности как считаемые или несчитаемые.

4. Соотношение считаемые / несчитаемые имена не является простой экстраполяцией в системе языка соотношения исчисляемость / неисчисляемость элементов внеязыковой действительности.

5. Числовое противопоставление имен в языке связано с семантическими и референциальными особенностями имен. На числовое поведение имен влияют синтаксические особенности структуры языка.

6. Считаемость / несчитаемость имени связана с отнесенностью имен к лексико-грамматическим разрядам: конкретные предметные имена считаемы и имеют соотносительные формы ед. ч. и мн. ч., вещественные, отвлеченные, собирательные имена несчитаемы и имеют ограничения на употребление числовых форм в своем прямом значении.

7. Имя может в своем числовом поведении проявлять черты разных лексико-грамматических разрядов. Возможна рекатегоризация имени. Имя располагается на шкале исчисляемости. Можно определять прототипические свойства имени.

8. Числовое поведение ИС зависит от типа референции: а) у имени нет уникальной референции (мн. ч. для совпадающих у разных людей личных имен, родственников) б) ассоциативное множественное, в) имя утрачивает уникальную референцию (переходит в разряд нарицательных), г) условные ИС. Утрата уникальной референции может трактоваться как метонимический перенос. Форма мн. ч. может задаваться гиперонимом-плюративом. В русском и эстонском языках имеются расхождения в способах актуализации количественных значений у ИС в форме мн. ч. Для эстонского языка не характерен перенос «личное имя автора ⇒ продукт творческого труда» в контекстах, актуализирующих расчлененную множественность предметов (ср. *левитаны висят*), в эстонском языке метонимический перенос «название бренда ⇒ продукт бренда» ограничивается типом дискурса.

9. В лингвистической теории представлено разное понимание собирательности (например, [Реформатский 1960] vs [Jespersen 1924]; логико-понятийная интерпретация в [Еселевич 1979] и формальная в [РГ 80]). Возможно также несколько упрощенное понимание собирательности в русской лингвистике: имена *singularia tantum* обозначают собирательность, а *pluralia tantum* — совокупности; или собирательность может рассматриваться только для имен, обозначающих лица (одушевленные предметы).

Такое понимание неприменимо для типологических, контрастивных исследований. Результаты сопоставления русского и эстонского материала окажутся неполными, так как в эстонском языке грамматическая выраженность категории собирательности незначительна. В русском и эстонском языках имеются словообразовательные модели собирательных имен. Словообразовательных моделей собирательных имен в русском языке значительно больше, но продуктивность их (по сравнению с продуктивностью словообразовательного аффикса *-kond* в эстонском языке) существенно меньше. Открытые словообразовательные модели в русском языке очень малочисленны, и можно отметить противоречие между возможностями словообразовательной системы и ее актуальной реализацией в современном русском языке. Аффикс *-kond* в эстонском языке чрезвычайно продуктивен, что создает определенные трудности для эстонских лексикографов. Продуктивность этого аффикса может позволить трактовать его как маркер собирательности. Анализ дериватов с *-kond* в эстонском языке показывает, что указание на совокупность и множественность в языке может связываться с обозначением пространства.

10. Вещественные имена в русском и эстонском языках в своем прямом (вещественном) значении несчетны. Формы мн. ч. этих имен в обоих языках передают видовое (сортовое) значение, значение большого количества вещества. Возможности употребления форм мн. ч. для обозначения большого количества в эстонском языке открыты для очень немногих имен. Формы мн. ч. вещественных имен имеют ограничения на употребления в синтаксических конструкциях.

11. Отвлеченные имена в русском и эстонском языках в формах мн. ч. передают значение множественности проявления качества.

12. Формальное представление категории числа ставит перед лингвистами вопросы о дефектности числовой парадигмы, полисемии слова, омонимии форм, границах словоформы (в первую очередь для эстонского языкознания).

13. В аспекте числового поведения можно выделить имена, имеющие употребительные формы ед. ч. и мн. ч., имена *singularia tantum* и *pluralia tantum*, имена *quasi-tantum* (sg-ориентированные и pl-ориентированные), имена с неустойчивым оформлением числовых форм.

14. Формы ед. ч. в обоих языках имеют категориальное значение единичности, немножественности (которая понимается как количественная неразделенность). Формы ед. ч. имени могут передавать значения обобщенной собирательности и дистрибутивности. Единичность, собирательность и дистрибутивность репрезентируют количественные отношения в языке. Формы ед. ч. могут указывать на недифференцированную однородность вещества, действия, тем самым репрезентируя качественные характеристики.

15. Нами выделены значения форм мн. ч. имени в эстонском языке и предложена их классификация. Формы мн. ч. обозначают расчлененную множественность (например, в арифметическом мн. ч.) или совокупную

множественность (например, в некоторых *pluralia tantum*). Употребление форм мн. ч. не для обозначения расчлененной множественности и не для обозначения совокупной множественности дает стилистический эффект. В квантитативных и именных группах формы мн. ч. могут обозначать неопределенную количественность, неопределенно-ограниченную количественность, определенную количественность. Формы мн. ч. имен *pluralia tantum* в обоих языках могут обозначать парность предметов, комплекты, множественность в составе предмета или в структуре действия / процесса / состояния, совокупность. Форма мн. ч. некоторых вещественных имен может указывать на большое количество вещества. Формы мн. ч. некоторых вещественных и отвлеченных имен могут указывать на качественную дифференциацию.

16. Именами *singularia tantum* могут быть имена-*unica*, вещественные, собирательные, отвлеченные имена. Формы мн. ч. от имен *singularia tantum* возможны при изменении семантических характеристик имени. Формы мн. ч. могут указывать на множественность видов, сортов, множественность проявления качества, действия, состояния, множественность наборов.

17. Именами *pluralia tantum* могут быть некоторые предметные имена, некоторые ИС, отвлеченные, вещественные и собирательные имена. Для многих имен отнесение к *pluralia tantum* означает тенденции в употреблении. В обоих языках отнесение имен к *pluralia* или *singularia tantum* не исключает возможности употребления в оппозитивной числовой форме.

18. В эстонском и русском языках можно говорить о категории парности, которая может быть выделена для некоторых предметных имен (*ботинок – king, родители – vanemad, нога – jalg*), некоторых «идеальных» *pluralia tantum* (*käärid – ножницы, püksid – брюки*), имеющих свои особенности в синтаксисе квантитативных и атрибутивно-именных групп, в сочетаниях с глаголами, а также некоторые особенности в идиоматически связанных сочетаниях.

19. Имена *pluralia tantum* в эстонском языке имеют особенности употребления в грамматике фразеологии и в некоторых связанных сочетаниях, если передают пространственное значение (метафорическое *kaalule paneta* ‘положить на весы’; *jalga paneta* ‘надеть (про брюки или обувь)’; *läks kosja* ‘поехал свататься’, *läks pulma* ‘поехал на свадьбу’, *jäi sarlakisse* ‘заболел скарлатиной’).

20. Числовое поведение некоторых имен (имена *quasi-tantum*) может зависеть от типа контекста, в котором они употреблены. Так, например, числовое поведение названий плодов в сильном счетном контексте может отличаться от числового поведения в контекстах неарифметических. Исчисляемость / неисчисляемость на уровне плодов отличается в эстонском и русском языках. Для названий плодов могут быть выделены критерии, семантически определяющие исчисляемость / неисчисляемость имени. У счетных имен в русском и эстонском языках форма мн. ч. может указывать на неопределенное количество, а форма ед. ч. может обозначать гомогенную «массу плода, еды». В эстонском языке форма мн. ч. некоторых

счетных имен может обозначать большое количество (форма ед. ч. выступает как немаркированная в этом аспекте), а форма ед. ч. локативных падежей может обозначать пространства, связанные с названными плодами.

У некоторых несчетных имен в эстонском языке форма мн. ч. может передавать сортовое значение; а форма ед. ч. локативных падежей может обозначать пространства, связанные с названными плодами.

21. Имена с неустойчивым оформлением числовых форм (например, обозначающие пространства) могут иметь более сложное числовое поведение, в котором указание на количественность и множественность содержится в той части значения, которая актуализируется в конкретном контексте.

3. ЧИСЛО И ПАДЕЖ

В эстонском и русском языках имеются специальные падежно-числовые формы, которые передают квантитативные значения.

3.1. Падеж и формы единственного числа

В русском языке второй родительный падеж (родительный партитивный) рассматривается как морфологическое средство выражения категории парциальности [Успенский 2004]. Формы второго родительного падежа образуются только от существительных мужского рода, только от неодушевленных существительных; второй родительный не имеет форм мн. ч. «Специфика второго родительного состоит в том, что целое мыслится как совокупность качественно однородных частей, которая может члениться производным образом; иначе говоря, речь идет о части какой-то субстанции... Таким образом, в основе семантики второго родительного падежа лежит отношение части и целого» [Там же: 12]. Значение первого родительного падежа является более общим по отношению к значению второго родительного падежа. Ср., например, *нет чая ~ нет чаю*, однако в некоторых контекстах специфическое значение второго родительного падежа проявляется лучше. Например, если сравнивать *недостаток чаю* и *недостаток чая*, то, скорее всего, в первом выражении имеется в виду «не хватает чая», а второе можно понять как «у чая есть недостаток, отрицательные характеристики»⁵⁹. Иными словами, *недостаток чаю* — относится к количеству, *недостаток чая* — к качеству (пример из [Там же: 15]).

В аспекте нашей темы представляется важным тот факт, что в формах второго родительного падежа употребляются «исконно слова со значением вещественным и собирательным, не подлежащим счету в составных своих частях» и «слова со значением отвлеченным (и потому счету не подлежащие)» [Шахматов 1941: 137]. Второй родительный может образовываться «от слов, обозначающих абстрактные понятия: *народ, сброд, визг, крик, холод, мороз, долг, доход, штраф, бред, вздор, толк, юмор, порядок, риск, лоск, шик*. Следует иметь в виду при этом, что абстрактные понятия могут трактоваться в языке как своего рода вещество, обобщая, можно сказать, что слова, имеющие форму второго родительного падежа, обозначают некую субстанцию» [Успенский 2004: 18].

Анализируя примеры *много народа* и *много народу*, Б. А. Успенский пишет: «В первом случае слово *народ* выступает как элемент множества разнородных (различаемых) объектов, во втором случае — как целое (сплошная масса), из которого может быть вычленена та или иная часть» [Там же: 19].

⁵⁹ Ср. *Нет чаю* (2род.), но в продаже нет ни китайского, ни цейлонского чая (род.) [Якобсон 1985: 166].

Нам кажется, что второй родительный (не оспаривая общий обоснованный вывод Б. А. Успенского), например, в *Народу* *пришло много* можно трактовать, прежде всего, как способ выражения неопределенного количества. А. А. Зализняк, характеризуя значение «части» в форме *чаю*, формулирует «сегмент *чаю* обозначает неопределенное количество чая, некоторую часть имеющегося чая» [Зализняк 2002: 44]. Мы позволим себе здесь коротко привести анализ фразы *народу беспрестанно увеличивалось на улице* из черновой редакции гоголевского «Носа», предложенный Б. А. Успенским. «Фраза “*народу увеличивалось*” звучит лучше, чем “*народа...увеличивалось*”, и возможность замены *народу* на *народа* в этом контексте, вообще говоря, может подвергаться сомнению. Это обусловлено инверсией порядка слов (дополнение предшествует сказуемому). Будучи помещена в начало фразы, форма *народу* сразу задает значение количественной характеристики, свойственное вообще второму родительному падежу» [Успенский 2004: 78].

Значение неопределенного количества в эстонском языке могут передавать формы партитива. В этом разделе мы анализируем формы ед. ч. Партитив ед. ч. в эстонском языке может иметь несколько функций, но только формы партитива ед. ч. имен, имеющих вещественное, собирательное или абстрактное значение, способны указывать на неопределенное количество субстанции (см. также [EKS 2017: 248–249])⁶⁰:

(74) Siin on **ruumi** (SG.PART) ja **tegevust** (SG.PART) kõigile, nii noortele kui ka eakamatele (пример из [Там же: 248]).

Здесь **места** и **дела** — для всех, как для молодых, так и для старших.

Если в предложении формально возможно употребление формы партитива и формы номинатива, то именно партитивная форма имени обозначает специфическое значение неопределенного количества [Там же: 251]:

(75) Silla taha kogunes **rämp** (SG.NOM).
За мостом скопился **мусор**.

(76) Silla taha kogunes **rämpsu** (SG.PART).
За мостом скопился **мусор** (какое-то количество).

Формы партитива ед. ч. у вещественных и собирательных имен противопоставлены формам номинатива и формам генитива. Форма номинатива в некоторых контекстах может свидетельствовать о том, что вещественное имя метонимически получает значение конкретного считаемого предмета (типичный случай полисемии в эстонском языке [Langemets 2010: 148–149, 208]) [EKS 2017: 251–252]:

⁶⁰ Для обозначения неопределенного количества предметные имена «потребуют» употребления формы партитива мн. ч.

- (77) Lual on **leiba** (SG.PART) (ebamäärane kogus leiba). – Lual on **leib** (SG.NOM) (leivapätsi kohta).
На столе **хлеб** (неопределенное количество). – На столе **хлеб** (про буханку хлеба).

Форма генитива ед. ч. может указывать на определенность ситуации и / или на специфические характеристики действия:

- (78) Ta ostis **suhkrut** (SG.PART). – Ta ostis **suhkru** (SG.GEN) ära [Там же: 269].
Он(а) купил(а) **сахару** – Он(а) купил(а) **сахар**.

Таким образом, в русском языке форма второго родительного падежа ед. ч. и в эстонском языке форма партитива ед. ч. обозначают неопределенное количество у несчетных имен. В эстонском языке форма партитива, в отличие от второго родительного в русском, является открытой для всего класса несчетных имен (вещественных, отвлеченных и собирательных). В русском языке, если форма второго родительного падежа входит в структуру экзистенциального предложения, то она скорее обозначает большое количество [Кныш 1990]: *А шуму то! Ну и народу!* Об этом пишет Х. Томмола (сопоставляя родительный в русском и партитив в финских экзистенциальных предложениях *Собралось народу!* – *Опра kerääntynyt väkeä*): «В русских утвердительных предложениях употребление родительного падежа связано с эмфатическим выделением количества. В финском языке партитив субъекта не требует такой экспрессивности» [Томмола 1988: 115].

3.2. Падеж и формы множественного числа

Имена, обозначающие считаемые предметы, также могут выражать в падежных формах значение неопределенного количества. У предметных имен это значение передается в эстонском языке формами партитива мн. ч. Формально в предложении партитив мн. ч. «конкурирует» с формами номинатива мн. ч., однако именно формы партитива передают «специфическое» значение неопределенного количества:

- (79) Sellel kasel on juba **lehti** (PL.PART). – Sellel kasel on juba **lehed** (PL.NOM). [EKS 2017: 250].
У этой березы уже есть **листья** (неопределенное количество листьев) –
У этой березы уже есть **листья**.

В предложении с формой партитива, как нам кажется, важным оказывается не отношение «часть – целое», присущее во многих употреблениях партитивным формам (как утверждается и для этого примера в [Там же]⁶¹);

⁶¹ „Kui aluseks on kvantitatiivset piiritlemata sõna või fraas, annab käändevaheldus võimaluse väljendada referendi kvantiteeti, nt täisaluslega saab väljendada **koguhulka** ja osaalusega selle ebamäärast **osa**, vastavalt näites (a) kase kõiki lehti ja näites (b) osa

существенным оказывается, что именно партитивная форма указывает, что «**какое-то количество** листьев уже есть». Значение неопределенного количества сохраняется как примарное (для партитивных форм) и в случае, если имя получает определение:

(80) *Kasel on suuri (PL.PART) lehti (PL.PART). – Kasel on suured (PL.NOM) lehed (PL.NOM) [Там же: 252].*

У березы **большие листья** (неопределенное количество больших листьев). – У березы **большие листья**.

В первом предложении скорее содержится указание на неопределенное количество листьев, во втором подчеркивается качественный признак «листья большие» (эта же мысль⁶² высказывается в [Там же: 250, 252]). Эстонский синтаксис позволяет актуализировать значение неопределенного количества и для признака, при этом существенно меняется структура предложения:

(81) *Kaarte (PL.PART) on musti (PL.PART) ja punaseid (PL.PART).*

Inimesi (PL.PART) on igasuguseid (PL.PART) (пример из [Там же: 288], анализ — Л. М.).

Карты черные и красные. Людей — всяких есть.

Партитив в эстонском языке указывает специфическим образом на количественную неопределенность обозначаемого множества (примеры из [Там же: 250], анализ — Л. М.):

(82)

а) *Metsa tagant paistab rohelisi maju.*
Лес.NOM.GEN из-за видно.3SG зеленый.PL.PART дом.PL.PART
'*За лесом видны зеленые дома (неопределенное количество)*'.

б) *Metsa tagant paistavad rohelised majad.*
Лес.NOM.GEN из-за видно.3PL зеленый.PL.NOM дом.PL.NOM
'*За лесом видны зеленые дома.*'

В предложении (82а) глагол имеет форму 3-го лица ед. ч. (букв. *видно зеленых домов*), в (82б) — 3-го лица мн. ч. (букв. *видны зеленые дома*). Такой способ согласования позволяет предположить, что множество *rohelisi (PL.PART) maju (PL.PART)* актуализируется как совокупное недискретное множество, а множество *rohelised (PL.NOM) majad (PL.NOM)* представляется как множество расчлененное.

neist... a. Sellel kasel on juba lehed. b. Sellel kasel on juba lehti“ [EKS 2017: 250] (Выделено — Л. М.).

⁶² „... osaalus viitab referendi ebamäärasele kogusele...“ [Там же]; „Niisiis märgib osastav kääne ebamäärast hulka või osa koguhulgast, nimetav aga kas märgib koguhulka või jätab kvantiteedi märkimata, võib aga seejuures rõhutada referendi kvalitatiivset olemust“ [Там же: 252].

Значение «часть – целое» актуализируется в конструкциях другой структуры:

(83) *Muhumaa ja Saaremaa on Eesti suurimaid saari* [Там же: 286].
 Муху.SG.NOM и Сааремаа.SG.NOM. быть.3PL Эстония.SG.GEN
 большой.COMP^{sup}.PL.PART остров.PL.PART.

‘Муху и Сааремаа — самые большие острова Эстонии.’

(84) *Jüri on minu paremaid sõpru* [Там же: 436].
 Юри.SG.NOM быть.3SG я.GEN хороший.COMP.PL.PART
 друг.PL.PART.

‘Юри — один из моих лучших друзей.’

Особенность семантического содержания такой структуры состоит в том, что «часть» вычленяется из множества (целого), которое получает качественную характеристику, т. е. это всегда определенное множество. Именно по качественному критерию оцениваются элементы множества, и по качественному критерию выделяется эталонная единица. Таким образом, в этой конструкции форма ед. ч. (*Muhumaa ja Saaremaa* в примере (83); *Jüri* в примере (84)) указывает на единичность (элемент множества), а форма мн. ч. — на дискретное множество. На единичность, выделенную из множества, указывает и тот факт, что в предложениях такой структуры может быть употреблено слово *üks* ‘один’⁶³: *Jüri on üks minu paremaid sõpru* ‘Юри — **один** из моих самых лучших друзей’.

В русском языке значительный интерес представляют выражения с формами мн. ч.: *пойти в солдаты, постричься в монахи* или *служить в солдатах, быть в монахах* или *происходить из солдат, выйти из монахов*. Сочетаний такого рода в русском языке довольно много (*сидеть в девушках, взять в жены, пойти в гости* и т. п.). Особенностью этих сочетаний является то, что всегда речь идет только о лицах, при этом о лицах, которые объединены какой-то социальной ролью. Д. С. Ворт считает, что формы мн. ч. в этих примерах указывают на совокупность однородных предметов (*солдаты, монахи* не в значении «множество солдат, множество монахов», а как «обозначения отдельных, нечленимых объектов: родов деятельности, «солдатства» и «монашества»») [Ворт 1998: 10; Успенский 2004: 27–28]. Б. А. Успенский уточняет, что «слово *солдаты* в выражении *пойти в солдаты* выступает, как нам кажется, не как обозначение вида деятельности (название профессии), но как обозначение всей совокупности людей, характеризующихся таким образом» [Там же]. Совокупность, по словам автора, может состоять и из одного элемента (*взять*

⁶³ Ср. с конструкциями с формами элатива: „*Kas sa selja peal sugugi lebada ei saa? küsis üks naistest* (PL.EL) *haigelt* (Kivirähk) ‘А ты на спине вообще лежать не можешь? — спросила **одна из женщин** больного’.

в жены). Сочетания, о которых идет речь, имеют ограничения не только на лексическое значение входящих в него имен (значение социальной роли), но и формальные ограничения. Ср., например, невозможность замены предлога: *пришел из гостей* (совокупность) и *убежал от гостей* (множество конкретных гостей). Существительные в форме мн. ч., представляющие совокупность, исключают индивидуализацию: *он пошел в солдаты*, но **он пошел в бравые солдаты* [Там же: 29–31]. С одной стороны, такие сочетания можно трактовать как случаи выражения соотношения «часть – целое» (или «единичный элемент» – «множество / совокупность») либо говорить об особом представлении множества. Последнее можно проиллюстрировать примером из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» (пример Б. А. Успенского [Там же: 42]). На вопрос Пьера Безухова «*Ты кто же, солдат?*» Платон Каратаев отвечает: «*Солдаты Апшеронского полка*». Как нам кажется, в этом случае употребление формы мн. ч. репрезентирует часть множества таким образом, что множество обозначает любую свою часть.

В русском языке имеются примеры употребления форм мн. ч., которые в современном языке употребляются редко: *животики надорвали*, *сидеть в головах постели*, *сказать в сердцах*; *ходить в шелках*, *в соболях*, *в енотах*; *сидеть в креслах*; *на радостях*, *в грустях* [Там же: 33–35]. Форма мн. ч. у тех имен, которые обычно не употребляются в формах мн. ч., возможна, только если они указывают на значение нерасчлененного множества («обобщенного нерасчлененного множества»). При этом можно выделить случаи полисемии и для «грамматики устойчивых сочетаний», например: часть тела — пространство (*сидеть в головах*)⁶⁴, название животного — мех животного (*в соболях*). Форма мн. ч. в таких контекстах не указывает на количественные отношения.

Выводы

1. В эстонском и русском языках имеются падежно-числовые формы, которые специфическим образом передают количественные отношения. Несчетные существительные в русском языке в форме ед. ч. второго родительного падежа, в эстонском языке в форме ед. ч. партитива указывают на неопределенное количество вещества (качества, если речь идет об отвлеченных именах). Значение неопределенного количества иногда представляется как значение «части от целого», что не всегда очевидно (*он выпил чаю* скорее понимается как неопределенное количество чая). В русском языке формы второго родительного в экзистенциальных предложениях способны передавать значение большого количества.

2. Считаемые предметы в эстонском языке в формах мн. ч. партитива указывают на неопределенное количество, обозначая неопределенное

⁶⁴ На материале эстонского языка об этом см. [EKS 2017: 327].

нерасчлененное множество (*kasel oli lehti*). О том, что множество представляется как нерасчлененное, свидетельствует форма ед. ч. глагола-сказуемого (ср. в русском *людей было много*). В эстонском языке качественный признак, выраженный в позиции предикатива в форме мн. ч. партитива (при таких предметах) также указывает на неопределенное количество признака и неопределенное количество предмета – носителя признака (*kaarte on musti*).

3. В эстонском языке форма мн. ч. партитива имени с определением в позиции предикатива указывает на расчлененное определенное множество (*Jüri on paremaid sõpru*). Имя в позиции подлежащего репрезентируется как часть этого множества, единичность, выделенная из множества.

В русском языке значение нерасчлененной множественности может обозначаться формами мн. ч. в специфических сочетаниях типа *постричься в монахи, служить в солдатах*. В таких употреблениях множеством обозначается любая его часть.

4. КВАНТИТАТИВНОСТЬ В КВАНТИТАТИВНОЙ И ИМЕННОЙ ГРУППАХ

Количественное значение обычно приписывается имени, но в некоторых случаях будет эффективнее рассматривать его в синтагматике, например, в составе количественной группы. Структура группы может зависеть от лексико-грамматического разряда имени. Конкретные существительные могут употребляться с числительными и словами нумеральной семантики (*две книги – kaks raamatut*), со счетными словами (*пара брюк – paar pükse*). Вещественные и отвлеченные имена употребляются со словами-дозификаторами (*чашка чаю – tass teed*), со словами-партитиваторами (*кусок торта, lõik juubelitorti* ‘кусок юбилейного торта’), со словами-кванторами (*передать гласности часть информации – avalikustada osa informatsiooni*). В передаче количественных значений оказывается важным порядок слов, ср. *пять человек* и *человек пять – viis inimest* и *inimest viis*, когда с изменением порядка слов нумеральная группа начинает обозначать приблизительное количество.⁶⁵

Некоторые лингвисты называют числительные в составе таких конструкций нумеративами, числительные и счетные слова как один класс слов — квантитативами, а конструкции с квантитативами — квантитативными (количественными) группами [Чеснокова 1992; Акуленко 1990]. Отношения в нумеральной группе (NumN) осложняются тем, что в одной синтаксической позиции (например, требующей оформления в номинативе / именительном падеже) числительное управляет существительным, в другой позиции форма числительного согласована с формой существительного. Сказанное характерно как для русского, так и для эстонского синтаксиса. Нумеральная группа отличается от именной группы в числовом поведении компонентов:

пять (SG) *столов* (PL) – *большие* (PL) *столы* (PL);
viis (SG) *lauada* (SG) – *suured* (PL) *lauad* (PL).

В русском языке формы числа возможны только для порядковых числительных и для слова *один*, в эстонском количественные числительные могут иметь форму мн. ч.:

<i>kahe</i>	<i>käärid</i>
два.PL.NOM	ножницы.PL.NOM
‘две пары ножниц’	

⁶⁵ Возможное сочетание двух числительных тоже передает значение приблизительности: *человек пять-шесть, viis või kuus liitrit vett* ‘пять или шесть литров воды’. Другой пример: в атрибутивной конструкции в русском языке обратный порядок также передает значение приблизительности: *часу в шестом*.

В NP (N–N) числовая форма может меняться не только у имени, называющего считающиеся предметы, но и у имени (включая переносное употребление имени), обозначающего количество: *гора тел – горы тел*.

Именные группы с атрибутивным компонентом имеют свои особенности в числовом поведении конститuentов.

Далее мы рассмотрим отдельно, как числовое поведение конститuentов в квантитативной группе и в NP с атрибутивным компонентом влияет на выражение количественных отношений.

4.1. Квантитативность в квантитативной группе

Грамматики русского языка, определяя категориальное значение количественных числительных, выделяют два значения: значение числа и значение количества [РГ 80: 573; Виноградов 1972: 233], два значения (те же значения числа и количества) выделяются и в толковых словарях [МАС, БТС]⁶⁶. Значение числа передает абстрактное значение, закрепленное конвенционально в системе счета. Значение количества реализуется как значение количества предметов при сочетании с существительным в квантитативной группе. Количественные числительные противопоставлены порядковым. Порядковые числительные по структуре и синтаксическим свойствам во многом подобны прилагательным (подробно см. [Чеснокова 1992: 27–43, 82–85]) и обозначают признак предмета в счетном ряду. В состав квантитативной группы могут входить и слова других частей речи с количественным значением.

В аспекте количественной характеристики значение единичности передается в случае «числительное *один* + существительное» и «порядковое числительное + существительное». Количественные числительные, кроме *один*, в сочетании с существительным передают значение определенного (нумерального⁶⁷) множества предметов. В отличие от количественных числительных, порядковые в любом случае указывают на единичный элемент счетного ряда. В этом плане порядковые числительные, указывая на количество элементов множества в ретроспекции, обозначают только последний элемент счетного ряда. *Пятый в пятый этаж* указывает, что этажей представлено в ситуации как минимум пять (при этом нам неизвестно, есть ли шестой этаж). Таким образом, значение количественных числительных можно определить как обобщающе-ограничительное, а значение порядковых числительных — как выделительно-обобщающее: «числительное *семь* обозначает, что в этом элементе объединено семь единиц и сообщение ограничивается только этим числом из всей системы», а порядковое числительное *седьмой* выделяет один элемент, в котором

⁶⁶ Значение числа и количества выделяется и в словарях эстонского языка для эстонских количественных числительных [EKSS].

⁶⁷ Т. е. указание на количество, соотносимое с рядом натуральных чисел.

обобщаются все предыдущие элементы [Там же: 29]. В этом отношении количественное значение числительных можно сравнить со значением кванторных слов: называя один элемент системы, указывать на наличие самой системы (ср. *каждый, все*) [Там же]. Количественное значение числительных анализируется «внутрисловно»: «без влияния семантики тех слов, с которыми они сочетаются» [Там же: 30]. Мы, однако, считаем, что вне количественной группы, без существительного это значение содержит только указание на абстрактное число, собственно количество актуализируется как предметное количество и связано с указанием предметов, подвергаемых счету.

Слово *один*, счетные существительные с числовым значением *тысяча, миллион, миллиард*⁶⁸ имеют формы мн. ч. Форма мн. ч. числительного *один* противоречит лексическому значению этого слова, она употребляется только под влиянием формы мн. ч. существительного в количественной группе. Лексическое значение единичности становится ограничительным фактором на сочетаемость числительного: оно сочетается только с именами *pluralia tantum* и с именами, называющими парные предметы: *одни брюки, одни сумки; в одни руки, одни сапоги* в значении «одна пара сапог». В других употреблениях *одни* переходит в разряд неопределенных местоимений или ограничительных частиц:

(85) Жили в старину **одни люди**, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей. (М. Горький) (пример Чесноковой [Там же: 37])

(86) **Одни физики** пользовались автономией. (Д. Гранин)

Формы мн. ч. существительных *тысяча, миллион, миллиард* в составе количественных NP выражают значение неопределенного множества:

(87) По Тверской шли **тысячи людей**, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. (М. Булгаков)

(88) **Миллионы людей** живут, работают и абсолютно счастливы. (С. Довлатов)

(89) Русские леса трещат под топором, гибнут **миллиарды деревьев** <...> (А. Чехов)

Значение неопределенно-большого количества в эстонском языке передают количественные группы с числительными *sada* 'сто', *tuhat* 'тысяча'⁶⁹, *miljon* 'миллион', *miljard* 'миллиард', при этом *sada, tuhat, miljon* употребляются в форме как ед. ч., так и мн. ч., *miljard* употребляется в форме мн. ч., а *tuhat* в сочетании с *üks* (*tuhat ja üks* 'тысяча и один / одна') (примеры из [EKSS], перевод — Л. М.):

⁶⁸ Существительные *тысяча, миллион, миллиард* рассматриваются в этом разделе в качестве квантитативов, хотя не всеми исследователями они включаются в разряд числительных. А. А. Реформатский писал: «Здесь любопытнее всего то, что *тысячу* в орбиту числительных русский язык не принял» [Реформатский 1960: 390].

⁶⁹ А также составное числительное *tuhat ja üks* 'тысяча и один'.

- (90) Mul on täna ees **sada** (SG.NOM) pakilist asja.
У меня сегодня еще **сто** срочных дел.
- (91) Selle kohta võib tuua **sadu** (сто.PL.PART) näiteid.
Про это можно привести **сотни** примеров.
- (92) Perenaisel on **tuhat** (SG.NOM) tegemist, toimetust.
У хозяйки **тысяча** дел, хлопот.
- (93) Seal saab **tuhandete** (PL.GEN) viisi kalu püüda.
Там можно тысячью способов рыбу ловить.
- (94) Tal on iga päev lahendada **tuhat** (SG.NOM) ja **üks** (SG.NOM) küsimust.
Ему приходится каждый день решать **тысячу** и **один** вопрос.
- (95) Tuleb närviline linn **miljoni** (SG.GEN) askelduse, **miljoni** (SG.GEN) tarkuse ja **miljoni** (SG.GEN) narrusega. (Valton)
Будет беспокойный город с **миллионом** хлопот, **миллионом** премудростей и **миллионом** нелепостей.
- (96) Maarõues leidub **miljoneid** (PL.PART) **tonne** (PL.PART) maaki.
В недрах земли **миллионы тонн** руды.
- (97) Taevas paistis **miljardeid** (PL.PART) tähti.
В небе можно видеть **миллиарды** звезд.

Значение неопределенно-большого количества могут передавать количественные группы с числительным *kümme* 'десять' в форме мн. ч. (как простое числительное, так и в составе составных числительных: *kümneid* (PL.PART) *kordi* 'десять раз', *kümneid* (PL.PART) *miljoneid* (PL.PART) *kodanikke* 'десять миллионов граждан'):

- (98) Saksamaa ja teiste riikide arhiivides tuhandeid lehekülgi läbi töötanud ning **kümneid** (десять.PL.PART) tunnistajaid üle kuulanud kaitsepolitsei töötajad ei leidnud mingeid tõendeid, mis seostanuks Männilit inimsusvastaste kuritegudega. (EstonianRC)
Сотрудники полиции безопасности, изучив тысячи страниц в архивах Германии и других стран и допросив **десятки** свидетелей, не нашли фактов, подтверждающих причастность Мяннили к преступлениям против человечества.
- (99) Kunagi olevat Tallinna vaimuhaiglas olnud üks inimene, kes mõtles välja **kümneid** (десять.PL.PART) keeli koos grammatika ja sõnavaraga, valdas neid vabalt ja suutis eriliste probleemideta ühest keelest teise tõlkida. (EstonianRC)
Был когда-то в таллинской больнице для душевнобольных один человек, который придумал **десятки** языков с грамматикой и словарем, свободно владел ими и мог без особых проблем переводить с одного языка на другой.
- (100) **Kümned** (десять.PL.NOM) **tuhanded** (тысяча.PL.NOM) meeleavaldajad **võtsid** (3PL) esmaspäeval üle kontrolli riigi suuruselt teises linnas Ošis, ülestõusnute poole läks üle ka kogu kohalik miilits. (Eesti Päevaleht, 22.03.2005)
В понедельник **десятки тысяч** демонстрантов **взяли** под контроль Ош, второй по величине город в стране, на сторону восставших перешла вся местная милиция.

Приведенные примеры показывают, что в эстонском языке количественные числительные употребляются в формах мн. ч. в таких контекстах, где в русском языке употребляются существительные *десятки, сотни*⁷⁰. Квантитативные группы, указывающие на неопределенно-большое количество, очевидным образом ограничивают предел, до которого будет действовать правило «the larger the numeral in a subject numeral phrase, the smaller the chance of it taking a plural predicate», которое имеет, казалось бы, логическое объяснение: «The groups which we quantify with larger numbers are the groups which are less individuated and conversely are more likely to be viewed as a unit» [Corbett 2004: 216–217; Kulikov 2004: 128]. Другими словами, вероятнее *сто девушек пришло – пять девушек пришло*, чем *сто девушек пришло – пять девушек пришло*. Как нам кажется, приведенное выше утверждение Г. Корбетта недостаточно убедительно. Мы считаем, что на выбор числовой формы предиката может влиять «форма» числительного, которая может быть противопоставлена форме мн. ч. квантификатора (*миллионы, тысячи; sada 'сто', tuhat 'тысяча', miljon 'миллион'*). В первом случае нумеральная группа NumN указывает на определенное (большое) множество, в последнем количественная группа NN — на неопределенно-большое множество: *сто девушек пришло – сотни девушек пришло*; пример (100) в эстонском языке⁷¹. Различное представление количественных характеристик субъекта находит свое отражение в числовой форме предиката.

Порядковые числительные могут иметь формы мн. ч.:

- 1) как согласовательные формы в сочетании с именами pluralia tantum: *пятые сутки, вторые очки*;
- 2) как обособленное значение «десятилетия»: *двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые годы*;
- 3) при счете групп: *первые десять дней, вторые пять рублей*;
- 4) в составе дробных числительных как субстантивированные формы: *две пятых*;
- 5) в сочетаниях *первые этажи, восьмые классы* для обозначения множества предметов с порядковым признаком: *Судьба сжалилась над школьниками: из-за какой-то конференции четвертые и пятые уроки отменили* (В. Крапивин)⁷²;

⁷⁰ На количество указывают и такие существительные, как *пара, тройка, двойка, десяток* и др., которые, следует помнить, могут иметь омонимы (*семейная пара, фракная пара, русская пара*) [Богданов et al. 2013: 320].

⁷¹ Ср. примеры в русском языке в [Corbett 2004: 213]: *вошло пять девушек – вошли пять девушек*, когда обе числовые формы допустимы.

⁷² Примеры пункта (5) отличаются от примеров в пункте (3) тем, что в (5) представлено множество предметов, имеющих порядковый признак, а в (3) порядковый признак присваивается всей группе. Ср. по аналогии с примером (106) *четвертые рюмки* и *Сказали после четвертой рюмки пойдут домой, а уже вторые четвертые рюмки...*

- 6) в устойчивых сочетаниях *первые блюда, вторые блюда*, в которых значение порядкового числительного «затушевывается»⁷³;
- 7) при счете-перечислении *одни / первые, третьи*: *Одни производят ингредиенты, другие смешивают, третьи рекламируют, четвертые продают, пятые перепродают* (Р. Сенчин);
- 8) в предикативных сочетаниях: *Николаевы в списке двадцать восьмые* (пример из [Чеснокова 1992: 39–43]); *Чехи закончат турнир на последнем, четвертом месте, шведы — третьи* (Коммерсант, 05.05.2019) [Там же: 40–42].

Материал эстонского языка показывает совпадение в употреблении форм мн. ч. Исключение составляют названия дробных чисел (определяемые в эстонских грамматиках как дробные числительные), в которых знаменатель дроби выражается формой ед. ч. Примеры употребления форм мн. ч. порядковых числительных:

- 1) как согласуемая форма с именами *pluralia tantum* и именами, которые обозначают «комплекты»:
- (101) **Esimesed** (PL.NOM) kirjalikud (PL.NOM) andmed (PL.NOM) kalmistust pärinevad 1445. aastast. (Eesti Päevaleht, 06.06.2004)
Первые письменные данные о кладбище датируются 1445 годом.
- (102) Mustlasele on teised paberid (PL.NOM), arstil **kolmandad** (PL.NOM). (Ene Mihkelson)
 У цыган другие бумаги, у врача — **третьи**.
- (103) Need olid **kolmandad** (PL.NOM) huuled (PL.NOM), mida ta elus suudelnud oli, aga ikka veel mitte Gretheli omad. (Indrek Hargla)
 Это были **третьи** губы, которые он целовал в жизни, но это не были губы Грете;
- 2) как обозначение десятилетий: *kuuekümnendate* (PL.GEN) *keskel* ‘в середине **шестидесятых**’, *kuuekümnendatel* (PL.ADE) *aastatel* ‘в **шестидесятые** годы’;
- 3) при счете групп:
- (104) Ma ei ütle oma meestele, et sõitke **esimesed** (PL.NOM) kolm kilomeetrit reserviga. (Eesti Päevaleht, 11.02.2002)
 Я не скажу своим спортсменам, чтобы они ехали **первые** три километра не в полную силу.
- 4) как обозначение групп предметов с порядковым признаком: *esimesed* (PL.NOM) *korrused* (PL.NOM) ‘**первые этажи**’;

⁷³ Ср. также *третьи петухи, первые и вторые скрипки, третьи лица, третьи страны*. Формы мн. ч. порядковых числительных, развивающие неколичественные значения, оказываются более частотными. Ср. в эстонском языке: *kolmandad* (PL.NOM) *osapooled* (PL.NOM) ‘*третьи стороны*’, *kolmandatest* (PL.EL) *allikatest* (PL.EL) *kuulma*, *kolmandetelt* (PL.EL) *kuulma* ‘*услышать из третьих источников (от третьих лиц)*’, *esimesed* (PL.NOM) *ja teised* (PL.NOM) *viulid* ‘*первые и вторые скрипки*’.

- (105) Endine kultuuriminister Paet lubas ju kõik tingimused luua, et kõik **kolmandate** (PL.GEN) klasside (PL.GEN) õpilased õpiksid ujuma. (etTenTen)
 Бывший министр культуры У. Паэт ведь обещал, что создаст все условия для того, чтобы ученики всех **третьих** классов научились плавать.
- (106) Meil olid meie **neljandad** (PL.NOM) pitsid (PL.NOM) parasjagu täis kal-latud ja sakummisuutäis valmis pandud ja me pilgutasime teineteisele üle oma klaaside silma. (Jaan Kross)
 У нас уже были как раз **четвертые** рюмки наполнены, и вкусная закуска приготовлена, и мы подмигивали друг другу через бокалы;
- 5) в устойчивых сочетаниях, в которых у числительных значение порядка утрачивается: *kolmandates* (PL.IN) *maades* (PL.IN) ‘в третьих странах’, *kolmandad* (PL.NOM) *riigid* (PL.NOM) ‘третьи государства’, *kolmandad* (PL.NOM) *jõud* (PL.NOM) ‘третьи силы’, *kolmandad* (PL.NOM) *isikud* (PL.NOM) ‘третьи лица’;
- 6) при счете-перечислении:
- (107) Ühed elavad kiviajas, teised keskajas, **kolmandad** (PL.NOM) — post-modernses ajastus. (Kalle Käsper)
 Одни живут в каменном веке, другие — в средневековье, **третьи** — в эпоху постмодернизма’;
- 7) в предикативной функции: *Eesti bridžimehed kolmandad* (PL.NOM) ‘Эстонские игроки в бридж — **третьи**’.

В русском языке сочетаемость с количественными числительными можно считать отличительным признаком предметных имен. Некоторые имена *pluralia tantum* сочетаются с количественными числительными (*пять суток*, *пять ножниц*), но они не сочетаются в формах именительного и винительного падежа с числительными *два*, *три*, *четыре*, а также с составными числительными, оканчивающимися на *два*, *три*, *четыре*. В этих случаях используются собирательные числительные (*двое суток*, *двое ножниц*).

Собирательные числительные, как известно, имеют жесткие ограничения на сочетаемость с существительными. Кроме *pluralia tantum*, они сочетаются с именами, называющими лиц мужского пола (*семеро братьев*), детенышей (*семеро козлят*), парные предметы (*двое сапог*), с личными местоимениями (*двое нас*, *трое вас*). Б. А. Успенский отмечает, что собирательные числительные в русском языке представляют считае-мые предметы как «общую совокупность», «единую массу», «как множество однородных объектов, которые не отличаются друг от друга, и поэтому такие конструкции оказываются неуместными по отношению к людям, занимающим привилегированное положение в обществе. Как отмечает М. В. Ломоносов, «сие употребляется только о людях, и то по большей части низких, ибо неприлично сказать: *трое боярь*, *двое архіереевъ*, но: *три боярина*, *два архіерея*» [Успенский 2004: 39–40].

В эстонском языке количественные числительные в составе квантитативной группы с именем *pluralia tantum* употребляются в форме мн. ч.:

kolmed *püksid*
три.PL.NOM брюки.PL.NOM
'три пары брюк'⁷⁴.

Для такого числового оформления количественной группы необходимо, чтобы денотат(ы) поддавались счету. Для ранее (п. 2.7.2.) выделенных в числе имен *pluralia tantum* вещественных имен такое употребление в количественных группах будет невозможно. К именам *pluralia tantum*, для которых возможно сочетание с количественными числительными в форме мн. ч., относятся следующие группы существительных:

- 1) имена, обозначающие предметы, состоящие из двух частей: *püksid* 'брюки', *käärid* 'ножницы';
- 2) имена, называющие предметы, организованные в комплекты (в том числе парные): *kingad* 'ботинки, туфли', *kaaned* 'обложка';
- 3) имена, обозначающие группы людей, животных: *vanemad* 'родители', *kutsikad* 'щенки (про щенков одного помета)';
- 4) некоторые имена, обозначающие еду, блюда: *viinerid* 'сосиски (про порцию)', *küpsised* 'печенье';
- 5) события: *valimised* 'выборы', *olümpiamängud* 'олимпийские игры';
- 6) имена, обозначающие обряды, праздники: *ristsed* 'крестины', *talgud* 'толока';
- 7) сложные правила, инструкции [Муковская, Муковский 2016].

При употреблении имен, обозначающих предметы, состоящие из двух компонентов (1), в конструкциях NumPL–NounPL считаются эти предметы:

⁷⁴ В связи с возможностью эстонских числительных образовывать формы мн. ч. можно вспомнить об упорном нежелании лингвистов признавать категорию числа у русских числительных. «Наличие грамматической категории числа у слов, которые обозначают число лексическим своим значением, не имеет опоры в логике, оно излишне» [Супрун 1958: 3]. «Это все верно, но непонятно, так как не раскрыто: скачок от логики к числительным не имеет связующих звеньев; ведь отсутствие грамматической категории числа у слов *pluralia* и *singularia tantum* тоже факт, но факт иного рода: при них могут быть определения, согласуемые в числе. Идея о ненужности множительного числа для числительных в общей форме была сформулирована еще Г. Паулем: «In den flektierenden Sprachen ist der Plur. nicht durchweg erforderlich, wo es sich um Bezeichnung einer Mehrheit handelt» [Реформатский 1960: 388–389, сноска 4; Paul H. 1886: 224]. А также: «настоящие числительные (как грамматическая категория) не могут иметь:

- 1) множественного числа (вернее, стоят вне категории числа) <...>» [Реформатский 1960: 387]. Однако, как будет показано далее, мн. ч. числительного не всегда функционально сопоставимо с согласуемым атрибутом. Оно может актуализировать количественную характеристику структуры предмета или включенность предмета в другое множество.

kahed *uued* *püksid*
два.PL.NOM новый.PL.NOM брюки.PL.NOM

‘две пары новых брюк’;

при употреблении имен, обозначающих парные предметы, считаются пары этих предметов:

neljad *soldatisaapad*
четыре.PL.NOM солдатские сапоги.PL.NOM

‘четыре пары солдатских сапог’

(в отличие от, например, *neli saabast* ‘четыре сапога’). В случае употребления имен, у которых форма мн. ч. обозначает наборы, группы, серии, комплекты, считаются наборы, группы, серии, комплекты: *kahed kaksikud* ‘две двойни’ (т. е. четыре человека), *pakk kahtedest erinevatest küpsistest* ‘коробка двух разных (сортов) печенья’. В конструкциях NumPL–NounPL для считааемых объектов возможна реинтерпретация: несколько объектов могут представляться не просто как множество объектов, а как множество серий / комплектов объектов:

- (108) Samamoodi on **kahed** (PL.NOM) **hinnad** (PL.NOM) olnud nähtaval teisteski eurodele üle minevates maades, Austrias alates oktoobrist <...> (EstonianRC)
Также **две цены** / два вида цен указывались в других странах, переходящих на евро: в Австрии с октября <...> [Муковская, Муковский 2016: 56].

Т. е. *kahed* (PL) *hinnad* (PL) обозначают два способа представления цены (в евро и в местной валюте) в отличие от *kaks* (SG) *hinda* (SG.PART) ‘две цены’ (две различные цены товара). Другой интересный пример реинтерпретации значения «конкретный предмет → предмет, выделенный из множества и представляющий это множество»: **Kolmed** (PL.NOM) **nobelistiid** (PL.NOM) *teada* (*Horisont*, Nr. 6, 2006) ‘Стали известны лауреаты Нобелевской премии в трех номинациях’ [Там же]. При употреблении имен, обозначающих крупные события, праздники и обряды, считаются либо эти события / праздники / обряды, либо «серии, наборы» этих событий / праздников / обрядов: *kolmed* (PL.NOM) *jõulud* (PL.NOM) ‘три рождества’, *kolmed* (PL.NOM) *valimised* (PL.NOM) ‘три избирательных кампании’⁷⁵ (подробнее см.: [Там же]).

Значение собирательных имен, выражающих неделимое множество, препятствует их употреблению в прямом (первичном значении) с количественными и порядковыми числительными. Употребление с порядковыми числительными (например, с числительным *первый*) возможно, если у числительного развивается другое значение: *первая листва* — т. е. свежая, весенняя; не предполагается, что есть **вторая листва*, **третья листва*; *Nüüd jõuab teksti teekond näitlejate ja esimese publikuni* (draamateater.ee)

⁷⁵ Последний пример в русскоязычной прессе Эстонии так и отражается в текстах: *Ханимяги знает работу партии изнутри, ее членов, а также работал над тем, чтобы последние **трое выборов** прошли успешно* (rus.postimees.ee, 08.02.2021).

‘Теперь текст пришел к актерам и к **первой публике**’, но невозможно **teine publik* ‘вторая публика’, **kolmas publik* ‘третья публика’, если *publik* ‘публика’ выражает неделимое множество.

Например, в

<...> Iseseisvusdeklaratsioon oli kirjutatud mitmele publikule, kel on selgelt eristuvaid poliitilisi osalusi algavas rahvas <...> **Esimene publik** oli ameeriklased, kes jagunesid lojalistide ja patriootide vahel. <...> **Teiseks publikuks** oli Suurbritannia, nii selle inimesed kui ka valitsus. <...> **Kolmas publik** polnud vähem ilmne ja koosnes igast riigist <...> (et.howeverythingwork.com (20.09.2021))⁷⁶.

Декларация независимости была написана для нескольких аудиторий, у (каждой из) которых было четко отличающееся политическое участие в становлении народа <...> **Первая публика** — американцы, которые разделились между лоялистами и патриотами <...> **Вторая публика** — Великобритания, как ее народ, так и правительство <...> **Третья публика** — была не менее очевидна и состояла из всех стран <...>

публика представляется не как нечленимое множество, а как совокупность нескольких групп.

С отвлеченными именами могут сочетаться неопределенно-количественные слова⁷⁷ наречного типа: *немного внимания*, *мало гордости*, *много шума*; *vähe müra* ‘мало шума’, *palju õnne* ‘много счастья’, соответственно, вся именная группа передает значение неопределенного количества. Количественную характеристику может обозначать атрибут: *suurem tähelepanu* ‘больше внимания (большой.СОМР внимание)’, *vähema haridusega inimesed* ‘букв. люди с меньшим образованием’. В русском языке неопределенно-количественные слова (*сколько*, *много*, *мало*, *немного*) свободно сочетаются не только с отвлеченными именами, но и с конкретными, вещественными и собирательными: *много студентов*, *много воды*, *много денег*, в эстонском языке имена *palju* ‘много’, *vähe* ‘мало’, *pisut* ‘немного, чуть-чуть’, *natuke* ‘немного, чуть-чуть’, *veidi* ‘немного’ и под. квалифицируются как наречия меры и степени (*kvantiteedimäärsõna*) и употребляются в квантитативных группах с существительными названных классов: *palju inimesi* ‘много людей’, *vähe aega* ‘мало времени’, *Faizi tegi meile natuke mööblit — laua ja kolm tooli* (Olev Remsu) ‘букв. Фаизи сделал нам немного мебели — стол и три стула’ (подробнее см. [EKS 2017: 474–476; EKG 1993: 146–147]).

Современная тенденция употребления отвлеченных имен в формах мн. ч. не обязательно предполагает сочетаемость с порядковыми числительными: *Русская культура особенно чувствительна к универсальным обеспокоенностям человека (Патриарх говорит)* [Муковская 2020];

⁷⁶ На этот факт обратил наше внимание Х. Томмола.

⁷⁷ Кроме термина «неопределенно-количественные слова» используются еще «неопределенные числительные», «неопределенно-количественные числительные». См. об этом [Богданов et al. 2013: 323].

но **вторые / третьи обеспокоенности*. При этом сочетание *вторая любовь* — *teine armastus*, *первая любовь* — *esimene armastus* возможны, очевидно, потому, что здесь можно усмотреть сдвиг в значении слова, когда имеется в виду, например, «предмет, на который направлены чувства; события или период времени, связанный с чувством» или «увлечением»: *Hea toit on minu kolmas armastus* (eTGenTen) '*Хорошая еда — моя третья любовь*'. Выражение *первые обеспокоенности* в *выразить первые обеспокоенности*, на наш взгляд, может быть неудачной калькой с английского (*first concerns*), что достаточно характерно для языка официальных сообщений МИД РФ⁷⁸.

Вещественные имена в первичном своем значении не сочетаются с количественными числительными. Возможные употребления *два кофе* — *kaks kohvi*, *три молока* — *kolm piima* передают значение порции или дозы: *две чашки кофе, три бутылки молока / три пакета молока* или разные сорта: *различия двух чаев*.

Для параметрических имен (*метр, килограмм, литр, час* и др.), наоборот, характерна высокая сочетаемость с количественными числительными (*два метра ткани* — *kaks meetrit kangast*, *три килограмма сахара* — *kolm kilo suhkru*). Имена существительные с количественными числительными и параметрическими именами передают определенное количество вещества. В русском языке параметрические имена могут употребляться в форме мн. ч. в творительном падеже, обозначая при этом неопределенно-большое количество: *Она часами дремала у телевизора, почти не глядя на экран <...>* (В. Пелевин); *Вон Венеция опускается, но не метрами же в год...* (Э. Лимонов); *Пьет с утра до вечера, дурь курит и в бункер ее тащит килограммами* (З. Прилепин)⁷⁹.

В конструкциях NumN (*пять реп*) и NumNparamN (*пять килограммов репы*) отражаются особенности числового поведения существительных, которые связаны с интерпретацией значения имени в квантитативной группе и с особенностями самого имени (подробнее см. п. 2.8.).

4.2. Квантитативность в именной группе с прилагательным

Прилагательное, выражая признак, может содержать указание на интенсивность признака, которая реализуется в формах степеней сравнения. Степень выраженности признака как более / менее интенсивного проявляется в сравнении с нормой.⁸⁰ Значение большей интенсивности признака

⁷⁸ Такой «неудачный» выбор языковых средств, в действительности, является прагматически обусловленным, так как не допускает выбора вариантов при переводе на иностранные языки.

⁷⁹ В эстонском языке такое значение передается при помощи специальной конструкции с послелогом (*tundide kaupa, tundide viisi, tundide pikku, tunniviisi* — *часами; килокара, kilode viisi* — *килограммами*).

⁸⁰ Так же, как и в ситуации с неопределенно-количественными словами (*много, мало*).

выражается как простыми (*добрый – добрее; ilus ‘красивый’ – ilusat ‘красивее’*), так и аналитическими формами (*добрый – более добрый; ilus ‘красивый’ – kõige ilusat ‘самый красивый’*); значение меньшей интенсивности признака выражается аналитически (*менее добрый*). Аналитические формы обычно не сочетаются с количественными показателями. В эстонском языке значение меньшей интенсивности признака выражается также аналитически:

- (109) Teisipäeval võtab seal päikest umbes viis paljast perekonda, kaks üksikut vanemat meest ja mõned ujumispükstega või püksteta noormehed, sekka mõned **vähem häbelikud** üksikud naised. (Postimees, 11.07.1997)
Во вторник там нагишом загорает около пяти семей, двое одиноких пожилых мужчин и несколько молодых людей, в купальных плавках или без, и вдобавок несколько **менее стыдливых** одиноких женщин.
- (110) Kui on kaalukamaid ja **vähem kaalukaid** põhjuseid. (Nigov)
Если есть весьма веские и **менее веские** причины.
- (111) Mihhail Lotmanil on õigus, kui ta ütleb, et eesti kirjanduses on mehed andekamad, aga nad ei jõua kuhugi, naised on **vähem andekad**, aga saavad suurtteks. (Nigov)
Михаил Лотман прав, когда говорит, что в эстонской литературе мужчины более талантливы, но они ничего не добиваются, женщины **менее талантливы**, но становятся значительными (представителями в литературе).

Интенсивность признака представляет категорию градуальности (или признаковой количественности). Традиционно считается, что прилагательные не могут выражать предметную количественность. Числовые формы прилагательных являются согласовательными. Л. А. Брусенская писала, что «не признаки могут быть единичными и множественными, а предметы» [Брусенская 1990: 60]. Л. Д. Чеснокова приводит пять примеров, которые демонстрируют соотношение числовых форм прилагательных и существительных в NP и могут поставить под сомнение аргумент о непредметной количественности прилагательных:

- 1) имя существительное имеет форму мн. ч. и обозначает множество предметов, имена прилагательные имеют формы ед. ч. и образуют ряд однородных членов: *русский и украинский языки; Ростовская, Волгоградская и Воронежская области*. Каждое из прилагательных обозначает признак, присущий только одному элементу из множества предметов. Числовая форма существительного обозначает множество предметов, количество прилагательных (признаков) указывает на точное количество предметов («два языка»; «три области»);
- 2) имя существительное имеет форму ед. ч. и передает обобщенное значение, имена прилагательные имеют формы ед. ч.: *В этой школе изучают русский и английский язык*. Форма числа существительного не указывает на количество предметов, эту функцию берет на себя

- прилагательное. Количество прилагательных (названных признаков) указывает на количество предметов («два языка»);
- 3) имена существительные имеют форму ед. ч., имя прилагательное имеет форму мн. ч. и указывает на множественность признака. Количество существительных указывает на количество предметов: *новые роман и повесть*.
 - 4) в сочетании с неизменяемыми существительными имя прилагательное может указывать на множество предметов: *черное такси – черные такси*;
 - 5) примеры типа *три высоких тополя, три высокие тополя*⁸¹, в которых форма мн. ч. указывает на множество предметов [Чеснокова 1992: 140–142].

Аргументы автора можно интерпретировать следующим образом. Примеры (1, 3, 5) представляют собой примеры, в которых числовая форма прилагательного не совпадает с формой определяемого существительного. Если признать омонимию форм единственного и множественного числа существительного *такси* в примере (4) (что отличается от интерпретации Л. Д. Чесноковой) и историческую обусловленность формы ед. ч. существительного в (5), то примеры (1, 2, 3) свидетельствуют в пользу «предметности» количественной характеристики признака: в (1, 2) количество реализации признака названо лексически⁸², в (3) — выражено грамматически формой мн. ч.

В конструкциях с согласованными формами прилагательных количество реализаций признаков совпадает с количеством предметов (значение неопределенного количества): количество реализаций признака совпадает с количеством предметов (*белые лилии* — «каждая из лилий белая») или один признак реализуется для множества предметов (*разноцветные шары*: «разноцветные» является признаком для всей группы шаров).

В ряде случаев числовые формы прилагательных «не указывают ни на количество реализуемых признаков, ни на количество предметов»:

- 1) в сочетании с *pluralia tantum*, обозначающими парные предметы (*острые ножницы, солнцезащитные очки*);
- 2) в сочетании с вещественными *singularia* и *pluralia tantum* (*свежее молоко, свежие сливки*);
- 3) в сочетании с существительным, имеющим обобщенно-собирательное значение: *Я детского глаза люблю выраженье* (Н. Некрасов);
- 4) в сочетании с собирательными существительными (*бедное зверье*) [Там же: 143].

⁸¹ Пример Л. Д. Чесноковой *три высокие тополя* едва ли может рассматриваться в пределах нормы современного русского языка и скорее должен приводиться «под звездочкой».

⁸² Для выражения количественности может использоваться сочинительный ряд, например: *Где ребята? — На песочке. — Сколько их? — Сынок и дочка* (Н. Дилакторская) (пример Л. Д. Чесноковой; подробнее о выражении количественности с использованием сочинительного ряда: [Чеснокова 1992: 151–158]).

Однако это положение можно сформулировать точнее: количественное значение именной группы определяется характеристиками существительного. В каждом из приведенных четырех случаев именно «неуказание» на количество предметов в числовой форме существительного приводит к тому, что вся именная группа «не указывает» на количество предметов.

В эстонском языке, аналогично русскому примеру *новые роман и повесть*, имеется семантическое согласование в числе прилагательного и ряда однородных существительных: *Pikakasvulised* (PL.NOM) *Jüri ja Peeter seisid tagumises reas* (пример из [EKS 2017: 627]) '*Рослые Юри и Пеэтер стояли в заднем ряду*'; *punapäised* (PL.NOM) *poiss ja tüdruk* (пример из [Там же: 629]) '*рыжеволосые мальчик и девочка*'. Однако синтаксис эстонского языка допускает и прилагательное-определение в ед. ч. при однородных определяемых-существительных в ед. ч. (формальное согласование):

- (112) Tal on väike (SG.NOM) maja (SG.NOM) ja aed (SG.NOM). (пример [Там же: 628–629; Erelt 2015: 9])
У него маленький дом и сад.

Это предложение может быть понято и как «У него маленькие {дом и сад}» (пример 113), и как «У него {маленький дом} и {сад}» (пример 114):

- (113) Tal on [väike maja] ja [∅ (=väike) aed].
У него [маленький дом] и [∅ (=маленький) сад].
- (114) Tal on [väike maja] ja [aed].
У него [маленький дом] и [сад].

Подробнее особенности выбора числовой формы прилагательного-определения при однородных существительных-определяемых см. в [EKS 2017: 628–629; Erelt 2015].

Стратегия числового оформления в русском примере *В школе преподаются русский и английский язык* имеется и в эстонском языке, например: *Roheline* (SG.NOM) *ja punane* (SG.NOM) *kleit* (SG.NOM) *meeldisid* (3PL) *Marile hallist rohkem* (пример из [EKS 2017: 206]) '*Зеленое и красное платье понравились Мари больше серого*'. Мы бы хотели обратить внимание на тот факт, что для обоих языков в лингвистических описаниях в основном приводятся примеры, в которых именные группы с однородными определениями являются синтаксическим субъектом и сказуемое выражено формой мн. ч. Расхождения между эстонским и русским языками будут проявляться, если определение в NP выражается генитивной формой существительного:

- (115) *Eesti* (SG.GEN) *ja Soome* (SG.GEN) *president* (SG.NOM) *kohtusid* *Hel-sinkis* [EKS 2017: 206].
Президенты Эстонии и Финляндии встретились в Хельсинки.

В русском языке форма ед. ч. в таком словосочетании невозможна. Фраза *президент (SG) Эстонии и Финляндии* будет пониматься как «президент

Эстонии одновременно является президентом Финляндии». В эстонском языке на множественность субъекта указывает форма мн. ч. сказуемого [Erelt 2015; Erelt].

Isa ja ema pilt olid pärit
Отец.SG.GEN и мать.SG.GEN фотография.SG.NOM быть.3PL родом
sajandi algusest.
 век.SG.GEN начало.SG.EL

‘**Фотографии** отца и матери на стене были начала века’

и

Isa ja ema pilt oli pärit
Отец.SG.GEN и мать.SG.GEN фотография.SG.NOM быть.3PSG родом
sajandi algusest.
 век.SG.GEN начало.SG.EL

‘**Фотография** отца и матери на стене была начала века’

Вместе с этим в эстонском языке возможно числовое оформление NP, аналогичное оформлению в русском языке:

- (116) **Eesti** (SG.GEN) ja **Soome** (SG.GEN) **välisministrid** (PL.NOM) kirjutasid kolmapäeval Helsingis alla koostöömemorandumile [EKS 2017: 631] (см. также [Erelt 2015: 14]).

Министры иностранных дел Эстонии и Финляндии подписали в среду в Хельсинки меморандум о сотрудничестве’

где определяемое существительное имеет форму мн. ч. Форма мн. ч. в примере (116) не допускает двойного толкования. Выражение множественности референта в таких конструкциях возможно даже в именах собирательных:

- (117) TÜ Üliõpilaskonna Sihtasutuse esimehe Priit Lombi sõnul on tegemist valgepõhjalise musta triibuga tekliga, mida kasutavad (3PL) ka Soome ja Rootsi **üliõpilaskonnad** (PL.NOM). (ut.ee)

По словам председателя целевого учреждения «Студенчество ТУ» Приита Ломпа, речь идет об университетской фуражке с белой тульей и черным окольшем, которую носит также **студенчество** Финляндии и Швеции⁸³.

М. Эрелт отмечает, что неисчисляемые обычно имена (*majandus* ‘экономика’, *poliitika* ‘политика’) также могут употребляться в форме мн. ч. в конструкциях с однородными генитивными определениями (*Analiütikute sõnul on Itaalia ja Hispaania majandused* (PL.NOM) *ilmselt juba languses* ‘По словам аналитиков, экономика Италии и Испании очевидно уже на спаде’) [Erelt 2015: 15]. Нам кажется, что в данном конкретном случае стоит учитывать, что *majandus* ‘экономика’ употребляется в форме мн. ч. и за пределами таких конструкций, например: *Eriti oluline on see väikeste*

⁸³ Наша языковая интуиция подсказывает, что перевод на русский язык «*носят студенты Финляндии и Швеции*» лучше.

majanduste (PL.GEN) *puhul, nagu seda Eesti oma kindlasti on* ‘Это особенно важно в отношении малых экономик, к которым несомненно относится экономика Эстонии’ (Postimees, 20.09.1997). Хотя именно дистрибутивный контекст характерен для употребления форм мн. ч. этого имени.

Семантическое согласование определения и квантитативной группы выражено в следующем примере:

<i>järgmised</i>	<i>viis</i>	<i>päeva</i>
следующий.PL.NOM	пять.SG.NOM	дней
‘следующие пять дней’;		

но в косвенных падежах согласование будет формальным:

<i>järgmise</i>	<i>viie</i>	<i>päeva jooksul</i>
следующий.SG.GEN	пять.SG.GEN	день.SG.GEN в течение
‘в течение следующих пяти дней’		

<i>järgmisel</i>	<i>kahel</i>	<i>päeval</i>
следующий.SG.ADE	два.SG.ADE	день.SG.ADE
‘в следующие два дня’. ⁸⁴		

Выводы

1. Числовое поведение имен взаимодействует не только с семантикой имени, но и с «малым синтаксисом». В главе рассмотрены квантитативные группы с числительными и именными группы с атрибутивными прилагательными. Структура группы зависит от семантических характеристик имени. Счетные имена сочетаются с количественными числительными, несчетные — с квантификаторами (счетными словами). Несчетные имена употребляются со словами-дозификаторами, словами-партитиваторами, словами-кванторами.

2. Числительные обозначают предметное количество, когда входят в квантитативную группу; числительное вне квантитативной группы обозначает абстрактное число; нумеральные группы с количественными числительными обозначают определенное количество. Квантитативные группы с формами мн. ч. слов (*tuhat*, *miljon*, *miljard*; *kümme* ‘десять’, *sada* ‘сто’, *tuhat* ‘тысяча’, *miljon* ‘миллион’, *miljard* ‘миллиард’) выражают значение неопределенного множества и способны передавать значение большого количества (*tuhandeid inimesi* – *тысячи людей*), которое дублируется в форме мн. ч. предиката (если количественная группа выражает субъект).

3. Порядковые числительные указывают на единичный элемент счетного ряда. Формы мн. ч. порядковых числительных употребляются со счетными *pluralia tantum* (*viis päeva* – *пять дней*; *teised prillid* – *вторые очки*), при

⁸⁴ Аналогично прилагательным ведут себя в таких конструкциях и числовые формы порядковых числительных.

счете групп (первые десять дней; *esimesed kolm kilomeetrit* 'первые три километра'), для обозначения множества объектов с порядковым признаком (третьи классы – *kolmandad klassid*); в предикативной функции (Комаровы в очереди четвертые; *Eesti bridžimehed kolmandad* 'бриджисты Эстонии – третьи'); а также в устойчивых сочетаниях (третьи лица – *kolmandad isikud*), при счете-перечислении (первые пришли, вторые ушли – *esimesed tulid, teised läksid*), при обозначении десятилетий (шестидесятые – *kuuekümnendad*).

4. В русском языке выделяется класс собирательных числительных, которые имеют ограничения на сочетаемость с существительными и могут передавать стилистические особенности в тексте.

5. В эстонском языке количественные числительные в форме мн. ч. сочетаются со счетными *pluralia tantum* и могут обозначать определенное количество сложных предметов (*kahed püksid* 'две пары брюк'), пары предметов (*neljad soldatisaapad* 'четыре пары солдатских сапог'), наборы / комплекты (*kahed viinerid* 'две порции сосисок'), сложные «многоактные» или полисубъектные события (*kahed jõulud* 'два рождества').

6. В русском языке параметрические имена в форме мн. ч. в творительном падеже могут обозначать неопределенно-большое количество.

7. Прилагательные в сочетании с существительными не только дублируют указание на количественность (в своей согласованной числовой форме), но способны восполнять информацию о количестве предметов: указывать на определенное количество (*изучают русский и украинский языки, ta õpin saksa ja rootsi keelt* 'я учу немецкий и шведский язык'; *изучают русский и украинский язык, roheline ja punane kleit* (SG.NOM) 'зеленое и красное платье'), указывать на множественность признака (*новые роман и повесть; rünapäised* (PL.NOM) *poiss ja tüdruk* 'рыжеволосые мальчик и девочка'). В контексте с двумя множествами, каждое из которых выделяет по элементу и эти элементы качественно тождественны, в эстонском языке, в отличие от русского, допускается форма ед. ч. элемента-репрезентанта: *Eesti ja Soome president* (SG) 'президенты Эстонии и Финляндии'. В принципе речь идет о дистрибутивном контексте, представленном в специфической посессивной конструкции:

президент Эстонии и президент Финляндии ⇒ *президенты (Эстонии и Финляндии)*.

В отличие от русского языка, в эстонском языке в таких контекстах допускается форма мн. ч. собирательных имен: *Soome ja Rootsi üliõpilaskonnad* (PL.NOM) 'студенчество Финляндии и Швеции. Возможность употребления имени в форме мн. ч. в таких контекстах может стать методом выяснения особенностей семантики собирательных имен в описании эстонского и русского языка: ср. *студенчество* (SG) *Финляндии и Швеции*, но **студенчества* (PL) *Финляндии и Швеции*, при этом *народы* (PL) *Азии и Африки*. Иными словами, в классе собирательных имен могут быть имена,

репрезентирующие разную собирательность: *group nouns* и *aggregate* [Jackendoff 1991]. Рассматриваемый тип контекста может стать тестовой площадкой для дальнейшего изучения класса собирательных имен в эстонском языке и более детального рассмотрения спектра значений, передаваемых некоторыми дериватами (например, с аффиксом *-kond*).

8. В русском и эстонском языках инверсия в квантитативной группе (*пять человек – человек пять; viis inimest – inimest viis*) обозначает приблизительное количество.

5. КВАНТИТАТИВНОСТЬ И ДИСТРИБУТИВНЫЙ КОНТЕКСТ

И. Пете в работе 1981 г. отмечает, что «дистрибутивная множественность выражает определенное, приблизительное или неопределенное количество предметов или действий, приходящихся на каждого при распределении кого-либо / чего-либо, например: *Ученикам дали по книге. Да у него в каждой стране по жене. Пчелы покусали детей*» [Пете 1981: 57]. Средствами выражения дистрибутивности могут выступать конструкции с существительными, местоимениями, числительными; на дистрибутивность могут указывать предикаты (собственно-дистрибутивные глаголы с приставками *пере-, о-/об-, по-, раз-*: *переломал все игрушки, обошел всех своих больных, пчелы покусали детей, всем разнесли по чашке чаю*; суммарно-дистрибутивные глаголы совершенного вида: *пассажиры повыскакивали*; длительно-дистрибутивные глаголы несовершенного вида с приставкой *раз-* и суффиксом *-ыва-/ива-, -ва-*, имеющие значение «распространять действие в разных направлениях» или «проводить время за каким-н. занятием с оттенком неторопливости в его совершении»: *по бульвару разгуливают парочки*), длительно-дистрибутивно-взаимные глаголы с приставкой *пере-*, с суффиксом *-ыва-/ива-, -а-/я-* и с постфиксом *-ся*, означающие повторяемость действия, происходящего между несколькими субъектами: *он переругивался с соседом*). Показателем дистрибутивности может быть ситуация или контекст: *Лучшие индейки дают свыше 100 яиц* (т. е. каждая индейка дает по 100 яиц) [Пете 1981].

Для контрастивного анализа выражения предметной дистрибутивности наибольший интерес представляют способы выражения «дистрибутивности объекта распределения» [Там же: 57]. И. Пете выделяет следующие конструкции: с предлогом *по* (*У каждого ворот стояло по часовому. Мы выпили по стакану*) и формы беспредложного творительного падежа во мн. ч. (*Она продает яйца десятками*) для обозначения совокупной множественности [Там же: 58–59]. Как дистрибутивные трактуются автором и конструкции с местоимением *каждый* или с предлогом *на, через, с*, в которых обычно употребляются формы ед. ч. (*Вес каждого насоса — сто двадцать тонн. На одного хищника приходится примерно 250 копытных. Он бреется через день*) [Там же: 59–60].

В грамматике русского языка именная дистрибутивность рассматривается обычно в связи с контекстной синонимией форм ед. и мн. ч. [Зализняк, Падучева 1997], которая допускается в контекстах, когда «одинаковые» предметы распределены таким образом, что каждому обладателю принадлежит по **одному** экземпляру. «Объекты распределения в русском языке — как и в других индоевропейских языках — обычно употребляются во мн. ч.» (*Дипломаты с женами явились на прием. Женщины в вечерних платьях, мужчины во фраках явились на бал. Когда придворные бояре и дворяне пришли поздравить Петра с приездом, он ножницами обрезал у них бороды и длинные полы кафтанов. В Москве холодно и все носят*

ушанки) [Пете 1981: 60–61]. Замечание И. Пете о том, что в русском языке имя предмета распределения оформляется обычно мн. ч., однако, нуждается в уточнении. В русском языке допускается употребление форм ед. ч.: *Советники надели на нос очки*. Слово *нос* употреблено в дистрибутивном значении «для каждого свой» [Зализняк, Падучева 1997: 8].

И. Пете выделяет несколько факторов (контекстных характеристик), которые могут влиять на форму числа существительного — предмета распределения. В русском языке чаще встречается дистрибутивное ед. ч., если «обращается внимание на одинаковость предметов для всех или же на единичность предметов у каждого» (*Купцам Петр разрешил носить бороду*). В предложении *Они сидели, заложив перья за ухо* форма ед. ч. подчеркивает единичность, форма мн. ч. (*заложив перья за уши*) указывала бы, что перья заложили за оба уха. Форма ед. ч. употребляется в побудительных конструкциях *Наклоните голову вперед!* Форма мн. ч. в *Опустите руки!* говорит о том, что упражнение нужно выполнять обеими руками, однако такое объяснение, на наш взгляд, не совсем подходит для некоторых примеров. Например, в *Ноги соедините!* форма ед. ч. просто невозможна, так как глагол *соедините* требует множественного объекта.

Числовая форма существительного может быть закреплена в идиоматических сочетаниях [Якимова 1969: 173]: *заткнуть рот, чесать затылок*; хотя автор приводит примеры, которые свидетельствуют о том, что форма не всегда закреплена во фразеологизмах жестко: *Я решил идти к ней и сорвать с нее маску ~ Он будет выводить всех на чистую воду, срывать с интриганов маски; Китаец и рот разинул ~ К удивлению Никиты, отец начал так лгать, что мужики только рты разинули* [Пете 1981: 60–61].

Правила выбора числовой формы для дистрибутивных контекстов попыталась установить М. М. Бурас [Бурас 2008]. Материалом для исследования М. М. Бурас послужили 130 предложений из художественных текстов (195 дистрибутивных употреблений существительных). Автор выделяет четыре признака, от которых зависит, какая форма — ед. или мн. ч. — будет выбрана для существительного – объекта распределения. Для понимания теоретического обоснования М. М. Бурас признаков выбора числовой формы уточним некоторые термины. Объекты распределения обозначаются как X. Объекты, между которыми распределяются X, обозначены как Y. Ситуации, когда одному Y принадлежит один X, называются ситуациями одно-однозначного распределения. Рассмотрим концепцию, предложенную М. М. Бурас.

Первый признак устанавливает, фиксировано ли в ситуации одно-однозначное соответствие между объектами X и Y (т. е. является ли ситуация такой, что одному Y соответствует один X). Если нет, то выбирается форма мн. ч.:

- Пришедши в кухню, все (Y) несшие гроб начали прикладывать руки (X) к печке.

Второй признак учитывает наличие кванторного слова (*каждый, всякий, любой*) при Y в условиях ситуативного одно-однозначного соответствия. Если кванторное слово имеется, то X имеет форму ед. ч.:

- Каждый (Y) вынул из кармана (X) своего деревянную ложку.⁸⁵

Третий признак учитывает, связаны ли X и Y внеситуативным соответствием. Если нет, то X имеет форму мн. ч.:

- Одни (Y) расходились по домам из класса со своими ранчиками (X) за плечами <...>

Четвертый признак учитывает, имеется ли между X и Y одно-однозначное соответствие. Если такое соответствие устанавливается, то X оформляется взаимозаменяемыми формами ед. или мн. ч.:

- Казаки (Y) приподняли уже совсем понурившиеся было головы (X) и многие одобрительно кивнули головой (X) [Там же: 62–65].

Первый, второй и третий признаки оказываются релевантными и для эстонского языка, хотя требуют комментариев. Для первого признака в ситуации, не предполагающей одно-однозначного соответствия элементов, т. е. когда между элементами Y распределено множество объектов X таким образом, что на каждый Y приходится не один, а несколько объектов X, так же, как и в русском языке, употребляется форма мн. ч. — собственно, это и есть основное категориальное значение мн. ч.:

- (118) **Põdrapullid** (PL.NOM) kuulsid Malini mängu ja ristasid **sarvi** (PL.PART). (Karen Orlau)

Сохатые услышали игру Малина и скрестили **рога**.

- (119) **Kolm kunagist rindemeest** ajasid end kükkimast üles, vaatasid üksteisele otsa, asetasisid **käed** (PL.NOM) sõprade õlgadele ja kõigi kolme silmad hakkasid tilkuma. (Aarne Biin)

Три бывших фронтовика поднялись с корточек, посмотрели друг на друга, положили **руки** на плечи друзей и у всех троих глаза заслезились.

Употребление в таком случае форм мн. ч. объясняется гораздо проще. См. пример И. Пете выше (*заложить перья за ухо ~ заложить перья за уши*). Как следует из этого примера, форма ед. ч. выделяет один объект из множества (в данном случае парных предметов), форма мн. ч. обозначает множество. Примеры для эстонского языка:

- (120) Keit Pentus-Rosimannus: **tõstke käsi** (SG.NOM), kes arvavad, et üleilmsed kliimamuutused tähendavad Eesti jaoks eelkõige soojemat ilma. (Postimees, 23.05.2018)

Кейт Пентус-Розиманнус: **поднимите руку**, кто думает, что изменение климата во всем мире означает для Эстонии прежде всего более теплый климат.

⁸⁵ Эти конструкции описаны в [Зализняк, Падучева 1997].

Ср.:

- (121) Samast asendist tõstke **käed** (PL.NOM) üles, siis laske need alla. (на занятии йогой)
В этом положении поднимите **руки** вверх, затем опустите.

Если ситуация предполагает установление одно-однозначного соответствия между X и Y, то при наличии кванторного слова (*каждый, всякий, любой*), когда речь идет о ситуации второго признака, выбирается форма ед. ч. (аналогично в русском языке):

- (122) Plika tuhlas vaari majapidamises, et leida nuga, sest **igal** õigel **poisil** oli **nuga** (SG.NOM) **taskus** (SG.IN), ning tema tahtis poiss olla. (Andres Vanapa)
Девчонка переворошила все хозяйство деда, чтобы найти нож, потому что у **каждого** настоящего **мальчишки** был **нож в кармане**, а она хотела быть мальчишкой.
- (123) **Igaüks** kummardus oma **taldriku** (SG.GEN) kohale ja nohises omaette. (Jaan Kruusvall)
Каждый наклонился над своей **тарелкой** и сопел сам по себе.

Третий признак предполагает установление внеситуативной связи между Y и X. Если X и Y не связаны постоянными внеситуативными отношениями, то для X выбирается форма мн. ч.:

- (124) Mõõdujate nägudel peegeldusid usk ja lootus, turuputkad ja pargis mängivad lapsed, rõõsa taga õlut jooivad mehed ja **turistid** (PL.NOM) raskete **kottidega** (PL.COM) **autodesse** (PL.IN) ronimas. (Piret Bristol)
На лицах прохожих отражались вера и надежда, будки на рынках и играющие в парке дети, пьющие пиво за кустами мужчины и **туристы** с тяжелыми **сумками**, залезающие в **машины**.
- (125) Ehmunud sipelgatena paiskusid **külaelanikud** (PL.NOM) oma **majadest** (PL.EL) välja, tormasid omakorda teisi hoiatama ning vähem kui tunni-ga teadis kogu küla, mis neid ootab <...> (Andrus Kivirähk)
Как испуганные муравьи ринулись **жители деревни** из своих **домов**, бросились теперь предупредить других и менее чем через час вся деревня знала, что ждет их <...>

Ситуации четвертого типа не предсказывают выбор числовой формы, а только допускают, что при одно-однозначном внеситуативном соответствии возможны как формы ед. ч., так и формы мн. ч. В связи с этим возникают вопросы, каковы же критерии, определяющие «внеситуативность» одно-однозначного соответствия, и действительно ли числовые формы в этом случае будут взаимозаменяемы.

В целом, обращаясь к проблеме выбора числовой формы существительного в дистрибутивном употреблении, можно упомянуть только один формальный фактор среди всех названных признаков, который однозначно определяет выбор в пользу формы ед. ч.: это употребление кванторного слова *каждый / любой / всякий*. Эти кванторные слова выделяют Y из множества и X, таким образом, соотносится не столько со множеством

элементов Y, сколько с выделенным (можно сказать «единичным») объектом Y. В этом случае важным фактом является то, что выделенным называется именно объект Y, в обратной ситуации, когда выделенным является объект X, — для X избирается форма мн. ч. И. И. Ревзин предлагает следующее объяснение: прилагательные при X способны выделять, индивидуализировать объект и тем самым делают форму ед. ч. в таком контексте невозможной:

(126) Женщины бросились в воду как были — в богатых, празднично расцвеченных **юбках**;

при невозможном варианте **в богатой, празднично расцвеченной юбке* [Ревзин 1969: 107].

При таком подходе (исключив ситуации с Y, «выделенным» из множества) можно говорить только о том, что:

- 1) в русском и эстонском языках в дистрибутивном контексте в ситуации «у каждого Y по несколько X» существительное, называющее X, имеет форму мн. ч.;
- 2) в русском и эстонском языках в ситуации «у каждого Y по одному X» допускается употребление как формы мн. ч., так и формы ед. ч.;
 - а) в русском и эстонском языках в побудительных предложениях предпочтительнее форма ед. ч. (*откройте учебник! – avage õpik!; vaadake vihikut (SG.PART)! ‘посмотрите в тетрадь!’*);
 - б) в ситуации, когда для соответствия «у одного Y по одному X» подчеркивается «одинаковость» X, в русском языке обычно употребляется форма ед. ч. X: *Все офицеры явились в парадной форме* — парадная форма у офицеров разных родов войск может быть разной, но у каждого своя однотипная (анализ этого примера см. в [Пете 1981: 60–61]).

Хотя (2б) имеет в эстонском языке (и в русском языке тоже, если обратить внимание на форму числа в тексте перевода на русский язык в примерах 127, 128) контрпримеры:

- (127) Peaaegu kõigil **poistel** (PL.ADE) olid seljas **sõduripluused** (PL.NOM), jalas kalifeed, ehkki minu teada on sõda ammu möödas. (Olev Remsu)
Почти на всех **мальчиках** были **гимнастерки**, галифе, хотя, насколько мне было известно, война давно закончилась.
- (128) **Ärimehed** (PL.NOM) olid nagu ärimehed ikka: valged **pluused** (PL.NOM) seljas ja **lipsud** (PL.NOM) ees. (etTenTen)
Бизнесмены были как бизнесмены: **белая рубашка** и **галстук**.
- (129) Kui on oodata külalisi ja neid käib siin tihti – tõmbavad **daamid** (PL.NOM) juba hommikul selga täpilsed **pluused** (PL.NOM) ja pikad **seelikud** (PL.NOM) ning pähe **mamslimütsid** (PL.NOM). (etTenTen)
Когда ждали гостей, а они бывали здесь часто, **дамы** уже с утра надевали **блузы** в горошек, длинные **юбки** и **чепчики**.

Примеры числовых форм существительных X в дистрибутивном употреблении в случае одно-однозначного соотношения кореферентных имен X и Y (один X приходится на один Y), когда X и Y связаны внеситуативно, чаще всего предсказуемо представлены названиями частей тела (для X) [Ляшевская 2004: 290]. Нами было рассмотрено употребление соматической лексики в дистрибутивных контекстах на материале русского и эстонского языка [Муковская 2020; Муковская 2021a in print]. В «таких контекстах встречаются наименования единственной части тела (органа) человека (случаи одно-однозначного кореферентного соответствия) и наименования парных частей тела (органов) человека (случаи неодно-однозначного соответствия). К неодно-однозначным соответствиям относятся также случаи дистрибутивного употребления наименований частей тела (органов) человека, которые представляют своего рода «комплекты» (например: *пальцы, зубы*), т. е. имеются у человека в количестве больше, чем два [Муковская 2020: 159]. Несмотря на рекомендации нормативных справочников и грамматик употреблять форму ед. ч., так как мн. ч. «может восприниматься в значении множества предметов, принадлежащих одному лицу» [Шелякин 2001: 36] (см. также [Розенталь 1974: 131]), собранный нами методом сплошной выборки материал [НКРЯ] контекстов с дистрибутивным употреблением имени *голова* (150 употреблений; одно-однозначное кореферентное соотношение) и имени *ухо* (100 употреблений; неодно-однозначное кореферентное соотношение) показывает, что формы мн. ч. имен в дистрибутивном употреблении представлены в предложениях в следующих случаях:

- 1) с предлогами *в, на, над* в локативных конструкциях: *какой коктейль из мифов и глупостей гнездится в их головах* (А. Маринина); *те дюжие каприйские бабы, что носят на головах чемоданы и сундуки порядочных туристов* (И. Бунин);
- 2) в объектных сочетаниях: *гости всё чаще задирают головы* (В. Распутин);
- 3) в деепричастных оборотах (что противоречит выводу О. Н. Ляшевской (см. [Ляшевская 2004: 305]):

(130) Мужики отхлынули от центра, вздымая руки, хором мощно выдохнули «хха» и, **склонив головы**, снова рванулись к середине, хватая друг друга за плечи, за локти. (С. Юрский)

Исключение составляют устойчивые сочетания (*очертя голову*)⁸⁶ и случаи, когда Y обозначает четко выделенную группу лиц, отделенную (отличную) от другой группы:

⁸⁶ О том, что в устойчивых сочетаниях, например *строить глазки* и *положить глаз; подарить на зубок* и *положить зубы на полку* числовая форма оказывается закрепленной, писала А. К. Поливанова [Поливанова 2008: 40]. В связи с этим автор в своей работе задает обоснованный вопрос: стоит ли грамматику фразеологизмов включать в грамматику, «ориентированную на фиксацию общих правил и закономерностей»? [Там же]

(131) **Иные парни** уже по-хозяйски, открыто нежились, **положив голову** в ласковые женские колени (В. Астафьев);

4) в атрибутивных сочетаниях с предлогом *с*: **они приезжали в город, в своих ярких халатах, с головами, обмотанными тряпками** (пример из [Муковская 2021а]). Форма ед. ч. *с головой* отсылала бы, скорее всего, к *голове* в совсем другом значении (не как к конкретной «физической» части тела). Ср. пример Е. В. Рахилиной: *человек с головой* ≈ *человек с умной головой* [Рахилина 2008: 50]. Ед. ч. *с головой* свойственно также контекстам со значением «полноты охвата действия» (*укрыться с головой одеялом, погрузиться с головой в науку*);

5) в контекстах, которые подчеркивают множественность объектов, например, при включении таких слов как *одновременно, друг друга*: *Нам ничего не приходило в головы одновременно* <...> (Г. Горин) [Муковская 2020: 160–162]. Очевидно, к такого типа контекстам следует отнести употребление формы мн. ч. *головы* в позиции подлежащего (особенно в составе цепочки однородных членов): *У здешних жителей и головы, и зубы, и глаза собачьи* (М. Шишкин) (пример из [Муковская 2021а]).

Форма ед. ч. для *X* оказывается закрепленной во фразеологических оборотах (*хоть кол на голове теши; приходиться в голову; склонить голову – в значении «уступить; подчиниться»*), в сочетаниях меры и степени (*вооруженные с головы до ног*); в контекстах с экзemplицирующим значением⁸⁷, где невозможна конкретная референция имени:

(132) И одевались они с некоторой примесью белорусской одежды: под пиджаком рубаха навывпуск с косым вырезом и узким воротником, вышитым красной тесьмой, на женщинах — короткая кофточка со шнуровкой, плотно облегающая грудь, синяя или красная юбка, фартук, **на голове** платок (А. Рыбаков) [Муковская 2020: 161–162].

При анализе числовых форм имен соматической лексики в дистрибутивном употреблении в эстонском языке следует также отделять «грамматику» устойчивых сочетаний. Такие сочетания, как *rähe õppima* ‘выучить наизусть’, *peast minema* ‘вылететь из головы’, *peas olema* ‘помнить’ – *rähe rapema* ‘надеть (про головной убор)’ – *peast võtma* ‘снять (про головной убор)’, *peast teadma* ‘знать наизусть’, *peast arvutada* ‘считать в уме’; *poorest peast* ‘по молодости’, *kainest peast* ‘на трезвую голову’; фразеологический оборот *tuhka rähe raputama* ‘посыпать голову пеплом’ не имеют предметно-конкретной референции или их предметно-конкретная референция проблематична. Были исключены случаи некорреферентного соотношения *X* и *Y*:

(133) Paljudel indiaalastel on kummaline kolpade ja **peade** (PL.GEN) kultus. (Indrek Hargla)

У многих индийцев есть культ черепов и **голов**.

⁸⁷ Об экзemplификации см. [Красильникова 1990: 83].

На материале эстонского языка всего было проанализировано более 300 примеров с существительным *pea* 'голова' в дистрибутивном употреблении. Примеры были собраны из современной художественной литературы, СМИ и из корпусов эстонского языка (Tasakaalus korpus; etTenTen; Plukirjandus). Анализ собранного материала позволил выделить некоторые тенденции в употреблении числовых форм. Случаи дистрибутивного употребления можно разделить на три группы: 1) форма в позиции обстоятельства или определения; 2) форма в позиции объекта; 3) форма в позиции подлежащего.

В позиции обстоятельства (после исключения сочетаний *peast võtma, pähe rapeta, peas olema* – снять, надеть, «быть надетым») существительное *pea* чаще всего употребляется в значении «вместилища» мыслей, чувств, знаний и представлений. Это значит, что в большинстве таких случаев довольно трудно говорить о конкретной референции и физическом объекте. Тем не менее, можно предполагать, что:

1) обычно употребляется форма ед. ч.:

(134) Sel puhul kuulevad haiged kohinat **peas** (SG.IN). (Eesti Arst, Nr 1, Jaanuar, 2002)

В этом случае слышат больные шум в **голове**.

(135) Inimestel on reklaamid **peas** (SG.IN), nendest räägitakse. (Eesti Päevaleht, 18.11.1997)

У людей в **голове** реклама, говорят о ней.

2) в обособленных обстоятельствах употребляется форма ед. ч.:

(136) Lauda tagant vahtisid lambad meid üle aediku, lollid näod **peas** (SG.IN). (Wimberg)

Из-за хлева пялились на нас из загона овцы, глупые морды (букв. глупые лица **на голове**).

3) в посессивных конструкциях употребляется форма ед. ч.:

(137) Kõikide **peas** (SG.IN) keerles üksainus küsimus: mille pärast meid viiakse, mis on meie süü? (Arno Kasemaa)

У всех в **голове** вертелся один и тот же вопрос: почему нас забрали, в чем наша вина?

4) в посессивных конструкциях, в которых подчеркивается, что посессор представлен как дискретное множество, употребляется форма мн. ч. Элементы этого множества имеют каждый свои «специфические» характеристики:

(138) Nende lahendamiseks vajalikud teadmised eksisteerisid kuni 1990ndate keskpaigani peamiselt programmeerimisfolklooris, **ekspertide** (PL.GEN) ja **arendajate** (PL.GEN) **peades** (PL.IN) või maetuna sügavale keerukasse lähtekoodi. (Arvutustehnika ja andmetöötlus, Nr 6, 2004)

Знания, необходимые для их решения, до середины 90-х существовали в основном в фольклоре программирования, в **головах экспертов и разработчиков** или были глубоко погребены в сложный исходный код.

- (139) Entroopia kasvab **teadlaste** (PL.GEN) **peades** (PL.IN) tunduvalt ohtlikumalt kui looduses. (Valton)
Энтропия растет ощутимо опаснее **в головах ученых**, чем в природе.
- (140) Oleksin tahtnud teada, kas **kõigi inimeste** (PL.GEN) **peades** (PL.IN) peitub midagi, mis neile hirmu teeb. (Viivi Luik)
Я бы хотел знать, **в головах всех ли людей** скрывается что-то, что пугает их.

В примере 138 сочинительный ряд (*экспертов и разработчиков*), в примере 139 — противопоставление (МНОЖЕСТВО ученых vs ОДНА природа), в примере 140 — сомнение, что у ВСЕХ (ИЛИ НЕ У ВСЕХ), репрезентируют неоднородность множества, на которое указывает посессор.

5) В конструкции с послелогом *kohal 'над'* в контекстах, где *pea* имеет значение физического предмета (части тела), обычно употребляется форма мн. ч.:

- (141) Need, kes avasid vihmavarjud, kuulsid **peade** (PL.GEN) **kohal** tasast krabinat. (Sass Henno)
Те, кто открыли зонты, слышали **над головами** тихий шорох.

Исключение составляют формы ед. ч. в абсолютных обстоятельственных оборотах (см. пункт 2 этих «правил»):

- (142) Ning tänavail jalutasid inimesed, vihmavarjud **pea** (PL.GEN) **kohal**. (Mait Raun)
И по улицам гуляли люди, зонтики **над головой**.

Если сочетание *pea kohal 'над головой'* употребляется в метафорическом контексте, то употребляется форма ед. ч.:

- (143) „Muidu on meil jälle kirves **pea** (SG.GEN) **kohal**, et mine tea, kes ostab ja mis siis jälle juhtuma hakkab,“ sõnas ta. (Maaleht, 02.01.2004)
А иначе у нас снова топор **над головой**, кто знает, кто купит и что снова произойдет.

В атрибутивной функции, а также в функции инструментального обстоятельства примеры «метафорического» употребления имеют форму ед. ч. (ср. наблюдение Е. В. Рахилиной, приведенное выше: *человек с головой*):

- (144) Vene kroonu vajab **peaga** (SG.COM) poisse. (Eesti Ekspress, 2001. Artikkel „15 aastat pärast Punaarmee“)
Российское государство нуждается в парнях **с головой**.
- (145) Kuidas on võimalik, et inimesed oma **peaga** (SG.COM) mõelda ei suuda. (Toomas Raudam)
Как так возможно, что люди не способны думать своей **головой**.

Если имя получает определение, то употребляется форма мн. ч. Определение индивидуализирует предмет (ср. анализ И. И. Ревзина, пример 96):

- (146) Ajalehed kirjutavad, et **valgete** (PL.GEN) **peadega** (PL.COM) inimesi jääb üha vähemaks ja vähemaks, noh, lahendus olemas. (Tasakaalus korpus)

буков. Газеты пишут, что с **белой головой** людей становится все меньше и меньше, ну, решение есть.

- (147) Tänavatel olid iga saja sammu taga valvurid väljas, jälgimas, et kõik ikka tõesti vaikides ja **paljastatud peadega** (PL.COM) paigal püsiksid. (Aarne Biin)

На улицах через каждые сто шагов были охранники, они следили, чтобы все оставались на местах молча и с **непокрытой головой**.

В позиции синтаксического объекта в дистрибутивном употреблении существительного встречаются формы как ед. ч., так и мн. ч.:

- (148) Kõik rääkisid kuidagi kurvalt ja vangutasid **päid** (PL.PART).

Все говорили как-то грустно и качали **головами**.

- (149) Me ei käi kirikus ka, just sellepärast ei käigi, et kirikus kõik muudkui vaatavad ja vangutavad **pead** (SG.PART). (Indrek Hargla)

Мы и в церковь не ходим, потому и не ходим, что в церкви все только смотрят и качают **головой**.

- (150) Kolm noort kotkaneidu ajasid **pea** (SG.GEN) viltu ja kehtasid edevalt oma tiibu. (Andrus Kivirähk)

Три молодые соколицы наклонили **голову** и кокетливо поджали свои крылышки.

- (151) Mõõdujad pöörasid **päid** (PL.PART) ja vaatasid, aga ei seganud vahele. (Leo Kunnas)

Прохожие поворачивали **головы** и смотрели, но не вмешивались.

Если существительное употребляется с местоимением *oma* 'свой', то обычно употребляется форма мн. ч.:

- (152) Kärstitumad peksavad **oma päid** (PL.PART) hüsteeriliselt vastu maad. (Veiko Belials, Marek Simpson)

буков. Более беспокойные бьют свои **головы** о землю.

- (153) Üha enam lihavaid ussikesi näitasid **oma päid** (PL.PART). (Karen Orlau)

Еще более тучные червячки показали свои **головы**.

В позиции подлежащего обычно встречаются два типа конструкции

ПОСЕССОР-ADE *pea*-PL (*kellel pead*)

или

ПОСЕССОР-GEN *pea*-PL (*kelle pead*)

Например:

- (154) Üks pilt tast on, seal ta istub, taluperemees oma naise ja nelja lapsega, kaks poega, kaks tütart, **isal** (SG.ADE) **ja poegadel** (PL.ADE) **pead** (PL.NOM) läikivalt kiilaks aetud, nagu siis kombeks. (Anton Nigov)

Есть одна его фотография, на ней он сидит, хозяин хутора со своей женой и четырьмя детьми: два сына, две дочки, **головы отца и сыновей** блестят побритые налысо, как положено.

(155) Uus juuksevärv ja kaubamajade läbikammimised koos sõbrannadega, nii pikad, et lõpuks valutavad **kõikide** (PL.GEN) **pead** (PL.NOM) päevavalguslampide kumast ja kirjutest kaubahunnikutest. (Eesti Ekspress, 2001. Artikkel „Unistused ja elu“)

Новый цвет волос и прочесывание торговых центров вместе с подружками, такое долгое, что под конец болит у **всех голова** от жара ламп дневного света и пестрых гор товара.

Употребление форм ед. ч. в дистрибутивных контекстах, как образно заметила А. Г. Пазельская, «незаконно», несеманлично, ведь контекст предполагает множество объектов, обозначенных формой ед. ч. имени. «Числовая форма показывает не общее количество участвующих в ситуации объектов, а количество объектов, приходящееся на одного из участников ситуации» [Пазельская 2007].

Выводы

1. Имена существительные в эстонском и русском языках в дистрибутивных контекстах допускают употребление в формах ед. ч. и мн. ч., однако о контекстной синонимии форм можно говорить в ограниченном числе контекстов.

2. Не допускается употребление форм ед. ч. в русском и эстонском языках:

а) в контекстах, в которых имена – объекты распределения (X) обозначают множество предметов (не одно-однозначное распределение: по многу X распределено между многими Y),

б) в контекстах, в которых объекты распределения X (при одно-однозначном распределении: по одному X на каждый Y) не связаны с объектами Y внеситуативно.

3. В русском и эстонском языках имена – объекты распределения X имеют форму ед. ч., если распределены между Y, но имя Y имеет определение *каждый, всякий, любой* в русском языке, *iga* ‘каждый, всякий, любой’ в эстонском языке. Такого рода контексты допустимо рассматривать как «один X у одного Y» (т. е. не считать их в языковой репрезентации как дистрибутивные).

4. Синонимия форм ед. ч. и мн. ч. допускается в русском и эстонском языке только для контекстов «по одному X у каждого Y и Y обозначает множество». Синонимичное употребление форм может быть ограничено следующими факторами:

- 1) форма ед. ч. может быть закреплена в идиоматических сочетаниях;
- 2) форма ед. ч. обычно избирается при метафорическом употреблении имени (когда отсутствует конкретная референция X);
- 3) форма ед. ч. обычно избирается при употреблении имени для обозначения меры, степени, охвата, предела действия, признака, явления,

- 4) при выделении X из пары объектов обычно выбирается форма ед. ч. имени X ,
- 5) в контекстах обобщения, экземпляфикации (когда отсутствует конкретная референция X) обычно выбирается форма ед. ч. имени X ,
- 6) в эстонском языке в обособленных обстоятельствах обычно выбирается форма ед. ч. для имени X ,
- 7) в посессивных конструкциях в эстонском языке обычно выбирается форма ед. ч. для имени X ,
- 8) в побудительных предложениях обычно выбирается форма ед. ч. для имени X ,
- 9) если при X есть индивидуализирующий его атрибут, то для X выбирается форма мн. ч.,
- 10) если контекст содержит указание на множественность X (*одновременно, друг друга* в русском языке), то для X выбирается форма мн. ч.

В остальных случаях при возможном употреблении формы ед. ч. чаще выбирается форма мн. ч.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мере развития и совершенствования человеческого языка в целом отдельные языки, как разноструктурные, так и зачастую близкородственные, по-разному осмысливают и формализуют ту вселенную количественности, которая отражает их уникальную языковую репрезентацию мира.

Мы исследовали основные средства выражения количественности в грамматике имен существительных, прилагательных и числительных в русском и эстонском языках с точки зрения представления предметной количественности, поскольку именно предметная количественность, как отмечалось во Введении, вызывала наибольшее количество вопросов. В работе предложен анализ средств актуализации количественных значений в грамматической структуре русского и эстонского языков. Следуя заявленной цели исследования — теоретическому описанию категории количественности и форм выражения количественных значений имени в эстонском и русском языках — мы старались по возможности последовательно рассмотреть существующие концепции и подходы к описанию количественности и множественности, выявить и классифицировать признаки выделения классов имен, различающихся по числовому поведению, проанализировать грамматические средства обозначения предметной количественности. Мы стремились к возможно более подробному сопоставительному описанию грамматического выражения числового противопоставления в эстонском и русском языках, выявлению механизмов взаимодействия лексики и грамматики и, наконец, выяснению принципов взаимодействия грамматических средств актуализации количественных значений.

Материал для исследования собирался методом сплошной выборки из лексикографических источников русского и эстонского языков: Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой, Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, *Eesti keele seletav sõnaraamat* (Толковый словарь эстонского языка, в 6-и томах, 2009), *Eesti keele põhisõnavara sõnastik* (Словарь базовой лексики эстонского языка), *Eesti-vene sõnaraamat* (Эстонско-русский словарь, в 5-и томах), девятое исправленное издание *Eesti-vene sõnaraamat* (Эстонско-русский словарь) И. Тамма. В условиях стремительного развития эстонской онлайн-лексикографии мы не могли не использовать онлайн-версии словарей: EKSS (*Eesti keele seletav sõnaraamat*, 2009), EVS (Эстонско-русский словарь), PSV (*Eesti keele põhisõnavara sõnastik*), ÕS (*Eesti Õigekeelsussõnaraamat ÕS 2018*). Текстовый материал был собран из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], Russian Web 2017 (ruTenTen17), из корпусов эстонского языка: Estonian National Corpus 2019 (Estonian NC 2019), Tasakaalus korpus (Сбалансированный корпус эстонского языка), etTenTen19 (Интернет-корпус эстонского языка 2019), *Eesti keele koondkorpus* (Estonian RC 1990–2008). При работе с корпусными данными использовались корпусные менеджеры KORP,

Sketch Engine [Kilgarriff et al. 2004], а также порталы keeleveeb.ee и sõnavveeb. Также источниками текстовых материалов послужили произведения эстонской и русской художественной литературы, тексты СМИ, сайтов государственных органов РФ и ЭР, рекламных текстов на эстонском и русском языках.

Анализ существующих лингвистических описаний количественности демонстрирует значительные различия в терминологии и дефинициях вследствие различающихся методологических и практических установок авторов. Это обстоятельство не представляет сколько-нибудь значительной трудности при условии, что детализированный разбор языкового материала в рамках непротиворечиво выстроенной теоретической концепции решает проблему терминологической неоднозначности. С другой стороны, это вряд ли помогает в построении стройного и последовательного описания, прежде всего для целей сопоставительного, контрастивного, типологического представления результатов и их последующего использования. Актуальные лингвистические подходы к всестороннему описанию количественных отношений, равно как и наша попытка их систематизации и интеграции, достаточно подробно сформулированы в выводах к главе 1.

В работе показано, что исчисляемость / неисчисляемость — это характеристика, которая может быть присуща имени (его прототипической части), а может задаваться контекстом. В первом случае имя демонстрирует предпочтения в употреблении (одни имена чаще употребляются как исчисляемые, другие — как неисчисляемые), во втором исчисляемость / неисчисляемость имени может противоречить прототипу. Выделяемые М. Тийтс пять типов (дефектной) парадигмы имен в эстонском языке — это, на самом деле, пример сложного взаимодействия исчисляемости имени и исчисляемости контекста. К тому же, как показывает анализ материала, в эстонской дескриптивной лингвистике, на наш взгляд, остается нерешенным вопрос о критериях различения слова и формы слова в словоизменении, а также слова и основы слова в словообразовании.

Лексико-грамматические разряды слов в русском и эстонском языках имеют специфические особенности в употреблении числовых форм в контекстах различных типов. Числовое поведение ИС в эстонском и русском языках зависит от типа референции. ИС могут употребляться в формах мн. ч., если ИС не имеет уникальной референции изначально или утрачивает уникальную референцию в контексте. В обоих языках форма мн. ч. может задаваться гиперонимом-плюративом. В эстонском и русском языках утрата уникальной референции может трактоваться как метонимический перенос, при этом для эстонского языка не характерен перенос «личное имя автора ⇒ продукт творческого труда» в контекстах, актуализирующих расчлененную множественность предметов (ср. *левитаны висят*), в эстонском языке метонимический перенос «название бренда ⇒ продукт бренда» ограничивается типом дискурса. В обоих языках употребляется ассоциативное мн. ч. В эстонском и русском языках широко употребляются

формы мн. ч. т. н. условных ИС, более того, они чрезвычайно популярны в СМИ, особенно в политическом дискурсе и в массовой культуре.

Анализ собирательных имен в русском и эстонском языках позволяет говорить о развитии противоположных тенденций в «категории» собирательности этих языков. В русском языке много суффиксов собирательности, но открытых словообразовательных моделей мало; в эстонском (по сравнению с русским) словообразовательных моделей значительно меньше, но один аффикс *-kond* оказывается настолько продуктивным (сохраняя при этом свое значение собирательности), что можно говорить не столько об аффиксе, сколько о «маркере» собирательности в эстонском языке. *kond*-дериваты могут обозначать совокупности как одушевленных и неодушевленных объектов, так и пространства, а также обозначать множества дискретных объектов. Имена с суффиксом *-kond*, обозначающие пространства в составе предложенной классификации, позволяют предположить, что указание на множественность в языке может связываться с обозначением пространства и класс пространств может быть метонимически связан с классом множеств. Имена с *-kond* употребляются с предикатами, рассчитанными на множественность.

Возможности употребления форм мн. ч. для вещественных имен в русском и эстонском языках ограничены как в видовом (сортовом) значении, так и в значении большого количества (в эстонском языке, в отличие от русских *снега Килиманджаро* и *льды Арктики*, формы мн. ч. существительных *lumi* 'снег' и *jää* 'лед' обычно не употребляются). Если даже такая возможность для некоторых имен и существует, то это не означает автоматической употребимости такого имени в квантитативных группах. В современном русском языке нестандартное употребление форм мн. ч. свидетельствует о новой функции числа, прежде всего в рекламном и политическом дискурсе, с целью создания прагматически нестандартного коммуникативного эффекта (*Рады, что наши озабоченности были услышаны*).

В работе выделены такие значения мн. ч. в эстонском языке, как расчлененной и совокупной множественности. В квантитативных группах формы мн. ч. могут обозначать неопределенную количественность, неопределенно-ограниченную количественность, определенную количественность. Формы мн. ч. *pluralia tantum* могут обозначать парность предметов, комплекты, множественность в составе предмета или в структуре действия, совокупности.

В аспекте функциональной парадигмы имени в русском и эстонском языках можно выделить имена, имеющие употребительные формы ед. ч. и мн. ч., имена *singularia* и *pluralia tantum*, имена *quasi-tantum* (sg-ориентированные и pl-ориентированные), имена с неустойчивым оформлением числовых форм.

Лексические группы слов *pluralia tantum* в эстонском и русском языках совпадают. В обоих языках можно выделить категорию парности, которая включает некоторые предметные имена, составляющие комплекты, и некоторые *pluralia tantum*, имеющие свои особенности синтаксиса

количественной группы, сочетаемости с глаголом и употребления в идиоматически связанных сочетаниях.

В числе имен *pluralia tantum* есть имена, которые представляют множество предметов как наборы (комплекты). В таких случаях возникает мнимая корреляция по числу: *волос / волосы* с полной парадигмой числовых форм и *pluralia tantum* *волосы* (*волосы с челкой, волосы без пробора; lahtised kohevad juuksed* ‘распущенные пышные волосы’ при невозможном **lahtine kohev juus*).

Метафоричность употребления может влиять на выбор числовой формы (*kaalule panema* ‘поставить на весы’ в метафорическом употреблении не допускает формы мн. ч.).

В контексте выделенной единичности в эстонском языке выбирается форма ед. ч. для *pluralia tantum* в локативных падежах (*pulmad* ‘свадьба’, но *kellegi pulmas* ‘на чьей-то свадьбе’). В целом для эстонского языка в обстоятельственных конструкциях (функциях) характерны именно сингулярные формы имени. Имя может входить в семантическую структуру глагола и иметь синтаксические ограничения на внешние связи (*jalga panema* ‘надеть (букв. в ногу) про брюки или обувь’, *kätte panema* ‘надеть (букв. в руку) про перчатки’). Если *jalg* ‘нога’ получает конкретную референцию, то для обозначения пары ног употребляется форма мн. ч.: *jalgadele panep jalakreemi* ‘на ноги намажу крем для ног’).

Имена, называющие плоды растений, в эстонском и русском языках имеют особенности в аспекте исчисляемости. Собранные примеры показали, что в русском и эстонском языках при выборе числовой формы релевантными являются размер плода, способ употребления в пищу и способ произрастания. Семантические критерии, влияющие на выбор числовой формы, в большей степени проявляются в русском языке. В эстонском языке названия плодов, растущих под землей и употребляемых в пищу не целиком, а, например, в нарезанном виде, попадают в переходную зону имен, числовая форма которых зависит от контекста. В эстонском языке скорее следует говорить про различие контекстов, в которых отражается способ концептуализации объекта. Если плод концептуализируется как дискретный предмет («штука»), то числовая форма будет зависеть от синтаксической конструкции. В контекстах с недискретной концептуализацией — форма ед. ч.: *punase sibulaga* (SG.COM) *heeringafilee* ‘филе сельди с красным луком’. В обоих языках возможно употребление формы ед. ч., когда продукт представляется как гомогенная масса (т. н. единственное массы). В обоих языках в контексте глаголов *крошить, шинковать, чистить, мыть, kooriga* ‘счистить шкурку’, *pesema* ‘мыть’, *poolitama* ‘разрезать на две части’ названия плодов переходной группы имеют форму мн. ч., так как процесс «ручной обработки» предполагает действия, когда в руки берут по одному (корне)плоду: *koori paprikad* (PL.NOM) ‘почисти перцы’.

В эстонском языке имена более низкого уровня таксономии — названия сортов — в отличие русского не имеют ограничений на употребление

в форме мн. ч.: *valged klaarid* (PL.NOM) 'белый налив'. В эстонском языке имена *singularia tantum* могут употребляться в форме мн. ч. для передачи сорторазличительного (видового) значения (т. е. ведут себя как «обычные» вещественные имена *singularia tantum*): *erinevaid hirsse* (PL.PART) 'разное пилено'. Имена с двойным статусом, называющие крупные плоды, могут в составе квантитативных групп в значении «единственного массы» указывать на малое количество, а в форме мн. ч. — на большое количество: *1 kilo arbuusi* (SG.PART) '1 кг арбузов' – *tuhandeid kilosid arbuuse* (PL.PART) 'тысячи килограммов арбузов'.

В эстонском языке названия некоторых злаков, корнеплодов, овощей в локативных падежах в форме ед. ч. могут обозначать массовые посевы (пространства, связанные с этими растениями): *lapsed läksid hernesse* (SG.ILL) 'дети ушли в горох'. Названия ягод в локативных падежах в форме ед. ч. могут обозначать ограниченные пространства, где собирают ягоды: *käisime rabas murakal* (SG.ADE) 'Мы ходили на болото за морошкой'.

Имена с неустойчивым оформлением числовых форм (например, обозначающие пространства) в русском и эстонском языках могут иметь более сложное числовое поведение. В разных контекстах у пространственных имен в обоих языках могут актуализироваться разные варианты репрезентации пространства, что начинает влиять на выбор числовой и падежной формы (в границах / на границе – *piirides / piiril*).

Грамматические средства выражения предметной квантитативности в русском и эстонском языке включают не только категорию числа, но и взаимодействие последней с категорией падежа и с синтаксическими конструкциями (нумеральные группы, адъективные именные группы, именные группы с генитивным определением, экзистенциальные предложения, предложения с адъективной группой в предикативной части). В русском и эстонском языках имеются падежно-числовые формы (форма второго родительного, форма мн. ч. творительного в русском; партитив в эстонском), которые специфическим образом передают количественные отношения. Несчетные имена в ед. ч. в русском языке во втором родительном падеже, а в эстонском языке в партитиве указывают на неопределенное количество вещества / качества (представленного как субстанция). В таких — количественных — контекстах названные формы противопоставляются формам родительного падежа в русском и формам генитива в эстонском.

В обоих языках имеются синтаксические конструкции, специфическим образом указывающие на неопределенное нерасчлененное множество. В эстонском языке — это форма мн. ч. партитива в сочетании с глаголом-сказуемым в ед. ч., в русском — мн. ч. родительного падежа в сочетании с глаголом-сказуемым в ед. ч. (*Kasel oli lehti* (PL.PART) 'У березы были листья'; *людей было много*). В русском языке значение нерасчлененной множественности может обозначаться формами мн. ч. в специфических сочетаниях типа *постричься в монахи, служить в солдатах*. В эстонском языке форма мн. ч. партитива имени с определением в позиции предикатива указывает на определенное множество (*Jüri on paremaid sõpru* (PL.PART)

‘Юри один из лучших друзей’), синтаксис всего предложения репрезентирует имя-подлежащее как часть этого множества, единичность, выделенную из множества. В таких употреблении формы мн. ч. репрезентируют часть множества таким образом, что множество обозначает любую свою часть.

Количественное значение числительных актуализируется в нумеральных группах, в которых отношения между числительным и существительным и в русском, и в эстонском языке зависят от синтаксической позиции группы (например, связана с падежной формой числительного и имени).

В эстонском языке в контексте с двумя множествами, каждое из которых выделяет по элементу (и эти элементы соотносимы по одному признаку), допускается форма ед. ч. элемента-репрезентанта: *Eesti ja Soome president* (SG) ‘президенты Эстонии и Финляндии’. В дистрибутивных контекстах такого рода в русском языке возможна только форма мн. ч.

Формы ед. ч. могут передавать значение множественности в дистрибутивных контекстах в случае одно-однозначного кореферентного соответствия (между элементами Y распределены объекты X таким образом, что у каждого Y имеется по одному X), при этом X и Y связаны внеситуативно. Формы ед. и мн. числа не всегда контекстно взаимозаменяемы как в русском, так и в эстонском языке. Числовая форма может быть закреплена в идиоматических связанных сочетаниях. В контексте метафорического, обобщенного употребления имени в обоих языках обычно употребляется форма ед. ч. (*люди с головой* – *inimesed peaga*; *Muidu on meil jälle kirves pea* (SG.GEN) *kohal* ‘А иначе у нас снова топор над головой (в значении «угроза нависла»)»). В этих и других контекстах, не имеющих конкретной референции, обычна форма ед. ч. (для эстонского языка особенно характерны локативные обстоятельства в форме ед. ч. со снятой референцией: *palju inimesi on haiglas* (SG.IN) ‘много людей в больницах’). В контекстах, когда X или Y индивидуализируются (Y выражается сочинительным рядом; X имеет индивидуализирующее определение; имеются слова, предполагающие множественность *друг друга, одновременно*; предикаты, предсказывающие множественный объект *переломать, соединить, скрестить – ristama*), X имеет форму мн. ч. В русском языке обычно встречается ед. ч. при употреблении имени для обозначения меры, степени (*вооруженные с головы до ног, погрузились с головой*). В случаях возможной синонимии в русском и эстонском языках чаще выбирается форма мн. ч.

Теоретическая значимость исследования определяется полученными результатами. В работе впервые предложено системное сопоставительное описание грамматических средств выражения именной количественности в русском и эстонском языках с использованием большого объема корпусных и лексикографических данных.

Практическая значимость исследования видится в возможности использования полученных результатов в современной лексикографии, в курсах по русскому и эстонскому языкознанию, сопоставительному и контрастивному анализу, типологии, а также в курсах теоретических и практических грамматик эстонского и русского языков, теории и практики перевода.

Теоретический аппарат лингвистики и инструментарий компьютерной обработки языковых данных постоянно совершенствуются, соответственно, дальнейшее изучение категории квантитативности получает новые перспективные методики исследования репрезентации количественных отношений в языке. Последовательное развитие исследования категории квантитативности с необходимостью предполагает сопоставительный анализ глагольной квантитативности и других проявлений количественных отношений. Существующие механизмы взаимодействия лексики и грамматики в выражении квантитативности также нуждаются в дополнительном исследовании на материале большого количества разноструктурных языков для построения типологической модели этой универсальной категории.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова И. И. *Субстантивное число и детерминация в русском и китайском языках. Лингво-культурологический аспект.* (Studia philologica). М.: Знак, 2015. 144 с.
- Акуленко В. В. О выражении количественности в семантике языка // *Категория количества в современных европейских языках. Часть первая.* Киев: Наукова думка, 1990. С. 7–40.
- Апресян Ю. Д. *Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка.* М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
- Аристотель. *Метафизика* // Аристотель. *Сочинения в четырех томах.* Том 1. Академия наук СССР, Институт философии. Издательство социально-экономической литературы «Мысль». М., 1976. С. 64–367.
- Арутюнова Н. Д. Проблема числа // *Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка.* Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 5–21.
- Богданов С. И., Евтюхин В. Б., Князев Ю. П., Смирнов Ю. Б., Рыжова Ю. В., Воейкова М. Д. *Морфология русского языка,* СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 640 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении // *Избранные труды по общему языкознанию.* Т. 2. М., 1963. С. 311–324.
- Брусенская Л. А. Категория числа прилагательных // *Русский язык в школе,* 1990, № 6. С. 59–62.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Механизмы квантификации в естественном языке и семантика количественной оценки // *Референция и проблемы текстообразования.* Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1988. С. 5–18.
- Бурас М. М., Кронгауз М. А. Концептуализация в языке: все или ничего // *Язык и структура знания.* М., 1990. С. 50–57.
- Бурас М. М. Выбор числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении // Поливанова А. К. *Общее и русское языкознание. Избранные работы.* Orientalia et Classica. М.: Издательство РГГУ, 2008. С. 57–67.
- Виноградов В. В. *Русский язык: грамматическое учение о слове.* М: Высшая школа, 1972. 613 с.
- Ворт Д. С. Второй винительный в современном русском языке // *Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской.* М., 1998. С. 7–13.
- Всеволодова 2013а – Всеволодова М. В. Категория количественности в славянских языках: числительные и квантитативы // *Вестник московского университета.* Сер. 9. Филология. 2013. № 6. С. 16–62.
- Всеволодова 2013б – Всеволодова М. В. Специфика категории количественности в славянских языках: числительные, квантитативы, счетное множество и изменения в парадигматике русских числительных (функционально-коммуникативная грамматика) // *Stephanos* 2013, № 2, ноябрь.

- Сетевое издание. Мультиязычный научный журнал. Электронный проект филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. С. 67–140.
- Всеволодова М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка // *Вопросы языкознания* 2009, № 3. С. 76–99.
- Всеволодова М. В. *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса*: учебник. М.: Издательство МГУ, 2000. 502 с.
- Гак В. Г. *Сравнительная типология французского и русского языков*. М.: Просвещение, 1989. 288 с.
- Гак В. Г., Кузнецов С. Н. О типологии квантитативной сегментации предметов // *Лингвистическая типология*. М.: Издательство «Наука», 1985. С. 113–122.
- Гарбузова К. В., Хлыстова В. Г. Категория количества и средства ее выражения в современном русском языке // *Молодые голоса*. Материалы студенческих научно-практических конференций. Анапский филиал ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2016. С. 27–30.
- Горбов А. А. Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияния английского языка // *Russian Linguistics* (2014) 38. С. 23–46.
- Горшкова И. М. Категория числа при сопоставительном анализе (на материале русского и чешского языков) // *Филологические науки*, 1977, № 4. С. 92–98.
- Гузев В. Г., Насилов Д. М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // *Вопросы языкознания*, № 3, 1975. С. 98–111.
- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. *Грамматико-лексические поля в современном немецком языке*. М.: Издательство «Просвещение», 1969. 184 с.
- Дегтярев В. И. Происхождение имен pluralia tantum в славянских языках (К определению семантических механизмов лексикализации форм множественного числа) // *Вопросы языкознания*, 1982, № 1. С. 65–77.
- Еселевич И. Э. *Из истории категории собирательности в русском языке*: очерки. Казань, 1979. 160 с.
- Есперсен О. *Философия грамматики*. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 404 с.
- Зализняк А. А. *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. М.: Русский язык, 1977. 880 с.
- Зализняк А. А. *«Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. 1997. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // *Семиотика и информатика*, вып. 35: Opera selecta. М. С. 7–14.
- Золотова Г. А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных // *Памяти академика Виктора Владимировича*

- Виноградова*. Сборник статей. М.: Издательство Московского университета, 1971. С. 84–90.
- Игнатченко И. Р., Тихомирова Д. Г. Категория *Pluralia tantum* как отражение национальной картины мира (на материале русского, английского, французского и чешского языков) // *Филологический аспект*, 2017, 5(25). С. 22–29.
- Изотов В. В. Словарь Саши Соколова как серия отраслевых словарей // *Слово и текст: значение, употребление, интерпретация*. Сборник научных трудов. Орел, 2011. С. 44–48.
- Исаченко А. В. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология I*. Братислава: Издательство Словацкой Академии наук, 1965. 304 с.
- Категория количества – *Категория количества в современных европейских языках*. Киев: Наукова думка, 1990. 182 с.
- Квантификативный аспект языка – *Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. 672 с.
- Кныш О. Н. *Экзистенциальные предложения в современном русском языке*. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. филол. наук. Воронежский государственный университет, 1990. 20 с.
- Кодзасов С. В. Просодическая символика квантификации // *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 611–615.
- Костомаров В. Г. *Языковой вкус эпохи*. Москва: Златоуст, 1999. 330 с.
- Красильникова Е. В. *Имя существительное в русской разговорной речи: функциональный аспект*. М. 1990. 128 с.
- Крылов С. А. Количество как понятийная категория // *Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 44–65.
- Крылов С. А. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка 30 лет спустя: Опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // *А. А. Зализняк «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию*. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 699–748.
- Кудрявцев Ю. С. Формы числа у названий съедобных растений // *Valoda – 2001. Humanitārās Fakultātes. XI. Zinātniskie lasījumi. Valodas lingvistiskie aspekti. Lingvistikas didaktika*. Daugavpils: Daugavpils Pedagoģiska Universitāte, 2001. С. 14–17.
- Кузина И. Ю. Категория количества и ее выражение в языке (введение в проблематику) // *«Magister Dixit»* — научно-педагогический журнал Восточной Сибири, №1 (13). Апрель 2014. С. 108–118. (<http://md.islu.ru/>)
- Кузнецова А. И. Типология категории числа в уральских языках // Нариньяни А. С. (ред.) *Диалог '98: Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Т. 1. Казань, 1998. С. 340–347.

- Кюльмоя И. Выражение количественности в русском и эстонском языках // *Вопросы сопоставительно-типологического изучения разнотипных языков: общетеоретические и конкретные вопросы функциональной грамматики*. Таллинн: Таллиннский педагогический университет, 1993. С. 75–91.
- Кюльмоя И., Вайгла Э., Солль М. *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. 140 с.
- Лазарева 2010а – Лазарева О. В. Грамматическая форма и семантика числа в наименованиях одежды и аксессуаров в испанском и русском языках // *Вестник РУДН, серия Лингвистика*, 2010, № 2. С. 11–19.
- Лазарева 2010б – Лазарева О. В. История осмысления категории количественности в философии языкознания // *Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2010, № 4. С. 12–22.
- Лазарева О. В. Языковые средства выражения функционально-семантической категории количественности // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21) в 3-х ч. Ч. I. С. 72–78. <http://www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/28.html> (дата обращения 12.05.2021).
- Ларионова Е. А. Взаимодействие функционально-семантических полей количественности и определенности / неопределенности в русском языке // *Карповские научные чтения: сборник научных статей*, Минск, 2012: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т. Ч. 1. С. 92–95.
- Ломтев Т. П. Количественности современного русского языка // *Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова*. Сборник статей. М.: Издательство Московского университета, 1971. С. 106–116.
- Ляшевская О. Н. *Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка*. М.: Языки славянской культуры, 2016. 520 с.
- Ляшевская О. Н. *Семантика русского числа*. Серия *Studia Philologica*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.
- Мельчук И. А. *Поверхностный синтаксис русских числовых выражений*. Wien: Wiener Slavistischer Almanach, 1985. 514 с.
- Мельчук И. А. *Русский язык в модели «Смысл \Rightarrow Текст»*. М. – Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Миськевич Г. И. Системные закономерности образования собирательных имен существительных // *Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова*. Сборник статей. М.: Издательство Московского университета, 1971. С. 116–123.
- Муковская 2021а – Муковская Л. Числовые формы существительных в дистрибутивном употреблении или Мальчики повернули головы // *Studia Slavica XIX*. Tallinn, 2021.
- Муковская 2021б – Муковская Л. Новая прагматика числа, парадигма и мультязычная картина мира // *Речевое воздействие в разных типах дискурса*. Гданьск, 2021.

- Муковская Л. Дистрибутивный контекст и числовые формы русских существительных (соматическая лексика) // *Valoda – 2020. Valoda dažādu kultūru kontekstā*. Daugavpils. 2020. – (Distributive Context and Number Forms of Russian Nouns (nouns denoting parts of human body). Daugavpils universitātes akadēmiskais apgads „Saule”, 2020. С. 158–164.
- Муковская Л. Случаи «спорного» множественного числа существительных в русской речи // *Русская филология*. 31. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2020. С. 371–378.
- Муковская Л. Ю., Муковский О. Л. Конструкции «количественное числительное во множественном числе + существительное» в эстонском языке: семантический анализ // *Университетский научный журнал* № 20 (2016). С. 51–59.
- Мусатов В. Н. *Сингулятивы в современном русском языке*. М.: Флинта; Наука, 2016. 200 с.
- Нахимова Е. А. *Прецедентные имена в массовой коммуникации*. Екатеринбург, 2007. 207 с.
- Николаева Т. М. Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуаций 1983 // Т. М. Николаева. *Лингвистика. Избранное*. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 267–283.
- Падучева Е. В. Семантика количества и ее отражение в просодии // *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 652–667.
- Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари, 1996. С. 5–28.
- Пазельская А. Г. 2007. Числовое согласование в именных группах в русском языке. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/68.htm> (дата обращения 20.05.2020)
- Панова Г. И. *Морфология русского языка*. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2010. 448 с.
- Панфилов В. З. *Философские проблемы языкознания*. М.: Наука, 1977. 288 с.
- Пете И. Дистрибутивная множественность в русском языке // *Russian Linguistics*, Nov., 1981. Vol. 6, No.1 (Nov., 1981), Pp. 57–63.
- Поливанова А. К. Выбор числовых форм существительных в русском языке // Поливанова А. К. *Общее и русское языкознание*. Избранные работы. Orientalia et Classica. М.: Издательство РГГУ, 2008. С. 39–52.
- Полянский А. Н. План содержания категории количества в русском языке // *Филологические науки*. 1984. № 1. С. 34–41.
- Пяль Э., Тотсель Э., Тукумцев Г. *Сопоставительная грамматика эстонского и русского языков*. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1962. 434 с.
- Пярн 1989а – Пярн Х. Множественное неопределенное и множественное гиперболическое (на материале русского и эстонского языков) // *Взаимодействие языковых единиц и категорий в высказывании*. Таллин, 1989. С. 54–57.

- Пярн 1989б – Пярн Х. Роль грамматических значений числа в развитии структуры вещественных имен существительных // *Вопросы сопоставительного исследования языков: лексико-грамматический и текстовый аспект*. Сборник научных статей. Часть I. Таллинн: Таллиннский педагогический институт им. Э. Вильде, 1989. С. 4–10.
- Пярн Х. Собираательные имена существительные в русском и эстонском языках как объект лексикографии // *Проблемы сопоставительного изучения эстонского и русского языков*. Таллин 1985. С. 34–58.
- Пярн Х. Существительные pluralia tantum в русском и эстонском языках // *Сопоставительный анализ лексических и грамматических средств разнотипных языков*. Таллин, 1984. С. 30–45.
- Пярн Х. Э. *Существительные singularia tantum в русском и эстонском языках (на материале двуязычных словарей)*. Автореф. канд. дис. М., 1987. 16 с.
- Рахилина Е. В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
- РГ 80 – *Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. 789 с.
- Ревзин И. И. 1969. Так называемое «немаркированное» множественное число в современном русском языке // *Вопросы языкознания*. № 3. С. 102–109.
- Реформатский А. А. Число и грамматика // *Вопросы грамматики*. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 384–400.
- Розенталь Д. Э. *Практическая стилистика русского языка*. М. 1974. 352 с.
- Семенова Г. Н. Имена pluralia tantum как типологическая особенность индоевропейских языков (на материале русского, английского и немецкого языков) // *Вестник ТГУ, Гуманитарные науки. Филология*. Выпуск 10 (54), 2007. С. 70–74.
- Соболев А. Н. Славянские pluralia tantum. Проблема дефектной парадигмы // *Јужнословенски филолог LXI (2005)*. Рр. 96–115.
- Соболев А. Н. О названиях сложных артефактов в славянских языках (русские pluralia tantum и их чешские эквиваленты) // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Rocnik 76. Praha 2007. Рр. 171–188.
- Соболева П. А. Лексикализация множественного числа и словообразование // *Лингвистика и поэтика*. М., 1979. С. 47–85.
- Степанов Ю. С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // *Вопросы языкознания*. 1989. № 4. С. 46–72.
- Степанова А. В. *Функционально-семантическое поле количественности в разнотипных языках (на материале английского, русского и чувашского языков)*. АКД на соискание ученой степени канд. филол. наук. Чебоксары, 2007. 24 с.
- Супрун А. Е. *Некоторые общие явления в историческом развитии числительных в славянских языках*. Фрунзе, 1958.

- Супрун А. Е. *Славянские числительные*. Минск: Издательство БГУ, 1969. 232 с.
- Телегина Е. В. Основные особенности грамматической категории числа в русском и английском языках // *Педагогическое образование в России*. 2014, № 6. С. 62–65.
- Томмола Х. Плюративы в языках ареала Балтийского моря // *Фортуна-товские чтения в Карелии*. Сборник докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск). Ч. 1. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. С. 219–222.
- Томмола Х. Типологические соответствия в русском и финском синтаксисе // *Системные и функциональные аспекты языка*. Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского государственного университета, выпуск 825. Тарту, 1988. С. 111–119.
- Тураева З. Я., Биренбаум Я. Г. Еще раз о функционально-семантической категории количества // *Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка*. Межвузовский сборник научных трудов. Л., Ленинградский гос. пед. университет имени А. И. Герцена, 1986. С. 110–121.
- Тураева З. Я., Биренбаум Я. Г. Некоторые особенности категории количества // *Вопросы языкознания*. 1985. № 4. С. 122–130.
- ТФГ 1996 – *Качественность. Количественность*. Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 263 с.
- Успенский Б. А. *Поэтика композиции*. СПб., 2000. 348 с.
- Успенский Б. А. *Часть и целое в русской грамматике*. М.: Языки славянской культуры. *Studia Philologica. Series Minor*. 2004, 122 с.
- Хвастова Е. В. Принципы лексикографирования плюративов // *Ученые записки Орловского государственного университета*. № 3 (72), 2016, С. 231–234.
- Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Холодович А. А. *Проблемы грамматической теории*. Л.: Наука, 1979. С. 173–195.
- Чельцова Л. К. Форма множественного числа имен существительных как исходная форма в лексикографии // *Грамматика и норма*. М., 1977. С. 34–67.
- Чеснокова Л. Д. *Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке*. Таганрог: Издательство Таганрогского гос. пед. института, 1992. 177 с.
- Числовой код – *Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Ленанд, 2014. 528 с.
- Шахматов А. А. *Очерк современного русского литературного языка*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. 288 с.
- Шелякин М. А. К вопросу о методологических основах системно-структурного описания грамматических категорий // *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 425. Труды по русской

- и славянской филологии XXIX. Серия лингвистическая. *Проблемы языковой системы и ее функционирования*. Тарту, 1977.
- Шелякин М. А. *Морфология современного русского языка*. Тарту: Тартуский государственный университет, 1989. 121 с.
- Шелякин М. А. О функциональной модели форм числа существительных в русском языке // Ученые записки Тартуского государственного университета, № 719: *Функциональные аспекты грамматики русского языка*. Тарту, 1985. С. 3–22.
- Шелякин М. А. *Функциональная грамматика русского языка*. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
- Шмелев А. Д. *Русский язык и внеязыковая действительность*. М.: Языки славянской культуры, 2002. 492 с.
- Шмелев А. Д. Числительные и числовые конструкции в русском языке: лакуны в словарях и грамматических описаниях // *Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах*. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Ленанд, 2014. С. 57–67.
- Якобсон Р. О. К общему учению о падеже: Общее значение русского падежа // Якобсон Р. *Избранные работы*. М., 1985. С. 133–175.
- Якимова Л. В. Формы числа имен существительных в составе фразеологических оборотов // *Очерки по русскому языку*. Уч. записки Калининского пед. ин-та, т. 66, ч. 1. Калинин, 1969, 173 с.
- Allan, K. Nouns and countability // *Language*. 56. 1980. 541–567.
- Alvre, P. Kehaosi märkivate nimetuste numerusest // *Keel ja Kirjandus*, nr 2, 1962. 97–104; nr 3. 160–167.
- Ariste, P. Uurimus pluratiividest // *Keel ja Kirjandus* nr 5, 1979. 314–315.
- Corbett, G. G. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 358 p.
- Dressler, W. U. *Studien zur verbalen Pluralität: Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen*. Wien: Böhlau, 1968. 253 s.
- Dryer, M. S. Plural words // *Linguistics* 27, 1989. 865–895.
- EKG 1993 – Erelt M., Kasik R., Metslang H., Rajandi H., Ross K., Saari H., Tael K., Vare S. *Eesti keele grammatika II Süntaks*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993. 464 lk.
- EKG 1995 – Erelt M., Kasik R., Metslang H., Rajandi H., Ross K., Saari H., Tael K., Vare S. *Eesti keele grammatika I Morfoloogia. Sõnamoodustus*. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut, 1995. 660 lk.
- EKKR – Erelt, M., Erelt, T., Ross, K. *Eesti keele käsiraamat 2007*. <https://www.eki.ee/books/ekk09/> (дата обращения 15.05.2021)
- EKS 2017 – *Eesti keele süntaks*. Toim. Erelt, M., Metslang, H. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2017. 923 lk.
- Erelt, M. Ebamäärasusest sõnade liigitamisel // *Keel ja Kirjandus*, nr 9, 1977. 525–528.

- Erelt, M. Rindtarindist nimisõnafaasi osana // *Emakeele Seltsi aastaraamat 60* (2014). Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 2015. 7–18. DOI: 10.3176/esa60.01
- Erelt – Erelt M. Rinnastus [Электронный ресурс] // <http://keeleabi.eki.ee/artiklid2/rinnastus.html> (дата обращения 10.09.2021)
- Greenberg, J. H. Numeral classifiers and substantial number: problems in the genesis of a linguistic type // *Working Papers on Language Universals* (Stanford University) N 9. 1972. 1–39.
- Greenberg, J. H. The relation of frequency to semantic feature in a case language (Russian) // Denning K., Kemmer S. (eds). *On language. Selected writings of Joseph H. Greenberg*. Stanford, 1974/1990. 207–226.
- Ingo, R. *Suomen kielen pluratiivit eli monikkosanat*. 1. Åbo : Åbo Akademi, 1978., 282 lk.; 2. Vaasa : Vaasan yliopisto, 1998. 570 lk.
- Jackendoff, R. Parts and boundaries // *Cognition* 41., 1991. 9–45.
- Jespersen, O. *The Philosophy of Grammar*. Allen and Unwin, London. 1924. 359 p.
- Kallas, J., Koppel, K., Tuulik, M. Korpusleksikograafia uued võimalused eesti keele kollokatsioonisõnastiku näitel // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat*. Vol. 11 (2015). 75–94.
- Kaplinski, J. Mitmus, häägusus, nimed // *Keel ja Kirjandus*, nr 11, 2014. 867–866.
- Kasik, R. *Sõnamoodustus*. Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. 424 lk.
- Kilgarriff et al. 2004 – Kilgarriff, A., Rychly, P., Smirž, P., Tugwell, D. The Sketch Engine // *Proceedings of the XI Euralex International Congress*. Eds. Williams, G. and Vessier, S. Lorient: Université de Bretagne Sud, 2004. 105–116.
- Klaas, B. Kontrastiivseid noppeid Balti keeleareaali atribuutkonstruktsioonidest // *Emakeel ja teised keeled*. 8.–10. oktoober 1993. Ettekanded. Toim. Pool, R., Valge, J. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994. 25–33.
- Klaas-Lang, B., Norvik, M. Balti areaali tüpoloogilisi sarnasusi morfosüntaksi valdkonnas // *Keel ja Kirjandus*, nr 8–9, 2014. 590–608.
- Koptjevskaja-Tamm, M. “A piece of cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages // *Circum-Baltic Languages*. Vol. 2: Grammar and Typology. Ed. by Dahl, Ö., Koptjevskaja-Tamm, M. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2001. 523–568.
- Koptjevskaja-Tamm, M., Wälchli, B. The Circum-Baltic languages. An areal-typological approach // *Circum-Baltic Languages*. Vol. 2: Grammar and Typology. Ed. by Dahl, Ö., Koptjevskaja-Tamm, M. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2001. 615–750.
- Kulikov, L. Review of: G. G. Corbett. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000 // *Southwest Journal of Linguistics*, volume 23, number 1 (2004). 124–129.
- Külmoja, I., Mukovskaya, L. On the Representation of the Category of Number in Nouns in Estonian and Russian Dictionaries // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat*. Tallinn. 2020. 141–155.

- Langemets, M. *Nimisõna süstemaatiline poliüseemia eesti keeles ja selle esitus eesti keelevaras*. Tallinn, Eesti Keele Sihtasutus, 2010. 318 lk.
- Langemets, M., Tiits, M., Uibo, U., Valdre, T., Voll, P. Eesti keel uues kuues. Eesti keele sõnaraamat 2018 // *Keel ja Kirjandus*, nr 12, 2018. 942–958.
- Lyons, J. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1968. 519 p.
- McCawley, J. D. Lexicography and the count-mass distinction // Cogen, C., Thompson, H., Thurgood, G., Whistler, K. and Wright, J. *Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, CA: University of California, 1975. 314–321.
- Õim, K., Õim, A. Kehaosasõnade arvukategooriast // *Keel ja Kirjandus*, nr 2. 2015. 88–99.
- Pajusalu, R., Tragel, I., Veismann, A., Vija, M. *Tuumsõnade semantikat ja pragmatikat*. Tartu, 2004. 134 lk.
- Paldre, L. Semantics of Estonian Universal Quantifiers // *Estonian Typological Studies II*. Tartu 1997. 178–198.
- Palo, Tr. Soome ja eesti keele mitmussõnad ehk pluratiivid // *Lähivertailuja* 12. Soome-eesti kontrastiivseminar: 30.5.–1.6.2001, Kääriku. Toim. Reet Kasik. Tartu: Tartu Ülikool, 2002. 82–95.
- Paul, H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. 2 Aufl. Halle. 1886. S. 224.
- Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G. and Svartvik, J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London: Longman. 1985. 1779 p.
- Talmy, L. How language structures space // H. L. Pick Jr. et al. *Spatial Orientation*. NY., 1983. 225–282.
- Tauli, V. *Eesti grammatika II Lauseõpetus*. Uppsala: Finsk-ugriska institutioonen, 1980. 350 lk.
- Tiits, M. Lüngad eesti noomenivormistikus // *Keel ja Kirjandus*, nr 7, 1983. 356–364.
- Valmet, A. Zum Gebrauch der Numeri im Estnischen // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum*. Tallinn, 1975.
- Varga, M. H. A magyar szókészlet hiányos paradigmájú főnevei: a plurale tantumok // *Magyar Nyelvőr* 136. Évfolyam 1. Szám. 2012 január–március. 88–96.
- Viks, Ü. *Klassifikatoorne morfoloogia*. Noomen. Tallinn, 1982. 91 lk.
- Wierzbicka, A. *The Semantics of Grammar*. Amsterdam, 1988. 617 p.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- БТС – *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- МАС – *Словарь русского языка*: в 4-х т. РАН, Ин-т лингвистич. исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. www.ruscorgora.ru (дата обращения 23.05.2021)
- Черниговская Т. «До опыта приобрели черты...» Мозг человека и породивший его язык // *Философско-литературный журнал «Логос»* (С. 4) // http://www.logosjournal.ru/arch/73/97_5.pdf (дата обращения 23.05.2021)
- Аjakirjandus (koondkorpus) via the Corpus Query System KORP API (дата обращения 23.05.2021)
- Eesti keele põhisõnavara sõnastik*. Koost. Jürviste, M., Koppel, K., Tuulik, M. Toim. Kallas, J., Tiits, M., Tuulik, M. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2014. 511 lk.
- Eesti keele seletav sõnaraamat*. 1, A-J. Toim. Langemets, M. et al. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009. 743 lk.
- Eesti keele seletav sõnaraamat*. 2, K. Toim. Langemets, M. et al. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009. 771 lk.
- Eesti keele seletav sõnaraamat*. 3, L-O. Toim. Langemets, M. et al. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009. 861 lk.
- Eesti keele seletav sõnaraamat*. 4, P-R. Toim. Langemets, M. et al. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009. 958 lk.
- Eesti keele seletav sõnaraamat*. 5, S-T. Toim. Langemets, M. et al. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009. 1112 lk.
- Eesti keele seletav sõnaraamat*. 6, U-Y. Toim. Langemets, M. et al. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009 ([Tallinn]. 723 lk.
- Eesti keele sõnapered 2012 // <https://www.eki.ee/dict/sp/> (дата обращения 23.08.2021)
- Eesti veeb 2013 via <https://korp.keeleressursid.ee/> (дата обращения 02.09.2021)
- Eesti-vene sõnaraamat*. 1, A-J. Koost. Liiv, M. et al. Toim. Romet, A. (vast. toim.), Liiv, M. (vast. toim.) et al. Tallinn: Eesti Keele Instituut, 1997. 981 lk.
- Eesti-vene sõnaraamat*. 2, [K-L]. Koost. Lagle, T. et al. Toim. Romet, A., Tiits, M., Teetsov, M. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2000. 1079 lk.
- Eesti-vene sõnaraamat*. 3, [M-P]. Koost. Lagle, T. et al. Toim. Romet, A., Melts, N., Valdre, T. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2003. 1290 lk.
- Eesti-vene sõnaraamat*. 4, [R-Tip]. Koost. Kallas, J. et al. Toim. Melts, N. (vast. toim.), Valdre, T. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2006. 1054 lk.
- Eesti-vene sõnaraamat*. 5, [Tir-Y]. Koost.: Laasi, H. et al. Toim. Melts, N. (vast. toim.), Valdre, T. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009, 1060 lk.
- EKP – Rowley, A., Hitzemberger, L. *Rückläufiges estnisches Wörterbuch. Eesti keele pöördõnaraamat*. Bayreuth, 1979.

EKSS – Eesti keele seletav sõnaraamat 2009 // <https://www.eki.ee/dict/ekss/> (дата обращения 23.05.2021)

ENC₁₉ – Kallas, Jelena; Koppel, Kristina 2020. Eesti keele ühendcorpus 2019 [‘Estonian National Coprus 2019’]. Center of Estonian Language Resources. DOI: 10.15155/3-00-0000-0000-08489L (дата обращения 23.05.2021)

EstonianRC – Estonian Reference corpus 1990-2008 via Sketch Engine JSON API (дата обращения 23.05.2021)

Estonian Web 2019 (etTenTen19) via Sketch Engine JSON API (дата обращения 23.05.2021)

EVS – Eesti-vene sõnaraamat 2019 // <http://www.eki.ee/dict/evs/evs.html> (дата обращения 23.05.2021)

Пукирjandus (koondkorpus) via the Corpus Query System KORP API (дата обращения 23.05.2021)

Пукирjandus korpus via keeleveeb.ee (дата обращения 23.05.2021)

keeleveeb.ee // <https://www.keeleveeb.ee> (дата обращения 23.05.2021)

Sketch Engine // <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения 23.05.2021)

Sõnaveeb // Language portal Sõnaveeb 2021. DOI: 10.15155/3-00-0000-0000-0000-08975L (дата обращения 23.05.2021)

Tamm, J. *Eesti-vene sõnaraamat*. Tallinn: Valgus, 1999. 752 lk.; 9., parand. tr.

Tasakaalus korpus via keeleveeb.ee (дата обращения 23.05.2021)

KOKKUVÕTE

Kvantitatiivsuse väljendamine eesti ja vene noomenites

1. Kvantitatiivsus ja selle väljendamise probleemid keeles on viimastel aastatel köitnud tänapäeva keeleteaduse eri suundades töötavate uurijate tähelepanu. Suurem osa uurijaist peab kvantitatiivsust kognitiivsesse ja semantika valdkonda kuuluvaks [Арутюнова 2005; Wierzbicka 1988; Ляшевская 2004; Числовой код 2014], Т. Булõгина ja А. Шмельов vaatlevad kvantitatiivsust referentsiteooria raames [Булъгина, Шмельов 1988; Шмельов 2002]. Paljud keeleariigid käsitlevad kvantitatiivsust funktsionaalsest [Акуленко 1990; ТФГ 1996] või tüpoloogia [Corbett 2004] aspektist. Tänapäeva lähenemisviisid kvantitatiivsuse kirjeldamisele kujunesid vene keeleteaduses selliste põhjapanevate uurimiste mõjul nagu [РГ 80; Мельчук 1985, 1995; Реформатский 1960; Шелякин 2001; Зализняк, Падучева 1997; Холодович 1946]. Eesti keeleteaduses — [EKG 1995, 1993; Ereht 1997; Pajusalu et al. 2004; Paldre 1997]. Kvantitatiivsust mainitakse ka eesti süntaksi fundamentaalses uurimuses [EKS 2017]. Uralistikas on probleemi käsitlenud А. Кuznetsova ja Marta H. Varga [Кузнецова 1998; Varga 2012]. Kvantitatiivsuse uurimisajaloo seisukohast maailma keeleteaduses on tähtsad O. Jesperseni, J. Greenbergi ja M. Dryeri tööd [Jespersen 1924; Greenberg 1972; Dryer 1989].

2. Käesolevas töös lähtutakse kvantitatiivsusest kui funktsionaal-semantilisest kategooriast, milles sisaldub kompleks mõisteid: kogus, hulk (*множество*), arv (*число*). Kvantitatiivsus on esemete, omaduste, tegevus(t)e, situatsioonide mõõdetav väärtus.

Kvantitatiivsuse kategooria keeles kujutab enesest koguse, hulga, arvu tähenduste väljendamiseks kasutatavat keelevahendite kompleksit. Selle kategooria tunnusteks on universaalsus (toimib kõigis keeltes) ja totaalsus (iseloomustab keele märgisüsteemi kõiki tahke) [Гак, Кузнецов 1985: 114].

3. Uurimisobjektiks on esemelise kvantitatiivsuse (*предметная количественность*) väljendusvahendid nimisõna grammatikas ja nimisõnafraasis vene ja eesti keeles, samuti arvuga seotud nimisõnade grammatiline käitumine. Tähelepanu keskmes on grammatiline aspekt, kuna just grammatika on oluline kahe keelesüsteemi kontrastiivuuringus. Samas on kvantitatiivsuse probleemistik tihedalt seotud leksikaalüksuste eripäraga, mistõttu on töös suures mahus kasutatud leksikograafilisi käsitlusi ja semantilise analüüsi andmeid.

Doktoritöö teema aktuaalsust kinnitab kvantitatiivsuse süsteemsete eesti ja vene keele kõrvutavate uuringute puudumine. Helle Pärn on küll avaldanud töid *plurale tantum* ja *singulare tantum* sõnadest ning mõningatest tähendusrühmadest kõrvutades neid eesti ja vene keeles [Пярн 1984, 1985, 1987, 1989a, 1989b], kuid antud töös on esitatud oluliselt mahukam analüüs.

4. **Uurimiseesmärk ja põhiülesanded.** Uurimise eesmärgiks on kvantitatiivsuse kategooria teoreetiline lahtimõtestamine ning noomeni kvantiteedi-

tähenduste väljendusvormide leidmine ning kõrvutav analüüs eesti ja vene keeles. Selleks tuli:

- 1) võrrelda kvantitatiivsuse ja pluraalsuse kontseptsioone;
- 2) leida esemelise kvantitatiivsuse grammatilised väljendusvahendid vene ja eesti keeles;
- 3) analüüsida ja klassifitseerida tunnused noomenite klasside moodustamiseks arvulise käitumise alusel;
- 4) teha arvuopositsiooni grammatilise väljendamise analüüs eesti ja vene keeles;
- 5) leida leksika ja grammatika, samuti grammatiliste vahendite koostoime mehhanismid kvantitatiivsuse väljendamisel vene ja eesti keeles.

5. **Meetod ja materjal.** Uurimuse teoreetiliseks ja metodoloogiliseks baasiks olid kvantitatiivsuse kategooriale keeles, tegelikkuse objektide kvantifitseerimisele, esemete segmenteerimise referentsiaalsetele omadustele ja hulgateooriale pühendatud tööd [Акуленко 1990; Квантификативный аспект языка 2005; Числовой код 2014; Wierzbicka 1988; ТФГ 1996; Бодуэн де Куртенэ 1963; Есперсен 1958; Реформатский 1960; Холодович 1979; Панфилов 1977; Арутюнова 2005; Булыгина, Шмелев 1988; Шмелев 2002; Ляшевская 2004; Мельчук 1985, 1995; Крылов 2005; Исаченко 1965; Пете 1981; ЕКС 2017; Гак, Кузнецов 1985; Тураева, Биренбаум 1986, 1985]. Noomenite arvuvormide funktsioneerimise ja arvulise tähenduse analüüsimise teoreetiliseks aluseks olid: [РГ 80; Зализняк 2002, 1977; Шелякин 2001, 1989, 1985; Шахматов 1941; Успенский 2004; Wierzbicka 1988; Ляшевская 2004; Мельчук 1985, 1995; Corbett 2004; Поливанова 2008; Бурас 2008; Шмелев 2002; ЕКС 2017; Рахилина 2008; Виноградов 1972; Таули 1980; Tiits 1983; Кудрявцев 2001; Õim, Õim 2015; Alvre 1962]. Nimetatud töödele lisanduvad arv sõnade fundamentaalsed uurimused [Степанов 1989; Супрун 1963; Чеснокова 1992; Шмелев 2014]. Uuringu oluliseks teoreetiliseks allikaks olid nii kvantitatiivsuse eri aspekte ja arvu kategooriat analüüsivad [Исаченко 1965; Гак 1977; Категория количества 1990; Соболев 2007, 2005; Горшкова 1977; Телегина 2014; Лазарева 2009, 2010; Семенова 2007], kui ka vene ja eesti keele alased kontrastiivtööd [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003; Кюльмоя 1973; Пярн 1984, 1985, 1989], samuti Balti keeleareaali atribuutkonstruktsioonide [Klaas 1994], osa- ja täissubjekti süntaksi [Klaas-Lang, Norvik 2014], pluraatiivide [Томмола 2019] kontrastiivvuringud. Uurimismaterjali allikaiks olid neljaköiteline „Vene keele sõnaraamat“ (Словарь русского языка в 4-х томах), „Vene keele suur seletav sõnaraamat“ (Большой толковый словарь русского языка, peatoim. S. Kuznetsov), kuueköiteline eesti keele seletav sõnaraamat (EKSS 2009), Eesti keele põhisõnavara sõnastik, viieköiteline Eesti-vene sõnaraamat, J. Tamme eesti-vene sõnaraamat. Veebisõnastikud: EKSS (2009), EVS, PSV, ÕS 2018. Keelekorpused: Russian National Corpus, Russian Web 2017 (ruTenTen17), Estonian National Corpus 2019 (Estonian NC 2019), Tasa-kaalus korpus, etTenTen (The Estonian Web Corpus), Eesti keele koondkorpus (Estonian Reference Corpus). Keelenäiteid otsiti ajalehtedest «Postimees», «Eesti Ekspress», «Maaleht»; EV ja VF riigiorganite kodulehekülgedelt,

reklaamtekstidest eesti ja vene keeles. Materjali kogumisel ja töötlemisel kasutati ressursse Sketch Engine, keeleveeb, KORP, sõnaveeb. Uurimiseks oli kogutud mahukas andmekogum (üle 3000 ühiku), lähtudes teema erinevatest aspektidest (nt plurale tantum-sõnad sõnaraamatutest ja tekstidest; noomenid distributiivses kontekstis; soomaatiline leksika distributiivses kontekstis; *-kond* sufiksiga sõnad sõnaraamatutest ja korpustest; pärisnimed mitmusvormis; ala märkivad nimisõnad; puuviljade ja juurviljade nimetused; mitmuse vormid vaieldavas kasutuses. Nimisõnade kasutuse näiteid ainsuse ja mitmuse vormis ja nende süntaktilisi mustreid (nt numeraal- ja loendatav kontekst või partitiivsus-kontekst) koguti poolautomaatselt korpusleksikograafilise tarkvara Sketch Engine abil, mis on saanud leksikograafide arvestatavaks abiliseks (vt nt selle kasutamisest sarnaste ülesannete lahendamisel [Kallas, Koppel, Tuulik 2015]), valdav osa näidetest oli kogutud käsitsi.

Uurimuses on kasutatud järgnevaid meetodeid:

- 1) eesti ja vene keele olemasolevate teoreetiliste käsitluste ja faktide kõrvutatav analüüs, leksikograafiamaterjali analüüs (k.a sõnavara ja sõnaraamatus leiduv grammatiline kommentaar);
- 2) lekseemide semantiline ja kontekstianalüüs (sõna semantika, vormi funktsiooni ja konteksti seoste väljaselgitamine; erinevate leksikaalgrammatilistesse klassidesse kuuluvate sõnade arvulise käitumise analüüs);
- 3) lihtlause (eksistentsiaallause) ja nimisõnafraasi (arvsõnafraas, omadussõnafraas) kvantitatiivkonstruktsiooni struktuursemantiline analüüs;
- 4) grammatiliste konstruktsioonide ja nende võimalike transformatsioonide struktuursemantiline analüüs (süntaktilistest tingimustest olenev nimisõna kvantitatiivsete tunnuste aktiveerimine).

Töös kasutatakse nii vormilt tähendusele, kui ka tähenduselt vormile analüüsi.

6. Väitekirja struktuur. Töö Sissejuhatuses on formuleeritud uurimisteema, põhjendatud teema aktuaalsus ja uudsus, määratletud uurimisobjekt, uurimise teoreetilised ja meetodilised eeldused ning uurimismeetod. Kirjeldatud on ka töö struktuuri.

Esimeses peatükis „Kvantitatiivsus keeles“ analüüsitakse erinevusi kvantitatiivsuse mõiste- ja keelekategooria vahel, arutletakse erinevate kvantitatiivsuse uurimise teoreetiliste lähtekohtade üle (hulgateooria, leksikaalgrammatiline väli, pluraalsus, funktsionaal-semantilise välja teooria ja kvantitatiivsuse funktsionaal-semantiline väli), vaadeldakse kvantitatiivsuse semantilise kategooria struktuuri ja selle koostisosi.

Teise peatüki „Arvukategooria“ keskmes on nimisõna arvukategooria: arvu-kategooria ja esemelisuse (предметность), arvu ja keelelise segmenteerimise vastastikused seosed. Analüüsitakse nimisõna leksikaaltähenduse seost arvulise käitumisega, nimisõna leksikaalgrammatilisi klasse arvulise käitumise aspektist, ainsuse ja mitmuse vormide tähendusi. Tehakse kindlaks vaegparadigmaga nimisõnade arvulise käitumise seaduspärasused vene ja eesti keeles.

Kolmas peatükk „Arv ja käänne“ on pühendatud arvu- ja käändekategooria koostoimele spetsiifiliste kvantitatiivsuse tähenduste väljendamise aspektist.

Neljandas peatükis on vaatluse all kvantitatiivsuse eripära arv- ja omadusõnadega nimisõnafraasis.

Viiendas peatükis „Kvantitatiivsus ja distributiivkontekst“ uuritakse noomelite arvulist käitumist distributiivses kontekstis.

Kokkuvõttes formuleeritakse uuringu tulemused ning võimalikud arvu semantika ja süntaksi uurimise suunad.

7. Uurimistöö põhilised teoreetilised tulemused.

7.1. Seniste kvantitatiivsuse lingvistiliste kirjelduste analüüs demonstreerib märkimisväärseid erinevusi terminoloogias ja määratlustes, mis tuleneb autorite erinevatest metodoloogilistest ja praktilistest lähtekohtadest.

Materjali teoreetiliseks mõtestamiseks on printsiipaalne kvantitatiivsuse kategooria struktuurne esitus. A. A. Holodovitši teoreetilises kontseptsioonis on arvu grammatiline kategooria pluraalsuse kategooria erijuhtum; E. Gulõga – E. Shendelsi kontseptsioonis asub pluraalsuse kategooria leksikaal-grammatilises väljas; V. V. Akulenko kvantitatiivsuse funktsionaal-semantilise välja teoorias sisaldub pluraalsuse kategooria ebamäärase kvantiteedi mikroväljas.

Keeles esineb erinevaid kvantitatiivsuse tüüpe, mida määratletakse loogika vastanduste alusel (nt määratud kogus – ebamäärane kogus; singulaarsus – pluraalsus; aritmeetiline kvantiteet – koguhulk; distributiivne – summaarne kvantiteet). Kvantitatiivsuse semantiline iseloomustus on selle komponentide semantikast ja nende koostoimest.

7.2. Töös on näidatud, et loendatavus / mitteloendatavus võib olla noomeni omaduseks, kuid võib tekkida ka kontekstis. Esimesel juhul näitab nimisõna kasutamise eelistusi (mõndasid nimisõnu kasutatakse sagedamini loendavatena, teisi loendamatutena), teisel juhul võib nimisõna loendatavus / mitteloendatavus olla kontekstis prototüüpse tähendusega vastuolus.

7.3. Sõnade leksikaalgrammatilistel klassidel nii vene kui eesti keeles on spetsiifilisi jooni arvuvormide kasutusel.

7.3.1. Pärisnimede arvuline käitumine mõlemas keeles on referentsiaalsest omadusest. Pärisnimed võivad esineda mitmuses, kui nimel ei ole juba algselt unikaalset referentsi (*tädi Maali; Минушки, Кларушки, Марианны* и т. п. похорошили донельзя, но стоят страшных денег (Достоевский) [Шмелев 2002: 50]) või kaotab ta selle kontekstis (*Черчилли, де Голли; Andresed, Pearud ja Krõõdad*). Mõlemas keeles võib unikaalse referentsi kaotust vaadelda metonüümiana (*adidased* pro *kingad*, *ролексы* pro *часы*). Eesti ja vene keeles võib unikaalse referentsi kaotamist tõlgendada kui metonüümset ülekannet, seejuures ei ole eesti keelele omane ülekanne „autori isikunimi ⇒ loomingulise töö ese (PL)“ (vrd vene keeles *левитаны на стенах висят*) ning metonüümiline ülekanne „kaubamärk ⇒ bränditoode (PL)“ (vrd vene keeles *ролексы*) on piiratud diskursuse tüübiga (peamiselt kaubanduses).

Mõlemas keeles kasutatakse assotsiatiivset mitmust. (*Ивановы; Таммед*).

Eesti ja vene keeles kasutatakse laialdaselt nn tingimuslikke pärisimesid mitmusevormis (*Какая-то Петрова; tädi Maali*), need on äärmiselt populaarsed meedias, eriti poliitilises diskursuses ja masskultuuris.

7.3.2. Kahe keele kogunimede analüüs lubab rääkida vastupidistest tendentsidest nende arenemises. Vene keeles on arvukalt kogu väljendavaid sufikseid, kuid vähe produktiivseid tänapäeva keeles toimivaid mudeleid. Eesti keeles on sufikseid oluliselt vähem, kuid *kond*-liide on niivõrd produktiivne, et saab rääkida sellest kui kogunime markerist. *Kond*-tuletised võivad tähistada nii elusate kui elutute objektide kogumeid, samuti ka ruumiala ja diskreetsete objektide kogumit. Ruumiala tähistavad nimisõnad *kond*-sufiksiga lubavad eeldada, et pluraalsusele osutamist keeles võib seostada ka ruumi tähistamisega.

7.3.3. Ainesõnade mitmuse vorme kasutatakse tähistamiseks aine eri liike (*калифорнийские вина* – *Kalifornia veinid*) või suuri aine koguseid (erinevalt vene *снега Килиманджаро и льды Арктики* eesti keeles *lumi* ja *jää* mitmuses üldjuhul ei kasutata). Tänapäeva vene keeles on ilmnenud uus tendents — kasutada ebastandardset mõningaid ainenimetusi ja abstraktseid nimisõnu mitmuses reklaam- ja poliitilises diskursuses (*наши озабоченности были услышаны; две пены по цене одной*).

7.4. Töös käsitletakse üksikasjalikult mitmuse vormide tähendusi eesti keeles, sellega püüdsime täita lünki eesti keele grammatika kirjelduses.

Mitmuse vormid võivad väljendada:

- diskreetset pluraalsust (split multiplicity) (*Peetril on vennad*),
- kumulatiivset pluraalsust (*Eakad inimesed külmetuvad kergesti*),
- ebamäärast hulgakogust (*Siin on raamatuid*),
- ebamäärast piiratud hulgakogust (*TÜ üliõpilased*),
- määratud hulgakogust (*üks karp pliitaseid*).

Plurale tantum-sõnade mitmuse vormid võivad tähendada:

- objektide paari (*kingad*),
- komplekte (*viinerid* toiduportsjonina),
- pluraalsust ühes objektis (*käärid*) või tegevuse struktuuris (*talgud*),
- kogumit (*arstmed*).

7.5. Nimisõnade funktsionaalparadigmasse kahes keeles kuuluvad:

- 1) nimisõnad, millel on kasutusel nii ainsuse kui mitmuse vormid;
- 2) singulare ja *plurale tantum*-nimisõnad;
- 3) nimisõnad quasi-*tantum*;
- 4) kõikuva arvuvormiga nimisõnad.

7.6. *Plurale tantum* leksikaalrühmad eesti ja vene keeles on sarnased. Sõnaraamatute materjal võimaldas jagada need nimisõnad 19 temaatilisse klassi.

Mõlemas keeles esinevad järgmised *plurale tantum*-sõnade taksonoomilised klassid:

- 1) objektide, nähtuste kogumid (*войска* – *väe*; *relvajõud* – *вооруженные силы*);
- 2) liitkoostisega esemed (*часы* – *kell*, *брюки* – *püksid*);
- 3) komplektid (*бизуди* – *juukserullid*, *координаты* – *koordinaadid*; *ristkoordinaadid*);
- 4) ained (*дыху* – *lõhnaõli*; *heitmed*);
- 5) komplekstegevused (*дебаты* – *debatt*; *kihlad*);

- 6) ajavahemikud (*будни; teismed*);
 7) ruum(alad) (*ихеры – skäärid; märgalad*).

Eristatud sõnaklassid vastavad A. A. Holodovitši hulga tüüpide kategoriseerimisele [Holodovitš 1979]. Klassid esindavad:

- määratud hulka (*сани, вилы*, erinevalt ebamäärasest hulgast: *столы*);
- esemelist hulka (*деньги*, erinevalt esemete hulgast: *рука / руки – käsi / käed*);
- algebralist hulka (*ножницы, грабли* kui komponentide kogum, erinevalt aritmeetilisest hulgast kui liidetavate summast: *земляника*).

Mõlemas keeles saab eristada paarikategoriat — tähistab esemelisi substantiive, mis moodustavad komplekti (*saapad*), ning mõnesid *plurale tantum*-sõnu (*vanemad; kahed koordinaadid, vrd: ühe punkti kolm koordinaati*).

Plurale tantum-nimede hulgas on neid, mis tähistavad esemeid komplektidena. Siin võib tekkida näiline arvukorrelatsioon: *один волос – несколько волос* ning pluralia tantum *волосы: волосы с челкой, волосы без пробора; vrd lahtised kohevad juuksed, kuid *lahtine kohev juus*.

Arvuvormi valikut võib mõjutada metafooriline kasutus: *kaalule / kaaludele panema ja oma elu kaalule panema*.

Rõhutatud singulaarsuse kontekstis esineb eesti keeles *plurale tantum*-sõnade ainsuse vorm kohakäändes (*pulmad, kuid kellegi pulmas*). Üldiselt iseloomustavad eesti keele määruslikke konstruktsioone nimisõnade ainsuse vormid. Ühendites *jalga panema, kätte panema* sisaldub nimisõna verbi semantilisest struktuuris ja sellel on teatud süntaktilised piirangud (*vasakusse jalga panema, kuid *väsinud jalga panema*). Kui *jalg* saab konkreetse referentsi, siis kasutatakse mitmuse vormi: *jalgadele panen jalakreemi*.

7.7. Viljade nimedel eesti ja vene keeles on loendatavuse seisukohalt oma spetsiifika. Kogutud materjalist ilmneb, et vene keeles on piisav:

- 1) kriteerium „keskmise suurus“ ja „süüakse tervikuna“, et nimi oleks loendatav (*килограмм яблок (PL)*),
- 2) kriteerium „kasvab maa all“ ja „süüakse homogeense massina“, et nimi oleks loendamatu (*килограмм свеклы (SG)*).

Tunnuste kooslus eesti keeles:

- 1) „väike suurus“, „süüakse tervikuna“ ja „kasvab maapinna peal“ on piisav, et nimi oleks loendatav (*kilo maasikaid (PL)*),
- 2) „kasvab maa all“ ja „süüakse homogeense massina“ on piisav, et noomen satuks üleminekutsooni (*kilo sibulat / kilo sibulaid (SG / PL)*).

Eesti keele puhul tuleb rääkida kontekstidest, milles peegeldub objekti kontseptualiseerimisviis. Kui vilja kontseptualiseeritakse diskreetse esemena (tükk), oleneb arvuvorm lausekonstruktsioonist: *viis sibulat (SG.PART)* — arvsõnalisest kvantorifraasis, *kilo sibulaid (PL.PART)* — hulgasõnaga fraasis. Mittediskreetse kontseptualiseerimise puhul kasutatakse ainsuse vormi: *ma ei söö sibulat, punase sibulaga heeringafilee*.

Mõlemas keeles on võimalik ainsuse vormi kasutus, kui produkt esineb homogeense massina (пö единственное массы). Mõlemas keeles selliste verbide kontekstis nagu *крошить, шинковать, натирать, чистить, мыть, коорита*,

pesema, puhastama, asetama (taldrikule), poolitama, täitma on üleminekurühma viljade nimedel mitmuse vorm, kuna „käsitsi töötlemine“ eeldab, et (juur)vili võetakse kätte ühekaupa: nt *koori paprikad*.

Eesti keeles ei ole madalama taksonoomiataseme nimisõnadel — sordinimedel — erinevalt vene keelest piiranguid nende kasutamisel mitmuse vormis: *valged klaarid* (kuid **белые наливы*).

Eesti keeles võib *singulare tantum*-nimisõnu kasutada mitmuses sordi eristava (liigilise) tähenduse ülekandmiseks (st käituvad kui „tavaline“ ainenimi): *erinevaid hirsse*.

Kahekordse staatusega nimisõnad, mis nimetavad suuri vilju, võivad hulgafraside osana „massi ainsuse“ tähenduses (единственное массы) viidata väiksele kogusele, mitmuse vormis aga suurele kogusele, nt *1 kilo arbuusi* — *tuhandeid kilosid arbuuse*.

Eesti keeles võivad mõnede teraviljade, juurviljade ja köögiviljade nimed (*kaalikas, porgand, naeris, peet, kartul, kaer, rukis, oder*) ainsuse vormi kohakäändes väljendada massilist külvipinda: *lapsed läksid hernesse*. Marjade nimed (*pohl, maasikas, jõhvikas, mustikas, vaarikas*) võivad ainsuse vormi kohakäändes väljendada piiratud alasid, kus marju korjatakse: *käisime rabas murakal*.

7.8. Varieeruva arvuvormiga nimisõnadel (nt *ala* tähistavatel) on vene ja eesti keeles komplitseeritum arvuline käitumine. Erinevais kontekstides mõlemas keeles võib aktualiseeruda erinev ala kujundamine, mis mõjutab ka arvu- ja käändevormi kasutust (*в границах / на границе – piirides / piiril*).

7.9. Spetsiifilisteks kvantiteedi väljendusvahenditeks nii vene kui eesti keeles on mõned arvu- ja käändevormid, nt *genitivus partitivus* (родительный части) ja mitmuse instrumentaal (творительный) vene keeles ning partitiiv eesti keeles. Mõlemas keeles on lausekonstruktsioone, mis väljendavad ebamäärast mittediskreetset hulka. Eesti keeles on selleks osastava käände mitmuse vorm koos öeldisega ainsuses, vene keeles mitmuslik *genitivus partitivus* samuti ainsuses öeldisega (*Kasel oli lehti; людей было много*).

Eesti keeles väljendab nimisõna osastava käände mitmuse vorm koos täiendiga predikatiivi positsioonis määratud hulka (*Jüril on paremaid sõpru*), lause struktuur tähistab subjekti nime (Jüri) selle hulga osana, hulgast eraldatud singulaarsust. Sellistes lausetes esitavad mitmuse vormid hulga osa selliselt, et hulk tähistab ükskõik millist enda osa. Kontekste taolisest hulga kujutamise viisist on ka vene keeles („*Ты кто же, солдат? – Солдаты Апшеронского полка.*“ Vastab Platon Karataev enda kohta Pierre Bezukhovile).

7.10. Arvsõna väljendab kvantiteeti vaid koos nimisõnaga, kui seda kasutatakse nt esemete arvu tähistamiseks. Nimisõnata näitab arvsõna vaid abstraktset arvu. Nimisõnaga arvus ühilduv omadussõna võib olla kvantiteeti dubleerivaks, mõnikord aga ka informatsiooni esemete / nähtuste arvu kohta täiendavaks vahendiks (*изучают русский и украинский язык, roheline ja punane kleit*), samuti viidata omaduse mitmuslikkusele (*новые роман и повесть; punapäised poiss ja tüdruk*).

Arvsõna *один* mitmuse vorm on vastuolus selle sõna leksikaalse tähendusega, seda kasutatakse ainult nimisõna mitmuse vormi mõjul. Ainsuse leksikaalne

tähendus osutub piiravaks teguriks arvude ühilduvusel: see esineb ainult *plurale tantum*-sõnadega, millega nimetatakse paarisobjekte: *одни брюки, одни сумки; в одни руки, одни сапоги* „ühe saapapaari“ tähenduses. Muudel kasutusjuhtudel *ühed* on umbmäärane asesõna või restriktiivne partikkel.

Töös antakse järgarvuvormide kasutuse süsteemne kirjeldus. Järgarvsõnade mitmuse vormid esinevad:

- 1) loendatavate *plurale tantum*-sõnadega (*пятые сумки; teised prillid*),
- 2) rühmade loendamisel (*первые десять дней; esimesed kolm kilomeetrit*),
- 3) objektide kogumi järjemärgiga määramisel (*третьи классы – kolmandad klassid*),
- 4) predikatiivi funktsioonis (*Комаровы в очереди четвертые; Eesti bridzimehed kolmandad*),
- 5) kinnistunud ühendites (*третьи лица – kolmandad isikud*),
- 6) arvutamisel-loendamisel (*первые пришли, вторые ушли – esimesed tulid, teised läksid*),
- 7) aastakümnete märkimisel (*шестидесятые – kuuekümnendad*).

Kahe hulga kontekstis, millest igatüks eraldab elemendi ja need elemendid on kvalitatiivselt identsed, on eesti keeles, erinevalt vene keelest, lubatud representiivse elemendi ainsuse vorm: *Eesti ja Soome president* [näide EKS 2017: 631, analüüs — L. M.]. Põhimõtteliselt on tegemist distributiivkontekstiga, mis on väljendatud spetsiifilises possessiivkonstruktsioonis:

Eesti president ja Soome president ⇒ (*Eesti ja Soome*) *presidentid*

Erinevalt vene keelest on eesti keeles niisugustes kontekstis lubatud kogunimede mitmuse vorm: *Soome ja Rootsi üliõpilaskonnad*. Võimalus kasutada sellistes kontekstides nimisõna mitmuses võib olla testiks selgitamiseks välja kogunimede semantika eripärasid eesti ja vene keele kirjeldamisel: *врд студенчество Финляндии и Швеции*, kuid **студенчества Финляндии и Швеции* (kuid *народы Азии и Африки*). Teisisõnu, kollektiivsubstantiivide klassis võivad esineda erinevat tüüpi tervikut väljendavad noomenid: *group nouns* ja *aggregate* [Jackendoff 1991].

7.11. Ainsuse vormid saavad väljendada mitmuslikkust distributiivkontekstis. Nii vene kui eesti keeles ei saa alati asendada ainsust mitmuse vormiga. Kindel arvuvorm võib olla kinnistunud idioomis (*люди с головой; тuidu on meil jälle kirves pea kohal*). Eesti keeles esineb sageli kohamäärusena mitterefentsiaalne sõna ainsuses: *palju inimesi on haiglas*. Kui distributiivses kasutuses nimisõna individualiseerub, esineb ta mitmuse vormis: *Ärimehed olid nagu ärimehed ikka: valged pluusid seljas ja lipsud ees*.

Vene keeles esineb ainsuse tavaliselt nimisõna kasutamisel tähistamiseks määra, astet (*вооруженные с головы до ног, погрузились с головой*).

Võimaliku sünonüümia puhul valitakse sagedamini mitmuse vorm.

Seeja sisaldab eesti ja vene keele kvantitatiivsuse väljendusvahendite uuring nimisõna arvuvormide, käände-arvuvormide, ja süntaktiliste konstruktsioonide analüüsi.

8. **Võimalikud uurimistöö jätkamise suunad.** Keelelise kvantitatiivsuse kategooria uurimine võiks edaspidi sisaldada verbi kvantitatiivsuse kontrastiiv-uuringut, omaduse graduaalsuse analüüsi, arvsõnade substantiveerumise probleeme, nimisõna arvuvormide seoseid tegusõnaga, kvantitatiivsuse seoseid teksti anafoorsete elementidega, samuti seoseid sõnamoodustusega. Leksika ja grammatika koostoime mehhanismid kvantitatiivsuse väljendamisel vajavad täiendavat uurimist paljude keelte materjalil selle universaalse kategooria tüpoloogilise mudeli loomiseks. Noomeni arvulise käitumise uuringutulemused saavad oluliselt parendada noomenite leksikograafilist käsitlust, olla kasulikud ainedidaktikale vene ja eesti keele õpetamisel, samuti tõlketeooria ja -praktika (sh ka masintõlke) jaoks.

SUMMARY

Expression of Quantitativity in Nominals in Russian and Estonian Languages

1. In recent years, quantitativity and the means of expressing quantitative relations in language have attracted increasing attention from researchers working in different areas of modern linguistics. Most modern researchers assign quantitativity (количественность) to the field of cognitive research and semantics [Арутюнова 2005; Wierzbicka 1988; Ляшевская 2004; Числовой код 2014], T. Bulygina and A. Shmelev consider quantitativity within the framework of the referential theory of language [Булгыгина, Шмелев 1988; Шмелев 2002]. On the other hand, many linguists consider problems related to quantitativity in the framework of functional [Акуленко 1990; ТФГ 1996] and typological [Corbett 2004] approaches. Modern views on the description of quantitativity at different levels of the language system were formed under the influence of such studies as [РГ 80; Мельчук 1985, 1995; Реформатский 1960; Шелякин 2001; Зализняк, Падучева 1997; Холодович 1946] in Russian linguistics, [ЕКГ 1995, 1993; Erelt 1997; Pajusalu et al. 2004; Paldre 1997] and the fundamental description [ЕКС 2017] in Estonian linguistics, [Кузнецова 1998; Varga 2012] in Finno-Ugric linguistics. The works of O. Jespersen, J. Greenberg, M. Dryer [Jespersen 1924; Greenberg 1972; Dryer 1989] also remain very influential.

2. Quantitativity is understood as a semantic category that actualizes ideas about the complex of concepts of quantitative content: quantity, set, number. Quantitativity is the quantitative dimension of objects, attributes, actions and situations. The category of quantitativity in a language is understood as a set of linguistic means designed to express quantitative values. It is characterized by the following two properties: universality, i.e. it belongs to all languages of the world, and totality, i.e. it belongs to all domains of the language system [Гак, Кузнецов 1985: 114].

3. **The subject of the research** is the means of expressing the subject quantitativity in the grammar of nouns, adjectives and numerals based on the material of Russian and Estonian, as well as the number behavior of nouns. Primary attention is paid to the grammatical aspects, because it is grammar that is of the greatest interest from the point of view of the contrastive description of the language system. The problem of quantitativity, however, is inevitably related to the features of lexical units, so dictionary materials are largely involved.

An attempt to describe the pluralia tantum and singularia tantum nouns, as well as separate classes of nouns in Russian and Estonian in the comparative aspect was made by H. Pärn [Пярн 1984, 1985, 1987, 1989a, 1989b]; however, the proposed study is significantly beyond the scope of the analysis undertaken by H. Pärn.

Modern capabilities of corpus linguistics and software processing of large text data provide new material and offer new opportunities for its comprehensive

analysis. The relevance of the topic is explained by the lack of a systematic comparative description of the functional category of quantitativity based on the material of Estonian and Russian.

4. **Goals and objectives of the study.** The aim of the research is to provide a theoretical understanding of the category of quantitativity and to describe the forms of expression of quantitative values in Estonian and Russian nouns.

Research objectives are to:

- 1) compare the existing approaches in the description of quantitativity and multiplicity;
- 2) identify grammatical means of denoting subject quantitativity in Russian and Estonian;
- 3) identify and classify features to determine classes of names that differ in their number behavior;
- 4) give a comparative description of the grammatical expression of the number opposition in Estonian and Russian;
- 5) identify the mechanisms of interaction between vocabulary and grammar in the expression of quantitativity in Estonian and Russian;
- 6) identify the mechanisms of interaction of grammatical means of quantitative values' expression in the name in these languages.

5. **Material and method.** The theoretical and methodological basis of the research are works devoted to the expression of quantification in language, the quantification of objects of reality, the features of reference in the segmentation of objects, and the theory of sets [Акуленко 1990; Квантификативный аспект языка 2005; Числовой код 2014; Wierzbicka 1988; ТФГ 1996; Бодуэн де Куртенэ 1963; Есперсен 1958; Реформатский 1960; Холодович 1979; Панфилов 1977; Арутюнова 2005; Булыгина, Шмелев 1988; Шмелев 2002; Ляшевская 2004; Мельчук 1985, 1995; Крылов 2005; Исаченко 1965; Пете 1981; ЕКС 2017; Гак, Кузнецов 1985; Тураева, Биренбаум 1986, 1985]. The theoretical basis for the analysis of the functioning of number forms of names and number values was the following works: [РГ 80; Зализняк 2002, 1977; Шелякин 2001, 1989, 1985; Шахматов 1941; Успенский 2004; Wierzbicka 1988; Ляшевская 2004; Мельчук 1985, 1995; Corbett 2004; Поливанова 2008; Бурас 2008; Шмелев 2002; ЕКС 2017; Рахилина 2008; Виноградов 1972; Tauli 1980; Tiits 1983; Кудрявцев 2001; Õim, Õim 2015; Alvre 1962]. Special theoretical sources for my research were found in the works devoted to the contrastive description which highlight certain aspects of quantitativity and number [Исаченко 1965; Гак 1977; Категория количества 1990; Соболев 2007, 2005; Горшкова 1977; Телегина 2014; Лазарева 2009, 2010; Семенова 2007], contrastive descriptions of Estonian and Russian language material in the aspect of my research [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003; Кюльмоя 1973; Пярн 1984, 1985, 1989], contrastive description of attributive and quantitative constructions [Klaas 1994], syntax of the total and partial subject [Klaas-Lang, Norvik 2014], and pluratives [Томмола 2019] based on the material of the Baltic area languages.

The sources for the study were the following printed dictionaries: Russian Language Dictionary in 4 volumes (edited by A. P. Evgenieva), Large Explanatory Dictionary of the Russian Language (edited by S. A. Kuznetsov), Explanatory Dictionary of the Estonian language in 6 volumes (Eesti keele seletav sõnaraamat, 2009), Dictionary of the basic vocabulary of the Estonian language (Eesti keele põhisõnavara sõnastik), Estonian-Russian Dictionary in 5 volumes (Eesti-vene sõnaraamat), Estonian-Russian Dictionary by I. Tamm (9th revised edition); online dictionaries: EKSS (2009), EVS, PSV, ÕS 2018; language corpora: National Corpus of the Russian Language, Russian Web 2017 (ruTenTen17), Estonian National Corpus 2019 (Estonian NC 2019), Estonian Balanced Corpus, The Estonian Web Corpus (etTenTen), Estonian Reference Corpus; materials of the “Postimees,” “Eesti Ekspress,” “Maaleht” newspapers, texts of government authorities’ websites of Russia and Estonia, commercial ads in Estonian and Russian. The following resources were used to collect and analyze the material: Sketch Engine [Kilgarriff et al. 2004], keeleveeb, KORP, Sõnavveeb. In the course of the research, a large collection of over 3000 examples was collected on various aspects of the topic (for example, a collection of pluralia tantum names from dictionaries and text sources; nouns in distributive use; names of body parts in distributive use; derivatives with the *-kond* suffix from dictionaries and corpora; proper names in plural; names denoting spaces; names of fruits and plants; forms of plural in disputed uses). Examples of the use of singular and plural forms (for example, in numerical and counting contexts, or in contexts that convey the “part of the whole” value) were collected using the Sketch Engine corpus manager [Ibid.], which has become a serious working tool for lexicographers (see, for example, about its use for solving similar problems in [Kallas, Koppel, Tuulik 2015]). The main body of the examples was collected manually.

The study uses the following **methods**:

- 1) comparative analysis of existing theoretical descriptions and evidence from Estonian and Russian, analysis of lexicographic material (includes analysis of lexical material and grammatical comments on dictionary data),
- 2) semantic analysis of lexemes and contextual analysis of the use of word forms (establishing the connection between the semantics of a word, the function of form and context; analysis of the number behavior of names of different lexico-grammatical word classes),
- 3) structural and semantic analysis of quantitative grammatical constructions in nominal groups and simple sentences (includes analysis of the use of number forms in Num-N and Adj-N constructions, as well as in existential sentences),
- 4) semantic and syntactic analysis of grammatical constructions and their possible transformations (analysis of the actualization of quantitative features depending on the syntactic implementation of the name).

The study applies both “form-to-meaning” and “meaning-to-form analysis”.

6. **The structure of the paper.** In the Introduction, the topic of my research is formulated, its relevance and scientific novelty are stated, the object and

subject of the research are determined, the theoretical and methodological prerequisites of the research are given, the method is determined and the structure of the dissertation essay is revealed.

The first chapter, "Quantitativity in Language," defines the difference between the conceptual category of quantitativity and quantitativity in language. It reveals various theoretical approaches to the study of quantitativity in language: set theory, the theory of the lexico-grammatical fields of multiplicity, the theory of the functional-semantic field (FSF) and the FSF of quantitativity. It also examines the structure of the semantic category of quantitativity and its constituents.

The second chapter, "Number Category," is devoted to the noun number category: relationships between the number category and object, number and object segmentation are examined; the relationship between the lexical meaning of a name and its number behavior is revealed, the main lexico-grammatical categories of names are described in the aspect of their number behavior, the values of the singular and plural forms are established, the general patterns of number behavior of names with a defective paradigm in Russian and Estonian are explored.

The third chapter, "Number and Case," reveals the interaction between number and case categories in the implementation of specific quantitative values.

In the fourth chapter, "Quantitativity in the Quantitative and Nominal Group," the features of the actualization of subject quantitativity in combination with numerals and adjectives are considered.

The fifth chapter, "Quantitativity and Distributional Context," explores the specifics of number behavior of names in a distributional context.

The Conclusion formulates the results of the conducted research and outlines some possible ways to further study the semantics and syntax of the number.

7. Key theoretical results of the study.

7.1. The analysis of existing linguistic descriptions of quantitativity demonstrates significant differences in terminology and definitions due to differing methodological and practical attitudes of the authors.

The structural representation of the category of quantitativity is fundamental for the theoretical comprehension of the material. In the theoretical concept of A. Kholodovich, the grammatical category of number is a special case of the category of multiplicity; in the E. Gulyga – E. Shendels concept, multiplicity is included in the lexico-grammatical field of number; in V. Akulenko's theory of quantification the FSF of multiplicity is included in the microfield of indefinite quantity.

Language presents various types of quantitativity. The types of quantitativity are determined on the basis of the logical juxtaposition of oppositions in the expression of quantitative relations. The semantic characteristic of the quantitativity type is set by the semantics of its constituents. Different structural units of various levels of the language system can be represented in one type.

The means that express quantitativity represent it through their semantic features as:

- a) object, process and attribute quantitativity;
- b) multiplicity and singularity;
- c) definite and indefinite quantitativity (which includes indefinitely large and indefinitely small quantities).

7.2. The paper shows that countability/non-countability is a characteristic that can be inherent in a name, and can also be set by the context. In the first case, the name demonstrates preferences in use (some names are more often used as countable, others – as uncountable), in the second, the countability/non-countability of the name in the context may contradict the prototypical dictionary definition.

7.3. Lexico-grammatical categories of words in Russian and Estonian have specific features in the use of number forms in different types of contexts.

7.3.1. The number behavior of proper names in Estonian and Russian depends on the type of reference. Proper names can be used in plural forms if they do not have a unique reference initially (*tädi Maali; Ми-нушки, Кларушки, Марианны и т. п. похорошели донельзя, но стоят страшных денег (Достоевский)* [Шмелев 2002: 50]) or lose this unique reference in context (*Черчилли, де Голли; Andresed, Pearud ja Krõõdad*). In both languages, the plural form can be set by a plurative hyperonym (*adidased* pro *kingad*; *ролексы* pro *часы*). In both Estonian and Russian, the loss of a unique reference can be interpreted as a metonymic transfer, while Estonian is not characterized by the “author’s personal name ⇒ product of creative work (PL)” transfer (*левитаны на стенах висят*) and the metonymic “brand name ⇒ brand product (PL)” transfer (*ролексы*) is limited by the discourse type (mainly in commerce).

Both languages use the associative plural (*Ивановы; Tammed*).

Estonian and Russian allow for the wide use of the so-called ‘token’ proper names quite popular with the media, especially in political discourse and popular culture.

7.3.2. My analysis of collective names in Russian and Estonian suggests the development of opposite trends in their “category” of collectivity. In Russian, there are many collective suffixes but few open word-formation models; in Estonian, there are significantly fewer word-formation models, but the *-kond* affix turns out to be so productive, while retaining its meaning of collectivity, that one can think of it not so much as an affix but rather “marker” of collectivity in this language. *kond*-derivatives can denote combinations of both animate and inanimate objects, as well as spaces, and refer to sets of discrete objects. Names with the *-kond* suffix for spaces suggest that indication of plurality in a language can be associated with space designation.

7.3.3. Possibilities of using plural forms of mass nouns in Russian and Estonian in the specific (varietal) meanings or in the meaning of a large number are limited. In Estonian, unlike the Russian *снега Килиманджаро* and *льды Арктики*, the plural forms of the nouns *lumi* ‘snow’ and *jää* ‘ice’ aren’t normally used. If the name is used in plural in a varietal

meaning, this does not mean the automatic use of this name in quantitative groups (*два льда).

In modern Russian, the non-standard use of plural forms indicates a new pragmatic function of number, primarily in advertising and political discourse (*Рады, что наши озабоченности были услышаны. (mid.ru)*).

7.4. The paper explores in some depth the meanings of plural forms in Estonian as I tried to fill in the gaps in its grammatical descriptions of

- 1) split multiplicity (plurality) (*Peetril on vennad*);
- 2) cumulative multiplicity (*Eakad inimesed külmetuvad kergesti*).

In quantitative groups plural forms may denote

- 3) indefinite quantitativity (*Siin on raamatuid*),
- 4) indefinite-limited quantitativity (*TÜ üliõpilased*),
- 5) certain quantitativity (*üks karp pliiatseid*).

Pluralia tantum forms may denote

- 6) a pair (or dual nature) of objects (*kingad*),
- 7) sets (*viinerid pro portsjon*),
- 8) multiplicity in the composition of an object (*käärid*) or in the structure of an action (*talgud*),
- 9) combinations (*arstmed*).

7.5. In terms of the functional paradigm of the name in Russian and Estonian, it is possible to single out the names that have common singular and plural forms, singularia and pluralia tantum names, quasi-tantum names (sg-oriented and pl-oriented), and names with unstable number forms.

7.6. Lexical groups of pluralia tantum words in Estonian and Russian are the same. Continuous sampling from lexicographic sources reveals 19 lexical classes of pluralia tantum names. Pluralia tantum nouns in both languages are represented by the following taxonomic word classes:

- 1) groups of homogeneous objects, phenomena (*войска; relvajõud*);
- 2) objects, complex in composition (*часы, брюки; püksid*);
- 3) items making up sets (*бигуди, координаты; ristkoordinaadid*);
- 4) substances (*духи; heitmed*);
- 5) complex actions (*дебаты; jõulud; kihlad*);
- 6) time intervals (*будни; teismed*);
- 7) areas (*ухеры; märgalad*).

These word classes correspond to the categorization by A. Kholodovich of the types of sets [Холодович 1979]. Classes represent definite sets (*сани, вилы* as opposed to indefinite sets: *столы*); subject sets (*деньги, роды* as opposed to many objects: *рука – руки*); algebraic sets (*ножницы, грабли* as a set of terms, as opposed to an arithmetic set seen as a sum of terms: *земляника*).

In both languages, one can distinguished a category of paired relationship which includes some subject names that make up sets (*saapad*) and some pluralia tantum names (*vanemad; kahed koordinaadid*, unlike *ihe punkti kolm koordinaati*).

Among the pluralia tantum names, there are names that represent many items as sets. In such cases, there is an imaginary correlation in number: *один*

волос – несколько волос and pluralia tantum *волосы*: *волосы с челкой, волосы без пробора; lahtised kohevad juuksed* with the impossible * *lahtine kohev juus*.

Metaphorical use can influence the choice of the number form (*kaalule / kaaludele panema* in metaphorical use does not allow for a plural form: *oma elu kaalule panema*).

In the emphasized singularity contexts Estonian chooses a singular form for pluralia tantum in locative cases (*pulmad*, but *kellegi pulmas*). In general, Estonian is characterized by singular forms of the name in circumstantial constructions. In the combinations of *jalga panema* ‘put on’ (lit. *in the foot*) about trousers or shoes, *kätte panema* ‘put on’ (lit. *in the hand*) about gloves, the name is included in the semantic structure of the verb and has syntactic restrictions on external links; it does not allow any individualization. If *jalg* ‘leg’ gets a specific reference, then the plural form is used: *jalgadele panen jalakreemi* ‘I’ll put foot cream on my feet’.

7.7. The names for the fruits of plants in Estonian and Russian have some special features in terms of their countability. My collected examples show that in Estonian:

- 1) “small size,” “grows above the ground” and “eat whole” is sufficient for the name to be countable (*kilo maasikaid* (PL)),
- 2) “grows underground” and “eat *en masse* (chopped)” is sufficient for the name to fall into the transition zone (*kilo sibulat / kilo sibulaid* (SG/PL)).

In Russian, a combination of features:

- 1) the “average size” and “eat whole” criterion is sufficient for the name to be countable (*килограмм яблок* (PL)),
- 2) the “grows underground” and “eat *en masse* (chopped)” criterion is sufficient in order to make the name uncountable (*килограмм свеклы* (SG)).

In Estonian, we should rather talk about distinguishing between contexts that reflect the way an object is conceptualized. If the fruit is conceptualized as a bounded object (“piece”), then the number form will depend on the syntactic construction: *viis sibulat* (SG) in a numeric group, *kilo sibulaid* (PL) in a count word group. In contexts with non-discrete conceptualization a singular form is used: *ma ei söö sibulat, punase sibulaga heeringafilee*.

In both languages, it is possible to use the singular form when the product is presented as a homogeneous mass (the so-called singular of mass). In verbal contexts like *крошить, шинковать, натирать, чистить, мыть, kooriga, pesema, puhastama, asetama (taldrikule), poolitama, täitma* the names of the fruits in the transition group take the plural, since “manual processing” involves actions when one (root)fruit is taken in hand: *koori paprikad* (PL).

In Estonian, unlike Russian, names of a lower taxonomy level – variety names – have no restrictions on their use in the plural form: *valged klaarid* (PL).

Singularia tantum names in Estonian can be used in the plural to convey a variety-specific meaning (i. e. behave as “regular” singularia tantum): *erinevaid hirsse* (PL).

Names with a double status that name large fruits can indicate a small amount when they are part of quantitative groups with the “singular of mass”

meaning while their plural form implies a large amount: *I kilo arbuusi* (SG) – *tuhandeid kilosid arbuuse* (PL).

In Estonian, the singular names of some cereals, roots, vegetables (*kaalikas, porgand, naeris, peet, kartul; kaer, rukis, oder*) in locative cases may indicate mass crops (spaces associated with these plants): *lapsed läksid hernesse* (SG.ILL). Singular berry names (*pohl, maasikas, jõhvikas, mustikas, vaarikas*) in locative cases may indicate confined areas where berries are harvested: *käisime rabas murakal* (SG.ADE).

7.8. Names with unstable numeric formatting (for example, denoting spaces) in Russian and Estonian may have more complex number behavior. In different contexts, spatial names in both languages can actualize different variants of space representation, which begins to influence the choice of the number and case forms (*в границах / на границе – piirides / piiril*).

7.9. Russian and Estonian have case-numerical forms (partitive genitive, plural instrumental in Russian; partitive in Estonian) which convey quantitative relations in a specific way. Some singular mass nouns in the partitive genitive case in Russian and in partitive in Estonian indicate an indefinite number. In such quantitative contexts, the above forms contrast with the forms of genitive in Russian and Estonian. The meaning of the partitive genitive is sometimes interpreted as a “part of the whole,” which is not always obvious (*он выпил чаю* is rather understood as an indefinite amount of tea). Russian partitive genitive forms in existential sentences can indicate a large amount (*Ну и шуму!*).

Both languages have syntactic constructions that specifically indicate an indefinite undivided set. In Estonian it is the plural partitive in combination with a singular predicate verb, in Russian – plural genitive in combination with a singular predicate verb (*Kasel oli lehti; людей было много*).

In Russian, the meaning of undivided plurality can be rendered by plural forms in specific combinations (*постричься в монахи, служить в солдатах*).

An Estonian name in a plural partitive form with an attribute in the predicate position indicates a definite set (*Jüri on paremaid sõpru*), the syntax of the entire sentence represents the name subject as part of this set, a singularity singled out from the set. In such usages the plural forms represent part of the set in such a way that the set denotes any of its parts. Similar contexts of representing a set are also found in Russian (*Ты кто же, солдат? – Солдаты Аншеронского полка. Platon Karataev answers Pierre Bezukhov about himself*).

7.10. The quantitative meaning of numerals is actualized in numeral groups, in which the numeral/noun relationship in both Russian and Estonian depends on the syntactic position of the group (e. g., it is associated with the case form of the numeral/name). I believe that outside of the quantitative group, without a noun a numeral contains only an indication of an abstract number. The quantitative value is actualized as a subject quantity and is associated with an indication of the objects subject to counting.

Plural forms of *сто, тысяча, миллион* indicate an indefinitely large number (*тысячи людей – tuhandeid inimesi*).

The plural form of the numeral *один* contradicts the lexical meaning of this word, it is used only under the influence of the plural noun form in the quantitative group. The lexical meaning of singularity becomes a limiting factor in the combinability of the numeral: it is combined only with the pluralia tantum names and those of paired objects: *одни брюки, одни сумки; в одни руки, одни сапоги* as “one pair of boots.” In other uses *одни* passes into the category of indefinite pronouns or restrictive particles.

The paper offers a systematic description of ordinal numerals’ plural forms. These forms are used:

- 1) with countable pluralia tantum (*пятые сумки; teised prillid*),
- 2) when counting groups (*первые десять дней; esimesed kolm kilomeetrit*),
- 3) to denote many objects with an ordinal attribute (*третьи классы – kolmandad klassid*),
- 4) in predicative function (*Комаровы в очереди четвертые; Eesti bridžimehed kolmandad*),
- 5) in fixed phrases (*третьи лица – kolmandadisikud*),
- 6) in counting enumeration (*первые пришли, вторые ушли – esimesed tulid, teised läksid*),
- 7) to denote decades (*шестидесятые – kuuekümnendad*).

In Russian, parametric names in the plural instrumental can denote an indefinitely large quantity/amount (*часами работает*).

Adjectives in combination with nouns not only duplicate the indication of quantity (in their agreed number form) but are able to replenish information about the number of objects (*изучают русский и украинский язык, roheline ja punane kleit* (SG)), indicate the multiplicity of an attribute (*новые роман и повесть; punapäised* (PL) *poiss* (SG) *ja tüdruk* (SG)). In the context of two sets, each of which singles out an element, these elements are qualitatively identical. In Estonian, in contrast to Russian, the form of a single representative element is allowed: *Eesti ja Soome president* [example from EKS 2017: 631, analysis – L. M]. Basically, we are dealing with a distributive context, represented in a specific possessive construction:

president of Estonia and president of Finland ⇒ *presidents (of Estonia and Finland)*.

Unlike Russian, Estonian allows the plural of collective names in such contexts: *Soome ja Rootsi üliõpilaskonnad*. The possibility of using a plural name in such a context can be a test for clarifying the semantic features of collective names in descriptions in Estonian and Russian: cf. *студенчество Финляндии и Швеции*, but **студенчества Финляндии и Швеции*, and at the same time *народы Азии и Африки*. In other words, in the class of collective names there may be names representing different collectiveness: group nouns and aggregate [Jackendoff 1991].

Inversion in the quantitative group in both languages (*пять человек – человек пять; viis inimest – inimest viis*) denotes an approximate number/quantity.

7.11. Singular forms can convey the meaning of plurality in distributive contexts in the case of a one-to-one coreference match. Singular and plural forms are not always contextually interchangeable in both Russian and Estonian. A number form can be fixed in idiomatically bound combinations. In metaphorical, generalized contexts a singular form is normally used in both languages (*люди с головой – inimesed peaga; Muidu on meil jälle kirves pea kohal*). In these and other contexts without specific reference, a singular form is common (Estonian is especially characterized by singular locative adverbials with removed reference: *palju inimesi on haiglas* (SG)). If a name in distributive use is individualized (it has an individualizing definition; there are words suggesting plurality *друг друга, одновременно*; predicates indicating a plural object *переломать, соединить, скрестить – ristama*, a relational name is expressed by a coordinate string), it takes a plural form: *Ärimehed olid nagu ärimehed ikka: valged pluusid seljas ja lipsud ees* ‘*Бизнесмены были как бизнесмены: белые рубашки (PL) и галстуки*’.

In Russian, singular is usually found when a name is used to indicate measure and degree (*вооруженные с головы до ног, погрузились с головой*).

In cases of possible synonymy, Russian and Estonian more often choose a plural form.

Thus, the description of the means of expressing subject quantitativity in Estonian and Russian includes an analysis of the use of number forms of a name, case-number forms, syntactic constructions (possessive, quantitative NPs, coordinate series of adjective constructions, inversion).

8. Possible directions for further research of the topic. The theoretical apparatus of linguistics and the tools for computer processing of linguistic data are constantly being improved, therefore further study of the category of quantitativity should receive new promising research methods.

Further study of the category of quantitativity may include comparative analysis of verbal quantitativity, attribute graduality, problems of numeral substantivation, relation and correlation of number forms of names and verbs, correlation of quantitativity with the text’s anaphoric elements, quantitativity and word formation. The existing mechanisms of interaction between vocabulary and grammar in the expression of quantitativity also need additional research on the material of a large number of languages of different structure in order to build a comprehensive typological model of this universal category.

Results of such a study of the numerical behavior of the name can significantly improve the lexicographic description of names, contribute to the teaching methods of Estonian and Russian, and to the theory and practice of translation (including automatic translation).

CURRICULUM VITAE

Лариса Юрьевна Муковская

Гражданство: Российская Федерация
Дата и место рождения: 8 августа 1966, Российская Федерация
Адрес эл. почты: larissa_mukovsky@yahoo.com

Образование

1986–1991 Санкт-Петербургский государственный университет, *cum laude* (филолог-унгарист, переводчик, преподаватель русского языка и литературы, специалист по общему языкознанию и теоретической лингвистике)
2017–2021 Тартуский университет, докторантура (русский язык)

Профессиональная деятельность

1991–1999 Институт лингвистических исследований Российской академии наук, младший научный сотрудник
1999– Санкт-Петербургский государственный университет, старший преподаватель
2020–2021 Тартуский университет, младший научный сотрудник

Научная деятельность

Область научных интересов: контрастивная и типологическая лингвистика, лексикография, перевод; русский язык, финно-угорские и тюркские языки.

Опубликовано 29 работ, из них 3 в международных изданиях.

ELULOOKIRJELDUS

Larisa Mukovskaya

Kodakondsus: Vene Föderatsioon
Sünniaeg ja -koht: 8. august 1966, Vene Föderatsioon
E-post: larissa_mukovsky@yahoo.com

Haridus

1986–1991 Peterburi Riiklik Ülikool, *cum laude* (ungari filoloog, tõlkija, vene keele ja kirjanduse õpetaja, üldkeeleteaduse ja teoreetilise lingvistika spetsialist)
2017–2021 Tartu Ülikooli doktoriõpe (vene keel)

Teenistuskäik

1991–1999 Venemaa Teaduste Akadeemina Keeleuuringute Instituut, nooremteadur
1999–2020–2021 Peterburi Riiklik Ülikool, vanemõpetaja
Tartu Ülikool, nooremteadur

Teadustegevus

Teaduslikud huvid: kontrastiivne lingvistika, keeletüpoloogia, leksikograafia, tõlketeadus; vene keel, soome-ugri ja turgi keeled.

On avaldatud 29 tööd, neist 3 on rahvusvahelistes väljaannetes.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

- Külmoja, I., Mukovskaya, L. On the Representation of the Category of Number in Nouns in Estonian and Russian Dictionaries // *Eesti Rakenduslingvistika Ühingu aastaraamat*. Tallinn. 2020. 141–155.
- Муковская Л. Дистрибутивный контекст и числовые формы русских существительных (соматическая лексика) // *Valoda – 2020. Language in the Context of Various Cultures, XXX*. Daugavpils: Daugavpils University, 2020. 158–164.
- Муковская Л. Числовые формы существительных в дистрибутивном употреблении или *Мальчики повернули головы* // *Studia Slavica XIX*. Tallinn, 2021. – in print.
- Муковская Л. Ю., Муковский О. Л. Конструкции “количественное числительное во множественном числе + существительное” в эстонском языке: семантический анализ // *Университетский научный журнал*, 2016. № 20. С. 51–59.
- Муковская Л. Новая прагматика числа, парадигма и мультязычная картина мира // *Речевое воздействие в разных типах дискурса*. Гданьск: Гданьский университет, 2021. – in print
- Муковская Л. Случаи «спорного» множественного числа существительных в русской речи // *Русская филология*. 31. Тарту, 2020. С. 371–378.
- Mukovskaya L. The Number Paradox: Russian Collective Numerals vs Estonian Plural Cardinals // *Русская филология*. 30. Тарту: Тартуский университет, 2019. С. 336–349.
- Муковская Л. Количественные конструкции со значением *половина* в эстонском языке: контрастивный комментарий // *Русская филология*. 29. Тарту: Тартуский университет, 2018. С. 453–460.
- Колпакова Н. Н., Муковская Л. Ю. «Необычные» числа во фразеологических выражениях (на материале венгерского и эстонского языков // *«Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»*. Отв. ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. С. 106–109.
- Муковская Л. Проблема лексикографического представления существительных с дефектной числовой парадигмой в эстонском и русском языках // *Uralo-Indogermanica III. Abstracts*. ed. Tóth Sz. T., University of Tartu, Narva College. Narva, 2018. 13–14.
- Муковская Л. Числовые формы имен с пространственным значением в эстонском языке // *Uralo-Indogermanica IV. Abstracts*. Narva: University of Tartu, Narva College, 2020. 14–15.

**DISSERTATIONES PHILOLOGIAE SLAVICAE
UNIVERSITATIS TARTUENSIS**

1. **Юрий Кудрявцев.** Очерки по русской фонологии и морфонологии. Тарту, 1996. 157 с.
2. **Светлана Туровская.** Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). Тарту, 1997. 136 с.
3. **Елена Погосян.** Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. 158 с.
4. **Ирина Белобровцева.** Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Конструктивные принципы организации текста. Тарту, 1997. 167 с.
5. **Светлана Кульюс.** Эзотерические коды романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (эксплицитное и имплицитное в романе). Тарту, 1998. 207 с.
6. **Леа Пильд.** Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, 1999. 136 с.
7. **Роман Лейбов.** «Лирический фрагмент» Тютчева: жанр и контекст. Тарту, 2000. 143 с.
8. **Валентина Щаднева.** Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания. Тарту, 2000. 212 с.
9. **Александр Данилевский.** Поэтика «Повести о пустяках» Б. Темиряева (Юрия Анненкова). Тарту, 2000. 151 с.
10. **Татьяна Фрайман.** Творческая стратегия и поэтика Жуковского (1800 – первая половина 1820-х годов). Тарту, 2002. 165 с.
11. **Татьяна Троянова.** Антропоцентрическая метафора в русском и эстонском языках (на материале имен существительных). Тарту, 2003. 166 с.
12. **Елена Нымм.** Литературная позиция И. Ясинского (1890–90-е гг.). Тарту, 2003. 169 с.
13. **Эрика-Оксана Хааг.** Функциональная типология и средства выражения причинно-следственных отношений в современном русском языке. Тарту, 2004. 165 с.
14. **Вадим Семенов.** Иосиф Бродский в северной ссылке: поэтика автобиографизма. Тарту, 2004. 176 с.
15. **Роман Войтехович.** Психея в творчестве М. Цветаевой: Эволюция образа и сюжета. Тарту, 2005. 165 с.
16. **Анжелика Штейнгольд.** Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе. Тарту, 2006. 202 с.
17. **Катрин Кару.** Уступительные конструкции в эстонском и русском языках. Тарту, 2006. 248 с.

18. **Оксана Паликова.** Двухязычный словарь и функционально значимые связи слова. Тарту, 2007. 139 с.
19. **Тимур Гузаиров.** Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с.
20. **Татьяна Кузовкина.** Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. Тарту, 2007. 163 с.
21. **Ольга Бурдакова.** Имперфективация глаголов *v* продуктивного класса в современном русском языке. Тарту, 2008. 194 с.
22. **Ирина Абисогомян.** Становление чешской лексикографии в эпоху национального Возрождения: традиции и новаторство. Тарту, 2009. 200 с.
23. **Ирина Табакова.** Основные типы аббревиатур в современном польском языке (к специфике моделей производящих синтаксических структур). Тарту, 2009. 205 с.
24. **Дмитрий Иванов.** Творчество А. А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Тарту, 2009. 224 с.
25. **Инна Булкина.** Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное. Тарту, 2010. 213 с.
26. **Алексей Вдовин.** Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. 238 с.
27. **Ольга Мусаева.** Рецепция творчества Федерико Гарсиа Лорки в русской культуре (1930–1960-е гг.). Тарту, 2011. 217 с.
28. **Мария Боровикова.** Поэтика Марины Цветаевой (лирика конца 1900-х – 1910-х годов). Тарту, 2011. 148 с.
29. **Ольга Ягинцева.** Этимологическое исследование некоторых диалектных названий предметов домашнего обихода. Тарту, 2014. 127 с.
30. **Ирина Рудик.** Русская тема в сборнике Марины Цветаевой «Версты, Стихи. Выпуск I (1922)». Тарту, 2014. 166 с.
31. **Елизавета Фомина.** Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту, 2014. 150 с.
32. **Павел Успенский.** Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту, 2014. 214 с.
33. **Константин Поливанов.** «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. 262 с.
34. **Сирье Купп-Сазонов.** О роли грамматики в переводе (на материале временных форм глагола в русском и эстонском языках). Тарту, 2015. 249 с.
35. **Андрей Федотов.** Русский театральный журнал в русском контексте 1840-х годов. Тарту, 2016. 178 с.
36. **Кристина Сарычева.** Восприятие Ф. И. Тютчева и А. А. Фета в русской литературной критике 1870-х – 1900-х гг. Тарту, 2016. 173 с.
37. **Алисия Чекада.** Теоретические основы составления двухязычного словаря: на примере польского и эстонского языков. Тарту, 2017. 131 с.

38. **Артем Шеля.** «Русская песня» в литературе 1800–1840-х гг. Тарту, 2018. 268 с.
39. **Александра Чабан.** Н. С. Гумилев — критик поэтов-символистов: динамика оценок и эволюция критического языка. Тарту, 2018. 183 с.
40. **Елена Вельман-Омелина.** Эстонско-русский перевод и развитие современной официально-деловой коммуникации: теоретический и практический аспекты. Тарту, 2018. 192 с.
41. **Ксения Филимонова.** Эволюция эстетических взглядов В. Шаламова и русский литературный процесс 1950-х – 70-х годов. Тарту, 2020. 159 с.
42. **Карина Новашевская.** А. А. Шаховской — идеолог русского национального театра. Тарту, 2020. 251 с.
43. **Анна Герасимова.** Проблема реального реципиента художественного текста: анализ современных читательских практик. Тарту, 2020. 199 с.
44. **Алексей Козлов.** Литературная репутация писателя-беллетриста: Н. Д. Ахшарумов в 1850–1880-е годы. Тарту, 2021. 242 с.